

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д. И. Гулиа

ЛЕЙЛА АЧБА

**воспоминания
черкесской
принцессы**

(перевод с турецкого Авидзба В. Д.)

АБИГИ
Сухум • 2017

УДК 930

ББК 63. 3 (5Абх) 6 ю 18

А 20

Утверждено Ученым советом Абхазского института
гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа

ЛЕЙЛА АЧБА

Воспоминания черкесской принцессы / перевод с
турецкого Авидзба В. Д. / АН Абхазии. АБИГИ им. Д. И.
Гулиа/Сухум, 2017. – 200 с. + 2 ил.

Воспоминания черкесской принцессы Лейлы Ачба были подготовлены к печати и изданы ее племянником Харуном Ачба. Она несколько лет провела во дворце последнего османского падишаха, была придворной дамой одной из его жен. Перевод воспоминаний с турецкого языка осуществлен абхазским историком, в течение 20 лет работавшего полномочным представителем Абхазии в Турецкой Республике.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

содержание

От переводчика / 7

Предисловие / 11

Благодарность / 15

Послание / 17

**1. Часть: Относительно моей семьи
и моего прошлого**

Мое рождение и моя семья / 21

Князя Ачба / 23

Бабушка моя Кемалифер-ханум
и главная госпожа Дюрринев / 24

Мама моя как переводчица / 26

Немецкая императрица посещает гарем / 28

Тетя моя, вторая наложница,
госпожа Пейвесте / 30

Дочь моего дяди, третья
наложница, госпожа Фатма / 31

Сестра моя Нурбану-ханум, супруга Шахзаде / 33

**2. Часть: Период Конституционного
правления**

Разграбление дворца Илдыз / 39

Разорение султанского гарема / 45

Мужественная и достойная уважения
 абхазская княгиня госпожа Бехиче / 48
 Госпожа Бидар / 51
 Смерть султана Абдулгамид-хана II / 52
 Австрийская императрица посещает гарем / 56
 Предложение моей тети / 58

3. Часть: **Моя жизнь во дворце**

Путь во дворец / 63
 Емине Назикеда – главная
 госпожа и переводчик / 66
 Нарушение присяги / 68
 Остальные жены его величества / 71
 Свита госпожи Назикеды,
 ее семья и близкие / 74
 Особенности характера госпожи Назикеды / 80
 Как одевались во дворце / 84
 Драгоценности госпожи / 85
 Особые традиции дворца / 86
 Каких девочек брали во дворец / 87
 Смерть главной госпожи Камурес / 90
 Сабиха султан и ее поклонники / 92
 Эпическая любовь Сабихи султан / 98
 Свадьба, похожая на сказку / 102
 Султан Мехмед Вахидеддин-хан / 106
 Госпожа Шайесте-ханум,
 мачеха его величества / 108
 Свита султана Вахидеддин-хана / 109
 Сестра его величества Медиха султан / 114
 Зять Ферид паша / 116
 Смерть моей мамы / 119
 Свадьбы падишахов / 122
 Маленькая Невзад / 126
 Пятничные церемонии султана / 129
 Рамазаны в Илдыз Сарае / 131

4. Часть: **Дорога, ведущая из дворца в ссылку**

- Отправление Мустафы Кемаль
паши в Анатолию / 135
- Горечь и насилие / 138
- Развод Ульвие султан / 140
- Последние дни салтаната / 141
- Похищение или измена? / 144
- Расставание с Илдызом / 152
- Дворец Ферия / 155
- Не дворец это, а тюрьма / 159
- Последняя молитва Шемсинур-ханум / 162
- Объявление республики / 165
- Свадьба Ульвие султан / 168
- Трагедия Шахесер-ханум / 170
- Роспуск свиты / 172
- Изгнание / 175
- Разлука / 185
- Дай руку Анатолия / 192
- Последняя станция Сивас / 193

От переводчика

Было это летом 2004 года. Вместе с моим убыхским другом, энтузиастом истории Абхазии Озальпом Генеральп, мы посетили в Стамбуле музей Военно-морских сил Турции. В одном из турецких журналов я прочитал, что в этом музее выставлен макет 60-пушечного военного корабля, который еще в конце XVIII века владетельный князь Абхазии Келешбей Чачба подарил Турции. Это, естественно, меня заинтересовало, но макет мы не нашли. Один из посетителей музея, услышавший наш разговор, в котором называлась фамилия Чачба, посоветовал зайти в книжный магазин неподалеку, где, как ему говорили, есть какое-то издание, связанное с этой фамилией. Мы сразу же направились туда.

Однако с фамилией Чачба в магазине ничего не было. Но расстроиться я не успел. Внимание при-

влекла небольшая книжка, называлась она «Воспоминания черкесской княжны Лейлы Ачба из гарема», подготовленная к печати ее племянником Харуном Ачба. Мы приобрели несколько экземпляров книги, и дома я стал ее жадно читать.

О чем же пишет абхазская княжна Лейла Ачба (в Турции всех кавказцев называют черкесами).

Прадед Лейлы (она родилась в 1898 году в Стамбуле) Ахмед Ачба в 1842 году переселился в Турцию. Падишах Абдулмеджид-хан выделил Ахмеду Ачба землю в Болгарии, недалеко от Софии. Ахмед умер в 1856 году, и семья его переехала в Стамбул. Жизнь самой Лейлы сложилась так, что она несколько лет провела во дворце последнего османского падишаха, была придворной дамой одной из его жен.

Большинство «героев» Лейлы – это девушки абхазского, адыгского, убыхского происхождения, другие наши соотечественницы, которые разными путями попали в султанский дворец. Они там жили красивой жизнью, их обучали грамоте, языкам, музыке, благородным манерам. Они обслуживали жен, сестер, дочерей султанов, общались с самими султанами, их детьми и гостями. Причем, очень многое в общении строилось на абхазский лад.

С установлением в Турции республики сказки дворцовой жизни для них закончились, настали черные дни, страшнее, в их представлении, чем махаджирство. И последнего турецкого правителя Вахидеддин-хана, и всех, кто был связан с ним, с султанским дворцом, имел отношение к семье падишаха, выслали из Турции навсегда, сослали в раз-

ные страны мира. Абхазские женщины и девушки, корнями происходившие из сказочно красивых и цветущих мест – Пицунды, Цабала, Красной Поляны (Губаа адэы), Гумской Абхазии, оказались в нищете на чужбине – в Египте, Франции, Венгрии, Италии, Америке.

Раскиданные по всему миру, брошенные на произвол судьбы, разочаровавшиеся в жизни, не видя и не имея перспективы, никакой надежды, многие из них кончали жизнь самоубийством, другие умирали от тоски и болезней. Похоронены они все далеко от Родины, в чужой земле.

Прочитал я это горькое повествование о трагической судьбе наших абхазок, адыгеек, убыхек, и во мне загорелось желание сделать его доступным и сегодняшним нашим кавказцам, перевести его на русский язык. Это ведь тоже часть трагедии наших народов, хотя, поначалу, многим из них жизнь казалась красивой.

Богатого опыта переводческого дела у меня нет, тем более на русский язык. Это моя вторая попытка что-то перевести с турецкого языка. Первая работа – это «Кавказские воспоминания» Мустафы Бутба. Она еще не издана.

Я скрупулезно работал над переводом. Сохранить женское восприятие и понимание событий и их изложение оказалось делом непростым. Переводчики-профессионалы меня поймут. Но я очень старался.

Если, переведя записки Лейлы Ачба с турецкого языка на русский, я смог донести до нашего читателя крик ее души, трепет и плач сердца, то буду считать, что цель моя достигнута.

Одновременно, хочу выразить сердечную благодарность моей помощнице, заслуженной журналистке Абхазии Лилиане Яковлевой за ее бесценную помощь, оказанную мне для того, чтобы мой перевод был хорошо понят русскоязычным читателем.

Владимир Авидзба

Предисловие

«Ах, судьба! Для кого-то ты слава и известность, а для кого-то другая – держишь в голоде и нищете, проклинаешь одиночеством и мучением», – говорила иногда моя старшая тетя Лейла-ханум сама себе.

Когда эти слова, как стихи, лились из ее уст, ее дворцовая жизнь уже давно превратилась в историю.

Лейла-ханум, более правильно княжна Лейла Ачба–Анчабадзе, по причине своей службы во дворце, и также того, что ее семья была в родственных отношениях с придворной дамой госпожи Емине Назикеды – первой жены последнего падишаха Турецкой империи султана Вахидеддина-хана, целых 5 лет, между 1919 и 1924 годами, обслуживала госпожу Назикеду. После того, как всю династию сослали за границу, и Лейла была вынуждена покинуть Стамбул. Тетя, не оказавшись в числе сосланных,

переселилась в самый далекий от Анатолии город Сивас. Вынужденная жить там в нищете, она не выдержала эту тяжелую жизнь и скончалась в молодом возрасте.

Написать какой-либо дворцовой женщине свои впечатления было исключением. Кроме Лейлы Саз, Сафие Юньювар и принцессы Аише Осман-оглы, воспоминания каких-либо других женщин из гарема еще не дошли до нас.

Лейла Саз только свое детство провела во дворце – она полностью принадлежать дворцу не могла. Сафие – учительница, которая находилась во дворце для воспитания шахских детей младшего возраста. А Аише, будучи Османской принцессой, сумела рассказать только о своих чувствах и переживаниях. О жизни же в самом дворце известно очень мало. Это глубокое молчание, решил я, исходит из воспитания, которое все получали в стенах дворца. Потому что дворец имел свои традиции – все, что происходило в нем, оставалось внутри него. Из моих родственников госпожа Первиз-фелек, которая жила во дворце, спустя многие годы сказала: «Сарай (дворец) – это секретный сейф, открыть его безнадежно».

Действительно, дворец – это секретный сейф.

Исходя из этой таинственности, о нем ходило очень много толкований. Самой распространенной сплетней было то, что падишах со всеми женщинами гарема делит постель. То, что такого положения не могло быть, очень четко разъясняется в законах ислама. Конечно, эти законы османцами соблюдались.

Преждевременная смерть моей тети Лейлы не позволила ей дать полную картину о лицах, о кото-

рых она ведет речь в своих воспоминаниях, и мне захотелось завершить ее описания. Однако, чтобы раздобыть сведения, мне понадобились годы. Об описываемых мною периодах ни в одной исторической литературе ничего не сказано, не исследован период. Если бы не было моей дорогой семьи, то дойти до этих материалов было бы невозможно. То, что госпожа Емине Назикеда являлась тетей моей матери, а моя мать была невесткой последней императрицы, для меня было конечно очень большим преимуществом. Жизнь – это сочетание странных связей, случаев. В то время, когда Лейла-ханум обслуживала госпожу Емине Назикеду, кто мог полагать, что эти две семьи через годы объединятся.

Тетя моя Лейла-ханум в своих воспоминаниях не ограничивалась только пояснениями жизни гарема. Повествуя о некоторых исторических событиях, дала в руки читателю фонарь, который высветил сказку, покрытую старым золотом. Этим фонарем можно рассмотреть большие прихожие и роскошные салоны, которые остались в глубокой темноте гарема.

Я надеюсь, что это исследование, которому я отдал годы, не станет только успокоителем душ моей тети и всех женщин гарема дворца, лежащих в могилах. И в истории турецкого народа, и в истории народов Кавказа оно прояснит хотя бы капельку тайны.

Харун Ачба–Култуктуеркан

Благодарность

Прежде всего, выражаю благодарность сестре моей княжне Миасе Иылдырым-ханум и маме моей – княгине Нурие-ханум, оказавшим мне помощь, не пожалевшим любви и поддержки. Отдельно, второй моей сестре княжне Ремзие-ханум, любимой двоюродной сестре Сельвиназ Акалу, дяде князю Омару Маршан, княгине Эбадил и княжне Лейле, старшему брату Ахмету Ачба, невестке княжне Фатме Ачба.

Покорно благодарен и признателен другим моим родственникам – Тюркан Атеш-оглу, Аитен Кескин, князьям Хасану Инал-ипа, Али Аредба, Мюлькиджихану Ачба и Лулуфер, княжнам Тюване Эмухвари, Иозлем и Перфизфелек Ачба.

Выражаю бесконечную благодарность также всем тем, кто не пожалел для меня свои знания и помог мне. Это – Омер Сёнмезлер, уважаемый ад-

вокат Хулуси Юстун, мадам Зандер, Левент Кулу и, конечно, та, по которой скучаю и грущу – покойная Зехра Бостаноглу.

Всем им моя искренняя признательность.

Харун Ачба-Култуктуеркан

Послание

Я, несчастная вместе с Османским государством, с трудом отлученная от благодетеля, подвергнутая очень большим несправедливостям, морально и физически разбитый человек. Конечно, есть причина тому, что я пишу свои воспоминания, но объяснить все это стоит многих сил. Дворец, в котором я провела большую часть своей жизни, и где я стала свидетельницей многих исторических происшествий, научил меня главному – держать при себе секреты. Причина тому, что я объясняю на бумаге все, что мною прожито, – глубокое уважение и почитание Его Величества и Ее Величества. Оскорбления, нанесенные им, очень огорчительны для меня, делают меня несчастной. Если когда-нибудь удастся мне обо всем рассказать, я надеюсь, что с этими обвинениями будет покончено. Поэтому, написав свои воспоминания, я оставляю их, прежде всего, моей семье,

затем государству и людям, которые живут на этой земле. Пусть они станут свидетелями моей жизни.

Всевышний Аллах. Его Величество, наш господин, и Ее Величество, госпожа, если их уже нет в живых, Царство им Небесное. Представители династии, которые живы, большого вам счастья

Лейла – дочь князя Рефик бея Ачба

1. | ОТНОСИТЕЛЬНО МОЕЙ
часть | СЕМЬИ И МОЕГО ПРОШЛОГО

«Никогда я не теряла надежды, никогда я не нарушала клятвы, которую я принимала. Я хожу и живу грезами моих господ».

Из писем Лейлы Ачба

Мое рождение и моя семья

По христианскому летосчислению мое рождение совпадает с 10 августа 1898 года.

Отец мой князь Рефик бей Ачба был писарем у султана Абдулгамида II. В период Второго конституционного правления служащие вынудили его прекратить свою работу, после чего отец больше не занимался государственной службой.

Моя мать Махшереф-ханум была княжной Эмухвари и находилась во дворце, удостоенная почестей. Вместе с тем она была придворной дамой у старшей дочери султана Абдулазиз-хана Залихи султан – очень красивая и достойная уважения госпожа, в период освободительной войны она заболела и в молодом возрасте скончалась.

Дом, в котором я родилась, находился в районе Хорхор города Стамбула. Его построил мой

дед Омер бей. Дом расположен был в большом и красивом парке, и являлся виллой, состоящей из 40 комнат. С моей жизнью в этой вилле связаны самые красивые и приятные воспоминания. Неизвестно откуда возник пожар, и в 1922 году, к сожалению, дом сгорел дотла.

Наша вилла всегда была многолюдной. Кроме членов нашей семьи в доме находилось много служащих, наложниц, и все они жили с нами. В основном, все они были из наших людей. Эти красивые девушки не просто были служанками, с нашей стороны они чувствовали чисто родственные братские отношения к себе. И каждая из них была очень приятной, воспитанной, с хорошими манерами и поведением. Одна из них в двухлетнем возрасте осталась без родных и без средств к существованию. Звали ее Дильбер. Отец приурочил эту Дильбер мне, и с этого дня Дильбер стала задушевной подругой моей жизни. Я – четвертый ребенок и вторая девочка в семье. Брат мой Ахмед бей, сестра Нурбану и брат Кемаледдин бей.

Через год после моего рождения мать родила мою маленькую сестричку Фериде-ханум.

(Дильбер-ханум (1901-1972); В 1921 году вышла замуж за Нуман бей. Родила двоих детей. Еще в 1904 году вместе с семьей переехала жить в Париж, где и умерла в 1972 г.)

С пяти лет меня начали воспитывать специальные учителя. Эти мои воспитатели-учителя учили меня разговаривать на французском, английском языках, играть на пианино, рисовать маслом, а так-

же красиво писать. Кроме всего этого, я в детстве очень любила верховую езду. Иногда отец меня со старшей сестрой забирал в наше хозяйство, которое находилось в Софии. И мы там часами развлекались верховой ездой.

Отец мой очень любил путешествовать, еще в очень молодом возрасте он объездил всю Европу. В 1905 году мы всей семьей выехали в Вену на две недели. За эти две недели мы познакомились в Германии со многими немецкими аристократами. Из тех, с кем моя мама очень близко сошлась, была графиня Траутмансдорфф, самая прелестная иностранка из тех, кого я знала.

Князя Ачба

Отец мой был родом из самых древних аристократических семей Абхазии. Он принадлежал той династии Ачба, которая образовала Абхазское царство. Прадед мой князь Ахмед бей Ачба не выдержал русский гнет и тиранию, которые творили на Кавказе, и вместе с семьей был одним из первых абхазцев, переселившихся в Стамбул в 1842 году.

Правитель того времени султан Абдулмеджид-хан выделил землю моему прадеду вблизи Софии и поселил там.

Ахмед бей образовал там хозяйство, и всю оставшуюся жизнь провел в этом хозяйстве. Скончался он в 1856 году. Моему деду Омеру, оставшемуся без отца, тогда было всего 20 лет. Мать его княгиня Эшба-ханум, чтобы дать сыну достойное образование, направила его в Стамбул на учебу.

Приехав в Стамбул, дед начал заниматься. Прежде, чем он успел получить образование и диплом, скончалась Эшба-ханум. Это было в 1860 году. И Омер бей, сняв дом в Стамбуле, в Хорхоре, привез туда оставшуюся в Софии часть семьи – братьев и сестер.

В этом, считавшемся самым дорогим красивым районе столицы, стали они продолжать свою жизнь. Наконец Омер, очень успешно закончив учебу, окунулся в рабочую жизнь. Благодаря тому, что он очень красиво писал, а еще лучше была его разговорная речь, один из наследников падишаха Абдулазиза Ефенди, ставший позже тоже падишахом, взял Омера бея к себе секретарем (писарем). Абдулазиз Ефенди настолько сильно любил моего деда, что даже изъявил желание стать его свояком. Поэтому в один день посватавшись, женился на сестре первой госпожи гарема Дюрринев Кемалифер-ханум и стал свояком моего деда.

Еще Его высочество Абдулазиз решил дать моему деду должность главного писаря, но дед мой, которому были чужды дворцовые интриги и который не уживался с себялюбивым высшим военным и гражданским персоналом, эту должность не принял. Впоследствии, будучи в трауре в связи со смертью султана Абдулазиз-хана, скончался в 1884 году.

Бабушка моя Кемалифер-ханум и главная госпожа Дюрринев

Бабушка моя Кемалифер-ханум родилась в Батуме в 1839 году. Ее отец князь Махмуд бей Дзяпшипа был абхазским феодалом, который переселил-

ся с Кавказа. Махмуд бей, переехавший жить из Сухума в Батум, в один день взял всех своих трех дочерей, привез их в Стамбул и передал во дворец. Старшая дочь Мелек (Дюрринев) позже, перейдя в гарем к Абдулазизу, стала его женой. Это произошло таким образом.

Из трех сестер две обслуживали первую жену султана Абдулмеджид-хана, госпожу Серветсеза.

(Серветсеза – главная госпожа (1823 – 1878). Первая жена султана Абдулмеджид-хана. Она принадлежала к знатной кавказской черкесской династии).

Госпожа Серветсеза была культурной и образованной женщиной, она жила по образу и подобию типичной европейской королевы. Она стремилась к тому, чтобы находящиеся рядом с ней наложницы тоже были образованными, как она сама. Поэтому обслуживающие ее девушки умели играть на пианино и разговаривать на иностранном языке. В один день Абдулазиз увидел Дюрринев в кругу своей невестки, понравилась она ему, и он попросил невестку женить его на ней.

Но Серветсеза категорически отказала ему: «Голубчик мой, эти девочки для меня, как и мои родные дети, их я воспитала как типичных европейек. После такого воспитания как я могу кого-то из них дать тебе в жены?»

Конечно, королевич расстроился, услышав ответ. Через некоторое время своей невестке он написал письмо и сообщил, что на этот раз он Дюрринев хочет сделать официальной женой. В ответ на

это предложение Серветсеза дала свободу Дюрринев и передала Абдулазизу. Свадьба состоялась 20 мая 1856 года во дворце Долмабахче в неопишимо торжественной обстановке.

После женитьбы моего деда на моей бабушке у них родилось пятеро детей. Первенцем был мой отец князь Мехмет Рефик бей Ачба. Когда мне было три года, бабушка Кемалифер-ханум скончалась. Прах ее покоится на кладбище Иалиа Ефенди.

Мама моя как переводчица

Точное имя моей мамы Емине. Она родилась в 1871 году в Пицунде. Мать была дочерью князя Осман бея Эмухвари и княгини Хесны-ханум Чаа-балурхва.

В разгар войны 1877 года Осман бей, взяв с собой семью, приехал в Стамбул. В Стамбуле единственным местом, где он мог остановиться, был дом племянника Хесны-ханум Давуд бея. После того, как семья обосновалась в доме Давуда, Осман вернулся назад в Абхазию и погиб во время войны.

Вдова Хесна-ханум не осталась одна, без крыши, но пережила многое из-за злого языка Мариам-ханум – жены Давуда. Заслужившая пенсию от дворца, Мариам-ханум, не уставая, подстрекала Хесну-ханум отдать детей в гарем и довела ее до болезненного состояния. С утра до вечера Мариам-ханум, говорила: «Отдай своих дочек во дворец, кем они станут сидя дома? Во дворце они получают образование, воспитание, будут жить хорошо, и в дальнейшем тебе тоже помогут».

Но Хесна-ханум стояла на своем твердо: «Дочек своих никогда не отдам во дворец, их место быть вместе со мной».

Однажды Мариам-ханум собрала Хесну-ханум и ее детей и повела их к своей двоюродной сестре (дочь дяди по отцу) госпоже Назикедке и порекомендовала их ей. Госпожа Назикедка – первая жена султана Абдулгамида II во дворце была влиятельной, авторитетной, очень доброй и чистосердечной королевой. Увидела мою мать, тогда совсем юную девочку, моих двоюродных сестер, они понравились ей, и она сказала Хесне-ханум:

– Они пусть останутся здесь, пусть они будут моими придворными дамами.

Хесна-ханум вновь настаивала на своем, но, не выдержав упорства, детей своих отдала на попечение госпожи Назикеды.

Мать моя и тети мои по матери после этого принялись обслуживать Назикеду. На одном ужине Салиха султан увидела мою маму и пригласила ее к своей обслуге. И Назикедка мою маму передала Салихе султан. Мать во дворце Салихи султан ровно семь лет работала служанкой. В течение этих семи лет от Салихи султан она многому научилась. Например, Салиха султан, как делала это госпожа Серветсеза, всех девушек, которые находились у нее, воспитывала так, чтобы они походили на европейских придворных дам. И мама, воспользовавшись этим, научилась разговаривать по-французски. Даже когда германский император Вильгельм II со своей супругой Августой-Викторией в 1889 году с визитом прибыли в Стамбул, мать моя переводила императрицу.

Отец мой увидел мою мать во дворце Салихи султан, понравилась она ему и попросил он ее у Салихи султан, женился на ней. Свадьба состоялась в 1887 году в нашей летней даче в Истиние.

Немецкая императрица посещает гарем

Описать то, о чем мне мать часто рассказывала, считаю своим историческим долгом.

Император Германии Вильгельм II с супругой после посещения города Кудуса изъявили желание посмотреть и Стамбул. Мать моя в то время только что вышла замуж за моего отца, но по-прежнему продолжала иметь связь с дворцом, самое малое в неделю три раза посещала его. В то время из моих теток только Пейвеста-ханум была на службе во дворце. Другая тетя, как и моя мать, вышла замуж, и по своему желанию давно ушла оттуда.

И все-таки мать моя, услышав, что императрица приезжает в Стамбул и хочет посетить гарем, сразу пошла во дворец.

Немецкая императрица появилась в сопровождении трех придворных дам, взявших на себя заботу знакомить ее с другими госпожами. После госпожи Дюрринев, которая представляла королеву Османского государства, вышла и представилась иностранной императрице госпожа Бидар.

В связи с желанием султана Абдулазиза, эта встреча состоялась в маленьком особняке султана. Дамы, которые должны были знакомиться с императрицей Августой-Викторией, были отобраны за

несколько дней раньше и представлены ей. Затем, 31 сентября 1889 года, в воскресный день, вечером, в 8 часов, Августу-Викторию и ее придворных дам привели в гарем. Прежде всего императрицу познакомили с матерью почтеннейшего султана Пересты – Валиде султан. Как рассказывала мне мама, мать султана оделась в яркосиний, спитый из шелковой ткани красивый туалет. На голову надела корону, украшенную якутскими бриллиантами, а на грудь свои украшения.

С появлением Виктории в салоне, Валиде султан, которая сидела на широком диване, со своего места очень вежливо приветствовала императрицу. Как только придворные дамы Августы-Виктории увидели золотые украшения на ней, их глаза раскрылись как камушки для гадания, по всей вероятности, они не полагали, что увидят такие дорогие украшения. После короткой беседы, сразу же перейдя в соседнюю комнату, императрица встретилась с госпожой Бидар, которая ждала ее там. Бидарханум оделась в платье из белой шелковой ткани, на голову надела корону, украшенную алмазом и на грудь – свои лучшие украшения. Рядом с этими иностранными аристократками она выглядела как самая настоящая королева, до неузнаваемости спокойная и достойная. Несмотря на то, что с тех пор прошло много времени, мать моя всегда с похвалой рассказывала о манерах госпожи Бидар.

Августа-Виктория между тем расспрашивала госпожу Бидар о гареме. «Боже мой, что мне сказать? Толпа женщин, которые растолстели от сластей, и одеты по парижской моде, которая им совсем не идет», – ответив так, Бидар рассмешила

императрицу. За это время сестры султана Абдул-гамида, познакомились с императрицей.

Как потом рассказывала моя мама, смех султанок, когда не было для этого никакого повода, очень удивил императрицу.

Она спросила: «Почему беспрестанно смеялись? Или же это обычай гостеприимства?»

Причиной смеха султанок было то, что Наиме султан – одна из дочек падишаха, надела на голову ценное инкрустированное украшение и своими движениями хотела это показать.

Императрице откуда об этом знать?

Тетя моя, вторая наложница, госпожа Пейвесте

Тетя моя Пейвесте, высокая ростом, с голубыми глазами, светло-каштановыми волосами, тонкая и стройная, была красавица. Настоящее ее имя было Рабиа и была она младшая из пятерых детей. В 1873 году родилась в Пицунде. Познакомилась с султаном Абдулгамид-ханом в 1890 году. В 1893 году его высочество вначале освободил ее, а затем официально женился на ней, и она была самой любимой его женой. Через год после замужества родился сын Абдуррахим Ефенди. В связи с тем, что тетя родила сына, султан выделил ей очень красивую виллу и одарил ее дорогими украшениями.

После рождения Абдуррахима Ефенди в 1897 г., тетя вновь была беременна. Однако женщина, имя которой я сейчас называть не хочу, отравив плод,

довела ее до выкидыша. На этой почве тетя заболела и больше не могла иметь детей.

Тетя моя во все времена султана Абдулгамида жила в особняке в Илдыз Парке, а потом переселилась в дом в Шишли и жила там до того времени, пока ее не выслали. В одно время я слышала, что в период ссылки она уехала во Францию и поселилась в Париже, но такой возможности, как переписываться, у нас не было, и я не знаю, как сложилась ее судьба. Эти строки я пишу в трауре!

(Абдулрахим Ефенди (1894-1952). В 1919 году женился на княжне Емине из династии Кавалали, родилась у них дочь. Развелся с женой в 1923 году. Жил в Париже. Так и не сумел акклиматизироваться, в 1952 г. покончил жизнь самоубийством.

Пейвесте-ханум умерла в ссылке в Париже, в 1944 г.)

Дочь моего дяди, третья наложница, госпожа Фатма

После моей тети, госпожи Пейвесты, в гарем султана Абдулгамида вошла и стала его наложницей Фатма-ханум, которая была дочерью дяди моего отца Сами бея. Она родилась в 1876 году в Хорхоре, на нашей семейной вилле. Мать Фатмы-ханум была дочерью татарского принца Исмаила бея Мамлева.

Когда я родилась, Фатма-ханум уже находилась в гареме султана Абдулгамида. Не могу не рассказать об этом.

Старший дядя мой Сами бей был в обслуге Селима Ефенди – шахского сына.

Жену Сами бея однажды мать Селима госпожа Бедрифелек пригласила во дворец. Приняв приглашение, женщина взяла с собой своих двух дочерей.

Когда они пришли во дворец, то проходили мимо дворца, в котором жил падишах. В этот момент султан Абдулгамид заметил Фатму-ханум, а она остановилась на мгновение и спросила спутников, кто этот человек, который смотрит из окна. Сопровождавшие слуги, увидев господина, сказали: «Ради Бога, замолчи милая, это же его величество». Сказав так, они продолжили свой путь, но Фатма-ханум очень вежливо поклонившись, поздоровалась с падишахом и лишь потом продолжила свой путь.

Этот поступок молодой девушки пришелся по душе султану Абдулгамиду-хану. Тут же он позвал к себе людей, спросил кто такая эта девушка. Наконец выяснилось, что она дочка Сами бея, и султан попросил у него Фатму. И мой старший дядя с радостью в сердце отдал ему свою дочь. Женидьба состоялась 20 июля 1896 года в Илдыз-сараяе.

После года замужества Фатма-ханум родила дочь Хатидже султан. Однако девочка, если я не ошибаюсь, в 8-ми месячном возрасте заболела и скончалась. Несчастная Фатма-ханум после смерти дочери ни разу не улыбнулась.

В детстве я часто ходила во дворец к тете, навещая ее. Я к Фатме-ханум тоже заходила. Мне никогда не забыть ее постоянно печальное состояние. Будучи очень красивой женщиной, она с каждым

днем бледнела и, наконец, в молодом возрасте ее не стало. Смерть ее наступила 5 ноября 1924 года, спустя 8 месяцев со дня высылки династии за границу. Царство ей Небесное.

Вместе с тем, она была в тесном контакте с персоналом больницы, которую построила как посвящение дочери Хатидже султан. Самое малое в неделю один раз она посещала больницу, осматривала состояние здания и лично встречалась с больными. Больные тоже молились за нее и передавали приветы падишаху. Я тоже приходила в эту больницу несколько раз с двоюродным братом. На самом деле, здание было чистенькое и в полном порядке, аккуратно убранное. Позже оно стало, к сожалению, очень неухоженным. Нынешнее состояние больницы мне неизвестно.

Сестра моя Нурбану-ханум, супруга Шахзаде

Хочу рассказать о браке моей старшей сестры Нурбану-ханум с шахским сыном, о ее несчастье с ним. Хотя это было сравнительно давно, я хочу на этом остановиться.

Сестра моя была высокого роста, с длинными черными косами, с карими глазами, белолицая, худощавая, с узкой талией, хрупкого телосложения. И была очень красивая.

Когда мы ходили в Илдыз-сарай навещать родственников, то заходили и к другим господам. В один из таких визитов нас пригласили на обед в особняк к госпоже Мезидиместан. Бурханеддин

Ефенди, который увидел мою сестру, был очарован ею и попросил ее у моего отца. Однако отец отказал ему категорически и сказал, что такой брак невозможен. В этот период дети шахов совершали многократные браки. Мой отец это не воспринимал. Но когда выяснилось, что сестра моя и господин Бурханеддин влюблены друг в друга, состоялась их свадьба 15 июля 1907 года на маленькой вилле Илдыз-сарая.

По традициям дворца поменяли имя моей сестре и назвали ее Хидает. После года замужества сестра забеременела, но, к сожалению, в результате какого-то несчастного случая, у нее произошел выкидыш. После этого случая долго у нее не было детей.

Но в 1911 году она родила шахского сына Фахреддина Ефенди. Мы все были очень рады.

В 1909 году, когда Бурханеддин во второй раз женился, несчастная сестра моя полностью погрузилась в грусть. Вторая жена Бурханеддина Назлиар была дочерью черкеса Хусейна бея. Очень высокомерная, надменная Назлиар-ханум постоянно ссорилась с моей сестрой. Эта женщина стала причиной неприятных случаев в дворцовой жизни. Хотя вопреки всему этому Бурханеддин Ефенди не развелся с моей сестрой, в 1924 году, когда османскую династию выдворяли за границу, несчастная сестра моя тоже подверглась ссылке в чужие страны. После нашей переписки в течение короткого времени, от преданной сестры никаких известий я больше не получала. Это настолько огорчило меня, что и по сей день плачу, сердце мое разорвалось на кусочки.

(Фахреддин умер в Нью-Йорке в 1968 г. Нурбану – Хидает-ханум (1891-1946). Неизвестно, когда расторгли брак Бурханеддин Ефенди и Хидает-ханум. Возможно, между 1915 и 1919 годами. Он развелся с Назлиар в 1919 году. После того он больше не женился. Хидает долгое время в Турцию не возвращалась. Она поехала к своему отцу Рефику Ачба в Болгарию, вначале она стала гражданкой Болгарии, позже, изменив свое имя, вернулась в Турцию. В Сивасе, в доме у старшего брата князя Ахмета Ачба, она скончалась).

2. | ПЕРИОД КОНСТИТУЦИОННОГО часть ПРАВЛЕНИЯ

«Осведомленный пусть передаст неосведомленному. Я клятвенно заверяю, что дворец разоряли и наступали на дворец только армяне, евреи, албанцы и хорваты. Это все я видела своими глазами».

Из писем княжны Лейлы Ачба

Разграбление дворца Илдыз *(звезда)*

В 1908 году было объявлено Конституционное правление. Через год после этого случая покойный наш Великий государь – султан Абдулгамид-хан II был свергнут с престола и сослан. Я сама была свидетелем этого горького случая: 31 марта, т.е. 13 апреля 1909 года по христианскому календарю, моя мать решила пойти во дворец и в тяжелые дни побыть с сестрой, т.е. с моей тетей.

– Сестра в тяжелом состоянии, быть около нее я вынуждена, – говорила она и настоятельно просила разрешения у отца.

Наконец отец принял решение отправить маму в сопровождении моей тети и старшей сестры. Я тоже сказала отцу:

– Нет, я тоже хочу пойти, прошу, меня тоже возьмите.

Не могу сказать, сколько я слез пролила, упрашивая их, пока не убедила мать и отца. Наконец они согласились, и все мы должны были пойти в Илдыз-сарай.

18 апреля, рано утром, мы вышли из дома и через час были в Илдызе. Отец вместе с нами дошел до больших ворот дворца и, попрощавшись, расстался с нами. Когда мы входили внутрь дворца, ничего особого не испытывали. Придя на квартиру бедной тети, мать моя и тетя со слезами обнялись и начали изливать друг другу свои горести. Мне было 11 лет в то время, и кто-то из прислуги тети меня взяла к себе, угощала соками и рассказывала красивые сказки. После того, как моя тетя Саиде-ханум и сестра Нурбану-ханум поговорили с тетей, они пошли в дом дочери моего дяди Фатме Песенд-ханум.

Первый день прошел достаточно спокойно и без шума, однако 19 апреля с утра выстрелы стали усиливаться. С парадной стороны дворца стали слышны крики мужчин. Все мы находились в состоянии страха, не знали, что происходит, не имели никаких сведений, были беспомощны. Бедняга Абдурахим Ефенди приходил в квартиру матери – моей тети, однако нам ничего не мог сказать и уходил.

Тетя, плача, спрашивала его:

– Дитя мое, умоляю тебя, пожалей несчастную мать, скажи каково положение господина, что означают эти выстрелы?

Однако Абдурахим Ефенди абсолютно ничего не говорил, уходил в особняк, где находилось его величество.

В императорском гареме уже сколько дней все женщины были голодными и без воды. Мы тоже попали в пекло беды, катастрофы. Наша связь с внешним миром полностью была отрезана. Самое худшее было – остаться голодным и без воды такому количеству женщин. Из чувства жалости к этим несчастным, преступники по просьбе его величества прислали мешок хлеба. Этот сырой, несвежий хлеб передавали старшим женщинам, чтобы они утолили голод, специально раздавали его в квартиры госпожи и султанок. Из султанок во дворце остались только Шадие, Аише и Рефия. Из шахских детей – Абдуррахим, Нуреддин и пока еще в четырехлетнем возрасте Абид Ефенди. А все остальные ушли. Все госпожи были во дворце. С 18 по 27 апреля мы провели очень горькие и печальные дни. Наконец 27 апреля вечером произошло то, что ожидалось. Тетя сколько дней уже живет в обморочном состоянии, плачет, несчастная находилась в подавленном состоянии. Вызвать доктора при таком ужасном беспорядке, конечно, было невозможно. Наконец тетя в одно мгновение пришла в себя и говорит маме:

– Меня отведи в дом нашего господина, жизнь моя там.

Мама и тетя повели ее в дом, где находилось его величество. Мне и моей старшей сестре предложили пойти к Фатме Песенд-ханум. Мы пошли туда, однако госпожи дома не было. Сестра спросила одну из прислуг, которая находилась там, где ее госпожа?

– Она ушла, ушла в дом господина, сказала, все, что должно случиться с Его величеством,

пусть и с ней случится, и ушла к нему, – сказала та, плача.

Стали ждать маму и остальных. Но, как можно сидеть? Звуки выстрелов, шум пушек, крики служащих проходят через толстые стены гарема, доходят до наших ушей. В такой ситуации человек не может спокойно сидеть и молча ожидать.

Уже сколько дней, как я ничего не ела и не сомкнула глаз. В целом, мы все в одинаковом положении. Состояние жалкое моей сестры понимать даже не хочу. Когда вспоминаю плачущие глаза, дрожащие ее руки, глаза наполняются слезами. Мать, тетя, старшая сестра. Их состояние было хуже, чем у нас. Кроме всего, тетя постоянно теряла сознание.

Между тем я увидела госпожу Бидар, с помощью пяти прислуг ее вывели в сад, по-настоящему, женщину волочили. Делали это, чтобы она пришла в себя, подышала чистым воздухом, однако госпожа точно потеряла человеческий облик, один глаз открыт, второй закрыт, старалась стать на ноги. Когда я вспоминаю ее положение, волосы дыбом встают.

Затем солнце село, но наши еще не пришли. Сестра и я ждали их в доме у Фатмы Песенд-ханум. Вдруг мы слышали выстрелы пушек. Тогда я совсем не понимала, что происходит. Крикнула прислуге:

– Служаночка, что происходит, нападают на дворец?

Служанка в слезах:

– Ради Бога, девочка моя, это выстрелы парадных пушек. И когда она сказала, что это парадные

выстрелы, я поняла всю истину в полном смысле слова.

Я обняла сестру, снова стала плакать. В это время кто-то с улицы закричал благим матом. Мы сразу побежали к окну.

– Господина увезли, преступники атакуют гарем, – говорили, кричали слуги и беспорядочно бегали по саду дворца.

Нас охватил ужас. Первые слова сестры:

– Боже мой, господин ушел, все кончилось.

Фатма Песенд-ханум вышла из особняка, пошла к дому госпожи Бедрифелек. Мы тоже присоединились и пошли во дворец главной госпожи. Весь народ гарема собрался в доме госпожи, со всех сторон народ кишмя кишел. Госпожа Бедрифелек в ужасном состоянии, однако, сохраняя мужество, стояла на ногах. Она говорила:

– Будьте спокойны, полиция нам ничего не сделает, не бойтесь, однако ведите себя достойно. Жены султана Абдулгамида-хана II тоже были там. Только Мюшвике, дочь моего дяди, Сазкьар, Маджине и моя тетя отсутствовали. Первой мне на глаза попала Бехиче-ханум. Она руками обняла сына Нуреддина Ефенди, плакала, со страхом глядела по сторонам.

– Боже мой, где наш господин? Куда ушел? Что-нибудь вам известно? – странные вопросы задавала она, видно было, что она в нервном шоке.

Вдруг ворота открылись, убийцы вошла внутрь. Все мы очень удивились. Некоторые впопыхах накрывают головы платками, которыми были обвязаны бедра, закрывают открытые места (pavahrem). А некоторые с открытыми волосами. Сестра сразу

же накрыла голову наплечником с белыми кружевами и потянула меня к себе, сказала мне молчать, и ни о чем не говорить.

Кто-то один, кто был во главе бандитов, громко крикнул:

– Если будете слушаться нас, даже волос ни у кого не упадет.

Бедрифелек, чуть двинувшись вперед, сказала:

– Господин, сейчас же покиньте это место, здесь гарем Его Величества, вам даже ступить сюда грех и преступление.

У человека мгновенно изменилось состояние, даже рот стянулся, резким голосом сказал:

– Прекрати крик, женщина, тебе что, жить надоело?

В этот момент среди прислуги некоторые упали в обморок.

Бедняжка госпожа Бедрифелек. Как глава гарема, она решила пожертвовать собой и резко крикнула:

– Господин, вы не стесняйтесь, если вы меня убить готовы, убейте, но кровь моя на земле не останется.

Мятежники свои винтовки, штыки направили на госпожу Бедрифелек, приготовились ее убить, но с нижнего этажа кто-то крикнул:

– Идите, идите, посмотрите на сокровища с других вилл.

Мятежники, услышав это, сразу побежали вниз, покинули салон, в котором находились мы.

Аллах успел прийти нам на помощь, госпожу Бедрифелек спас он от штыков мятежников, и тем самым спас и нашу жизнь.

В ту ночь до самого утра мятежники, разбойники грабили дворец. Всю дорогую мебель собрали и забрали. Все это в течение нескольких часов было закончено, однако настоящий ужас начался в четверг, 28 апреля.

Разорение султанского гарема

В этот день, рано утром, разозленные захватчики решили вывести из дворца всех женщин. Им не разрешали брать с собой даже маленькую сумку. Мятежники всех нас, дворцовых женщин, собрали в малом Мавсипе – помещении между мужской и женской половинами у мусульман. Особые аппараты султана.

В том здании мы встретились с моей мамой и тетей, произошла неопиcуемая встреча. Одновременно мать плачет, и в то же время объясняет, что Его Величество отправили в Салонику, и что тетя тоже поехала с ним вместе.

Затем полицейские привели наложниц гарема. Всех женщин разбили на группы по 5 человек, загоняют в одну комнату и там их проверяют. Им разрешали выходить на улицу после того, как осматривали, не спрятал ли кто-нибудь золотые украшения под одеждой.

Перед центральными воротами дворца Илдыз был будто день страшного суда. Родители дворцовых служанок пришли их забирать.

Маму, тетю, сестру мою и еще двух молодых девочек и меня взяли в комнату осмотра. В комнате было четыре женщины среднего возраста. Среди

нас плотнее всех была одета моя мама. Ее взяли за руку, одна из женщин командовала:

– Сними платье, вы тоже снимите. Давайте быстрее, у нас времени нет.

Другая же женщина потянула вниз украшение, которое носила бедная сестра моя на голове. Не понимая, что с нами будут делать, мы разделись. После очень тщательной проверки, одежду, которую мы сняли, нам разрешили надеть. Потом мы вышли из дворца, пройдя среди мятежников, стали ходить за спинами служанок, которых освободили раньше нас. Мы подходили к воротам дворца, когда какие-то молодые люди с недобрым взглядом повернулись в нашу сторону. Мать и тетя попросили их уйти с нашей дороги, но они продолжали беспокоить нас. Наконец, моя мама, тетя и сестра, сняв со своих ушей драгоценные украшения, передали им, после чего мятежники ушли от нас, и мы бегом пошли к внешним воротам.

Там мы встретились с моим отцом. Бедняга отец, который уже день приходил, но младотурки его внутрь помещения не пускали, и он в убийственном настроении возвращался назад.

Расплакавшись, мы сели в повозку и вдруг услышали крик. Отец пошел посмотреть, минут через 20 вернулся и говорит:

– У главной госпожи стянули чадру и забрали. Бедняга госпожа осталась с открытой головой под чистым небом, плакала, кто-то посадил ее в повозку и увез куда-то.

Мы очень огорчились.

Прошло четыре дня, мы пошли проведать го-спожу, которая находилась в доме у своего сына

Селима Ефенди. Она была в ужасном состоянии, плакала и причитала. Ушли мы от нее со слезами, не зная, что сказать, как ее утешить. Потом мы пошли к господам Бидар, Емсалинур и Бехиче. К сожалению, хуже всех была Бехиче-ханум. Вместе с сыном Нуреддином Ефенди они сняли один дом. Но в связи с тем, что была проблема с деньгами, они не знали, что делать, как дальше жить.

Сестра госпожи Тасвире-ханум тоже была там. Она обратилась к моей маме:

– Помилуй, Аллах! Душенька моя, если эта ситуация так дальше продолжится, упаси Боже, красавица моя, сестра погибнет.

Мы их тоже не смогли успокоить. С грустью и печалью вернулись назад к себе домой.

Мятежники отправили падишаха в Салонику. Как впоследствии мы узнали, там его заключили во дворец, принадлежащий либо греку, либо какому-то еврею. Тетя моя и сын Абдуррахим Ефенди находились вместе с Его Величеством. Ровно год они там были, потом на основании специального разрешения, дочери, которые были с ним, и некоторые жены вернулись обратно. Тетя моя и дочь дяди моего Фатма Песенд-ханум вернулись с этой группой. Всей семьей мы пошли и встретили их на вокзале в Сиркеджи, потом все мы вместе вернулись на нашу виллу. У тети и Абдуррахима в то время не было собственного дома, и до того, пока они себе приобрели дом, оставались у нас.

Фатма Песенд-ханум пошла к своему отцу, моему старшему дяде Сами бею. До последнего вздоха она не отлучалась от отца и матери. Из тех, кто вернулся из Салоники еще и Сазкяр-ханум была.

Она была несчастным человеком. После того, как ее дочь Рефия султан вышла замуж, она стала жить вместе с дочкой, но по всей вероятности из-за неуживчивости с зятем, через некоторое время она переселилась к Бехиче-ханум в особняк Маслак. После того, как некоторое время она пожила там, перешла жить к моей тете. Вообще моя тетя в 1918 году в Шишли, в очень красивом парке купила дом. Обе они до выселения жили вместе в этом доме.

Сазкьар-ханум я очень любила. Всегда она мне рассказывала интересные сказки и меня любила как родная мать. В период высылки династии, она вместе с дочкой уехала за границу, потом, что с ней произошло, не знаю.

(Сазкьар – главная госпожа в сарае (дворце). В 1873 году родилась в Адапазары в селе Каиалар. Отец ее из абхазских дворян Бата бей Маан. В очень маленьком возрасте ее передали во дворец, затем она стала женой султана Абдугамида-хана II. Кроме Рефия султан у нее больше детей не было. В 1924 году вместе с дочкой была сослана в Бейрут, и там, в 1945 году скончалась).

Мужественная и достойная уважения абхазская княгиня госпожа Бехиче

Компаньоном тети моей Пейвесте-ханум была Бехиче-ханум. Из всех, кого я в жизни видела, самой аристократичной, самой красивой и самой упрямой была она. Высокого роста, роскошные

каштанового цвета волосы, голубые глаза, белое тело, необыкновенно красивая женщина. Бехиче-ханум была старшей дочерью абхазского аристократа, известного своим мужеством Албуз бея Маана. Мать ее Назли-ханум тоже принадлежала аристократической семье Кучба.

Бехиче-ханум родилась в 1882 году в Бенауте, недалеко от Адапазары. В 1899 году отец передает ее в Илдыз-сарай с рекомендацией, чтобы она стала невесткой Его Величества. Однако падишах, не устояв перед красотой молодой девушки, тут же сам женился на ней. Свадьба состоялась 10 мая 1900 года во дворце Хюнкар Илдыз. Мать была приглашена на свадьбу, и она много нам рассказывала о свадебной церемонии.

Бехиче-ханум через год после замужества родила шаху двойню Бедреттина и Нуреддина, тем самым она стала достойна самого большого уважения среди жен падишаха.

Когда султана Абдулгамид-хана II свергли и сослали в Салонику, Бехиче-ханум осталась в Стамбуле.

Вместе с сыном она сняла один дом и при очень сложных условиях вынуждена была продолжить жизнь. В связи с этим бедняга Бехиче-ханум, написав письмо падишаху, Его Величеству, просила ей – бывшей жене государя – передать личный дворец, Маслак-виллу. Однако султан Решид-хан посоветовал ей об этом личном вопросе написать Енверу и Талат пашам. Оказавшись в безвыходном положении, Бехиче обратилась к вышеуказанным пашам. Но у них даже волосы не шевельнулись. Пока в 1912 году ее мужа из Салоники не перевели

в Стамбул и не посадили во дворец Бейларбей, Бехиче-ханум продолжала писать и делать заявления. Руководству надоели бесконечные настоятельные жалобы и письма Бехиче-ханум. Теперь, чтобы от нее избавиться и быть спокойными, они сообщили Бехиче-ханум, что Абдулгамид-хан тяжело болен, и что он хочет немедленно ее возвращения в Бейларбей. Бехиче-ханум, обеспокоенная этим сообщением, вместе со своей сестрой Тасвире-ханум тут же пошла в Бейларбей. Но придя туда и увидев падишаха вполне здоровым, сказала:

– Боже мой, господин, вы же не больны.

Поняв, что она стала жертвой игры Енвера и Талата, Бехиче-ханум на сей раз не покинула дворец Бейларбей. Прожив там ровно три месяца жизнью заключенной, несчастная женщина однажды утром вошла в комнату Абдулгамид-хана и заявила:

– Не могу жить больше в разлуке с сыном. Сделайте все, чтобы освободить меня отсюда, – обратилась она к мужу.

Однако пока Абдулгамид-хан объяснял, что от него ничего не зависит, что к его слову никто не прислушивается, Бехиче-ханум тут же вспыхнула:

– Тогда я знаю, что мне нужно сделать.

Тут же покинув комнату, она вошла в салон, где находились солдаты, и громко сказала:

– Меня сейчас же выведите отсюда, в противном случае я больше в гарем не вернусь.

Обескураженные солдаты о ситуации сообщили Енвер паше. На основании его распоряжения, верную своему слову женщину, освободив из Бейларбея, поселили в Маслак-виллу. Спокойно она там жила до ссылки.

(Бехиче-ханум вместе с сыном Нуреддином была выслана. В Италии в г. Наполи они стали жить. Потом, когда Нуреддин переехал в Париж, Бехиче-ханум осталась одна. Когда в 1944 г. внезапно скончался сын, она, беспомощная и больная, свою жизнь вынуждена была продолжить в одной маленькой комнатухе. В 1969 году семья (Маан) привезла ее обратно в Турцию. Бехиче-ханум опять вернулась в свой любимый Стамбул. Однако, спустя 7 месяцев после возвращения в Стамбул, она скончалась).

Госпожа Бидар

Госпожа Бидар была женщиной божественной красоты. Высокого роста, длинные золотистые волосы, карие глаза, тонкая талия. Каждый, кто видел ее, восторгался ее сказочной красотой. Жена, которую больше всех любил и уважал султан Абдулгамид-хан II, Бидар-ханум, была родственницей князя Хусейна Инал-ипа. Когда меня обручали, госпожа, поцеловав меня в лоб, сказала:

– Добро пожаловать, дочь моя, слава Богу, будешь счастлива, – и приколола мне на грудь подарок – брошь с бриллиантовыми камнями, подаренную ей когда-то падишахом. Госпожа Бидар до крайней степени хозяин своего слова, уставшая от игры судьбы, стала несчастной из-за невинно казненного младотурками ее брата Черкез Мехмет паши. Уставшая от ношения траура, она была человеком разбитым, согнувшим свои колени.

(Черкез Мехмед паша (1856 – 1909), под псевдонимом Кабасакал. Он дважды был женат на султанках. Первая жена была дочерью султана Абдулмеджид-хана – Наиле султан. После ее смерти он женился на Есма султан – младшей дочери Абдулазиз-хана. Черкез Мехмед паша был казнен 24 мая 1909 года партией Единения и Прогресса, будучи невиновным).

За несколько дней до смерти Бидар, я и моя мама пошли проводить ее. На меня произвело очень сильное впечатление, что, находясь в очень тяжелом состоянии, она встретила нас на ногах. Беседа наша продолжалась около часа.

– Судьба мной превратно и несправедливо распорядилась, я надеюсь, доченька, твоя жизнь будет счастливой и красивой, – сказала она, моля Бога.

Последние слова, которые я слышала от нее, были эти. Через неделю после нашего ее посещения, т.е. 13 января 1918 года, Бидар скончалась. Ее похоронили на кладбище шахского сына Кемаледдин Ефенди, в обители Иахиа Ефенди.

Смерть султана Абдулгамид-хана II

Одним из самых несчастных падишахов Османского государства был покойный султан Абдулгамид-хан II. Он с каждым великолепно общался, никого никогда не обижал, не унижал, но все-таки революция его свергла с престола, и поступили с ним очень несправедливо. В момент его

кончины я тоже была во дворце Бейларбей. Весьма печальную историю хочу рассказать.

Календарь показывал 10 января 1918 года, воскресный день. Старшая тетя моя Нурхаиат-ханум, очень взволнованной пришла к нам домой, к моей маме:

– Боже упаси, Пейвесте мне позвонила, состояние господина ухудшилось, тебя и меня просит к себе, говорит, вместе пойдем в Бейларбей.

Мама, услышав это, быстро накинула на себя мантию и мне велела приготовиться, все вместе пошли мы к тете Пейвесте-ханум.

Когда мы подошли к дому, тетя, давно уже готовая, ждала нас в саду. Сразу, выйдя из повозки, мы с тетей обнялись.

Тетя моей маме:

– Ой, сестричка, нам надо скорее идти. Селим Ефенди сообщил мне, что очень плохо нашему господину, сказал срочно надо идти нам в Бейларбей.

Снова сели в повозку, спустились на набережную. Там, пересев в лодку, перешли на ту сторону Босфора. Там нас встретил Абдуррахим Ефенди. Он был очень грустный, и ни о чем не поговорив, мы пересели в повозку. Через 20 минут, наконец, мы оказались в Бейларбее.

Когда мы заходили во дворец, у Абдуррахим Ефенди солдаты спросили:

– Эти женщины кто?

Он ответил, что эта его мать и тетя.

Лицо, которое считалось начальником, громко заявил:

– Нельзя, вы отсюда не выйдете!

Потом повернулся к Абдуррахим Ефенди:

– Вы возьмите свою мать и заходите, остальные женщины пусть остаются здесь.

Мы вынуждены были ждать их в саду. Тетя и Абдуррахим Ефенди вошли в комнату. Не прошло и 15 минут, как оттуда стали раздаваться крики, плач, вопли. Пока мы ошарашено смотрели друг на друга, из дворца бегом стали выходить полицейские.

– Бывший государь скончался, – сказали они.

В тот момент нам показалось, будто мир на нашу голову свалился. Мы побежали, чтобы войти внутрь, но опять солдаты нас не пустили.

– Не имеете права, – сказали они.

Оказавшись в страшном отчаянии, мы не знали, что надо сказать, что нужно делать. Дай Бог здоровья командиру солдат, которые нам не разрешали войти внутрь дворца. Он подошел к нам и, обратившись к другим, сказал:

– Оставьте их в покое, пусть заходят, человек умер, теперь каждый может заходить.

После этого все мы побежали во дворец. Когда мы вошли в гаремную комнату, каждый там громко плакал, женщины бросались с места на место. Найдя в себе мужество, мы начали искать тетю и, наконец, нашли. Несчастливая тетя Пейвесте-ханум где-то в конце лестницы, полностью разбитая, в полубморочном состоянии, сидела на полу.

Вокруг находились слуги, но в тот момент никто не был в состоянии помочь друг другу. Мать и тетя Нурхайат побежали оказывать помощь своим сестрам, я тоже, плача, со слезами, оглядываясь по сторонам, стала искать комнату, где покоилось Его Величество.

Через несколько часов и остальные жены и дети султана Абдулгамида-хана II пришли в Бейларбей. Все мы вместе вошли в комнату, где лежал покойный наш правитель. Наджие-ханум, которая рыдала и стонала в углу комнаты, быстренько побежала и припала к покойнику. Приложив большие усилия, мы ее оторвали от покойника.

Пока мы плакали в комнате, пришли трое солдат и нас вывели на улицу.

– Нет, дорогие, нет, не беспокойтесь, это грех, – говорили они.

Несчастливая госпожа Бедрифелек из-за того, что она была в возрасте, совсем потеряла себя. Госпожу перевели в другую комнату, там кто-то из врачей осматривал ее. Бедняга Селим Ефенди был в несчастном состоянии. Вслед за отцом боялся потерять и мать тоже, и плакал.

Все мы сидели на земле (или кто где) и ждали утра. Наконец, один полицейский разрешил войти в комнату господина по два человека. Прежде всего, это – дети шаха, потом госпожи и за ними султаны заходили и стали держать караул. Я зашла вместе с двоюродной сестрой Фатмой Песенд-ханум. Зашла в комнату и сразу стала плакать. Сидя на месте около получаса у головы Его Величества, причитали, молились ему. Потом, плача, мы покинул комнату.

На второй день, после того, как мы в последний раз видели его, полицейские вынесли покойника из дворца. На улице солдаты выстроились на прощание. Мы, женщины, остались во дворце, мужчины ушли. Как только тело господина увезли из Бейларбея, сразу вновь начались плачи и стоны. Потом

потихоньку народ разошелся. Тетя моя Пейвесте-ханум и Абдуррахим Ефенди подошли к нам. Мы их приняли у себя, и они гостили у нас несколько дней. Двоюродная сестра моя Фатма Песенд-ханум пошла жить к отцу, т.е. в дом старшего дяди Сами бея, что находился в Ваникей.

Итак, мое последнее свидание с покойным султаном Абдулгамид-ханом II произошло так горько. Царство ему Небесное.

Австрийская императрица посещает гарем

После того, как германский император побывал в Стамбуле, дворцу сообщили, что и австрийский император тоже приедет в Стамбул. В то время султан Решад-хан находился на троне, и этот визит состоялся ровно за 1 месяц до смерти падишаха.

29 мая 1918 года император Карл и его супруга Зита прибыли в Стамбул. Падишах и Енвер паша встретили императора и устроили прием в Долмабахче, а затем перешли в Илдыз сарай.

Когда императрица сказала падишаху, что она хочет посетить гарем, Его Величество распорядился подготовить гарем к 30 мая. В этот день во дворец были приглашены тетя моя Пейвесте-ханум, мама, сестры и я.

30 мая, подготовившись с утра, пошли во дворец. Чтобы увидеть Зиту, во дворец пришли жены шахского сына и замужние султанши. С будущей госпожой Назикедой-ханум первый раз я встрети-

лась здесь. В те времена она, являясь женой наследника престола, носила титул госпожи.

Эта встреча произошла в гаремной части Илдыз сарая в доме, который носил имя «специального дома».

Султан Решад, чтобы показать госпоже Зите гарем, не отобрал какой-нибудь, а представил императрице весь свой гарем. Очарованная, особенно господами Камурес и Михренгис, Зита была очень удивлена, когда Назпервер-ханум стала говорить с ней по-французски.

Потом Зита говорит Пейвесте-ханум:

– Ваше Величество, во время визита в Стамбул германской императрицы Августы-Виктории познакомилась с ней королева Бидар, где она?

В ответ моя тетя:

– Ее Величество, к сожалению, несколько месяцев назад скончалась.

Зита несколько опечалилась.

Вместе с тем, очень молодая, и красота ее бросалась в глаза, госпожа Дильфирин очень понравилась Зите.

Императрицу угостили кофе, затем молодые служанки показали черкесские и турецкие танцы. Наконец, когда пришло время прощаться, главная казначеиха учительница женщин Нерминдиль от имени всех присутствующих гарема Зите подарила очень красиво вышитую шаль. Зита подарок приняла очень деликатно.

Таким образом, я впервые в жизни видела иностранную царицу. Кроме того, я не забываю сказать об обращенных ко мне словах сопровождающей императрицу графини Естерхази:

– Красивую, как вы, кавказскую принцессу я хотела бы принять у себя во дворце. Если когда-нибудь вы будете в Вене, буду ждать у себя дома, – сказала она.

Очень довольная, я дала ей слово. Но, к сожалению, не смогла туда поехать.

Предложение моей тети

Через несколько месяцев после гибели моего нареченного Хусейна Инал-ипа, моя тетя Пейвестеханум однажды пришла в наш дом, что находился в Лалели, и сделала предложение, которое изменило всю мою жизнь:

– Доченька, то, что судьба твоя так проклята, разрывает сердце мое, все ночи напролет думаю о тебе до такой степени, что у меня начались головные боли, но в конечном итоге – найду какой-то выход.

Слова тети повлияли не только на мои мозги, но вломились в мою душу, и я начала плакать. До того времени я и не предполагала, что судьба моя окружающих меня людей тоже подвергала страданиям. Любимая тетя этими словами открыла мне глаза и показала правду жизни.

Впечатление такое, будто у меня что-то в горле застряло. Пересилив это, сказала:

– Извините, но я не хотела вас расстраивать.

Тетя:

– Смотри, доченька, ты и для меня часть моей души, твой траур и мой, и всех остальных членов нашей семьи тоже, – сказала, глубоко вздохнув, и добавила:

– Некоторое время назад я посетила гаремы нашего нового государя. Я знаю первую жену Его Величества, сама она из моих старых знакомых. Я ей рассказала о тебе и объяснила твою ситуацию, специально попросила, чтобы она помогла тебя взять во дворец. Госпожа сразу согласилась и тебя пригласила к себе в службу.

Я осталась обескураженной. Нести службу во дворце для меня было несбыточной мечтой. Однако я не могла пойти во дворец, оставив дом, задушевную подругу Дильбер и повариху Кезбан. Что с ними будет? Подумав о них:

– Тетенька! Я бы охотно приняла твое предложение, но если я пойду, что будет с домом и слугами? – спросила я.

Тетя:

– Ты посмотри, о чем ты говоришь. Какой нас день ждет! Мы присмотрим за домом и за прислугой. Ты только скажи «да», и меня не позорь перед госпожой.

Немного я подумала, потом поговорила с Дильбер и Кезбан. Как они были рады, я объяснить не могу. Они сказали, что мне нужно сразу согласиться, что другого такого удачного случая в руки может не попасть, и я приняла предложение моей тети.

(Князь Хусейн Инал-ипа (1888-1918) родился в Стамбуле. Первая его жена Вуслат-ханум умерла в 1914 году. Через два года он обручился с Лейлой-ханум. Хусейн очень много путешествовал за рубежом. Свадьба их была назначена на 23 июня, однако 3 июня он погиб в дорожной катастрофе).

3. | МОЯ ЖИЗНЬ часть | В ДВОРЦЕ

«Девочки, которые расчесывали косы госпожи, вертелись как винтики. Одна расчесывала, другая заплетала, а третья эти красивые шате-нового цвета косы собирала. Эта была такая сказочная картина, какую я в своей жизни еще не видела».

Из писем, которые княжна Лейла Ачба писала
своей маме

Путь во дворец

5 января 1919 года, когда я садилась в двухместную роскошную карету дворца, я делала первые шаги в дворцовую жизнь, которая заняла в моей жизни долгое время.

Когда я вспоминаю то утро, ставшее началом моей новой жизни, глаза мои наполняются слезами, я плачу. До сих пор я слышу прощальные слова друга моей души Дильбер, они как бы являлись предвестником жизни.

– Моя хорошая, милая сестра, если ты будешь даже очень далеко, сердца наши всегда и везде будут биться одинаково, этого-то никогда не забывай, – сказала она.

Я тоже в ответ сказала:

– Я иду недалеко, я всегда буду рядом.

Не придав никакого значения словам Дильбер, я ответила так. Но в то время я еще не знала, что мы стояли в окружении ужасов, и нас ждал страшный конец. Провожать меня пришли мама, тетя, сестры мои и невестка. Отдельно обняв каждую из них, попрощавшись с ними, я села в карету. В карете я встретила с очень красивой и худой женщиной.

Женщина мне:

– Добро пожаловать, госпожа, я Незакет, прислуга нашей госпожи, меня обязали доставить вас в дом госпожи.

Немного я успокоилась, поскольку совсем не привыкла путешествовать.

Если я не ошибаюсь, от Лалели до Илдыза мы доехали за один час. Отдавая должные почести дворцу Илдыз, проходя мимо ворот дворца Илдыз, я заметила, как обслуживающий персонал выстроился для приветствия. Я сразу обратилась к Незакет-ханум.

– Почему они приветствуют?

– Потому что это карета принадлежит госпоже.

Когда мы вошли в гаремные части Илдыз дворца, я сразу вспомнила, что это все мне давно знакомо. До объявления Конституционного правления я и моя мама часто сюда приходили и навещали тетю. Это счастье, эти счастливые дни сейчас были сладкими грезами, которые остались позади. Эти глубокие и сладкие воспоминания так увлекли меня, что я даже не заметила, когда остановилась карета. На зов Незакет-ханум я пришла в себя.

После того, как мы вышли из кареты, нас встретил черный гаремный старший. Вместе с ним пошли в комнату главной госпожи. На нижнем этаже

мы встретили Шахесер-ханум с третьей придворной дамой госпожи. Шахесер-ханум меня подняла на верхний этаж и повела в салон, в котором находилась главная госпожа. Только мы вошли в салон, как встретились лицом к лицу с госпожой Назикедой, которая сидела роскошно на большом, очень красивом диване. Я сразу решила нагнуться до пола и поздороваться с ней, но госпожа ласково:

– Бог с вами, не надо.

Потом веером, который она держала в руках, показала мне на скамейку, я пришла и села на нее. Шахесер-ханум перешла к дивану и стояла на ногах. Госпожа улыбнулась мне:

– Добро пожаловать, вам благодарна, что вы выполнили мое желание, придя сюда, слава Богу, вы будете благородной придворной дамой.

Затем Шахесер-ханум:

– Покажите вашей сестре ее комнату. И повернувшись ко мне:

– Вы немного отдохните, потом мы вновь встретимся.

Я очень нежно попрощалась с ней и ушла от нее. Вместе с Шахесер-ханум мы вышли из салона госпожи. Пройдя мимо длинного коридора, который находился на том же этаже, мы вошли в двери встречного длинного коридора, который находился в конце. Шахесер-ханум:

– Здесь ваша квартира.

Комната была очень красиво меблирована. Письменный стол, который стоял около большой кровати, вроде бы обращался ко мне с призывом писать письма. Будто бы все мои желания выставлены здесь, в этой небольшой, но прелестной ком-

нате, до конца моей службы она была для меня удобным, теплым гнездом.

После знакомства с моим местом жительства дело стало за знакомством с окружением госпожи. Шахесер-ханум говорит мне:

– В вашем распоряжении прислуга. Ее зовут Ферзан, в соответствии с протоколом, она будет вашей помощницей. По всем вопросам можете обращаться к ней.

В это время и Ферзан-ханум вошла. Она жила в комнате рядом с моей спальней. Всегда с улыбающимся лицом женщина среднего возраста. Трудно объяснить какое прекрасное время я провела, находясь в ее обществе.

Итак, мое вхождение во дворец произошло вот так. Как пятая придворная дама я поступила на службу к главной госпоже последнего Османского императора. Я стала свидетельницей исторических событий и собственными глазами видела крушение, развал империи.

Емине Назикеда – главная госпожа и переводчик

Ее Величество госпожа – высокого роста, очень крупные, цвета кофе, глаза, полная, белотелая. В целом очень красивая женщина.

Как и все находившиеся во дворце дворцовые и служанки, госпожа тоже была с Кавказа, абхазского происхождения. Она – самая старшая дочь цабалского князя Хасана Али бея Маршана и адлерской княжны Фатмы-ханум Аредба.

За год до начала разыгравшейся в 1877 году войны, т.е. в 1876 году Хасан Али бей двух из своих трех дочерей и вместе с ними их воспитательница-нянюк привез в Стамбул к своей сестре Сузидил-ханум, которая была придворной дамой у Джамиле султан, и оставил ей всех на попечение. Джамиле султан поменяла имя девочки и по дворцовой традиции назвала ее Назикедой.

Первые годы Назикеды была прислугой своей тети, позже Джамиле султан Назикеду передала в квартиру младшей дочки госпожи Фатме султан и сделала ее придворной дамой.

Назикедой-ханум полных пять лет обслуживала Фатму. Однажды, когда она гуляла в саду дворца, ее заметил шахский сын Вахидеддин, и она ему понравилась. Как бы то ни было, господин Вахидеддин попросил у Джамиле султан Назикеду.

– У меня нет для тебя девушки, – резко ему ответила она.

Господин же безумно был влюблен в Назикеду и решительно настаивал на том, чтобы жениться на ней. Наконец в 1885 году, весной, Джамиле султан, поставив условие, решила отдать Назикеду-ханум Вахидеддину Ефенди.

– Кроме Назикеды другой жены у тебя не должно быть, с Назикедой ты должен обручиться, как с настоящей женой, ты не должен относиться к ней, как к гаремной наложнице, – сказала она и потребовала дать ей слово, гарантию.

И Вахидеддин Ефенди, присягнув, согласился с условиями сестры.

Помолвка и свадьба, организованные падишахом того периода султаном Абдулгамид-ханом

П, прошли очень торжественно и празднично, по просьбе Джамиле султан они были проведены в одном из дворцов Ферие 18 июня 1885 года.

Первые годы семейной жизни Назикедда и Вахидеддин провели в Ферие и первые дети у них родились во дворце на побережье.

У Ее величества первый ребенок – девочка родилась в 1888 году, однако этот ребенок жил только две недели. В 1892 году родилась дочка Ульвие султан и еще через два года Сабиха султан.

В связи с рождением третьей девочки Назикеддаханум заболела, слегла и в течение нескольких недель не могла прийти в себя. И вообще после этой болезни у нее не могло больше быть детей. Госпожа, хорошо зная традиции династии, однажды пришла к Вахидеддину с предложением о повторной женитьбе, но не получила одобрения. Для престола она не родила сына, а по протоколу династии, дети османских шахов должны были иметь, самое малое, по одному сыну – шахзаде.

А на самом деле после женитьбы Вахидеддина на Назикедде через некоторое время он увлекся одной придворной дамой по имени Невгюль. Пусть и короткий, но он прожил с ней роман. Все эти события доходили до Назикеды, все приключения она знала, но все равно предпочитала молчать.

Нарушение присяги

Эта ситуация продолжалась годами, между тем прошло целых двадцать лет. Наконец в один день г-н Вахидеддин опять влюбился. На квартире у ма-

чехи Шайесте-ханум он увидел девушку, которая ослепила ему глаза. Ее звали Инширах, ей было всего 17 лет. О том, что господин решил жениться на этой девушке, он сказал своей мачехе Шайесте-ханум.

– Но, голубчик мой, как может это быть? У тебя есть законная жена, без ее разрешения ты не можешь жениться, – говорит она ему.

Шахзаде тут же побежал к своей жене – моей госпоже и попросил у нее согласия. Моя госпожа скрутилась, сгорбилась, но дала согласие. И таким образом Вахидеддин Ефенди, данную годами назад присягу нарушил, женился, оставил Низикеду-красавицу, которую выпросил у своей сестры. И опять Назикеда, никому ничего не говоря, молча переносила всю эту горькую жизнь, относя все это на счет судьбы.

Инширах-ханум после замужества начала ревновать мужа невообразимо. Ее ревность настолько была сильна, что даже ревновала его к слугам, адресуя им оскорбления. Так она этих несчастных выводила из терпения.

С течением времени Ефенди остыл к этой женщине, ее ревность ему надоела, и стал он желать для себя других. И к тому же Инширах-ханум оказалась бесплодной.

В то время Вахидеддин Ефенди давно переселился из Ферии в Ченгелкёй и жил в роскошном особняке, который был построен по его заказу. Этот особняк очень любила и моя госпожа. Очень любившая верховую езду, она говорила, что хочет удовлетворять эти свои желания в огромном парке дворца. В годы, когда она жила в Ферие, у нее не

было возможности заниматься ее любимой верховой ездой.

И вообще дворцы, которые были в Ферие, сгорели после пожара. Госпожа в Ченгелкее вставала очень рано, даже не позавтракав, садилась на белого коня Екпаре и до самого вечера занималась верховой ездой. Эта ситуация мне напоминает положение австрийской императрицы Елизаветы. Она тоже увлекалась верховой ездой. Инширах-ханум также как изводила обитателей дворца Ченгелкёй, также интересовалась и всеми событиями. По этому поводу главную прислугу Гевхеримюль она обязала все поступки шахского сына, даже самые незначительные, докладывать ей. Однажды Гевхеримюль с очень важным сообщением зашла в комнату женщины.

– Госпожа, а госпожа, что я видела, – говорит она.

– Что ты видела, объясни мне? – очень заинтересованно спросила Инширах, но от услышанного она очень расстроилась, поскольку то, что объясняла невежда прислуга, не очень было приятным.

– Боже, упаси, госпожа. Его Величество ходит в обнимку с молодой новенькой, ей Богу Вам изменяет, – рассказала она.

Инширах, услышав об этом, ворвалась в комнату шахзаде Вахидеддина и застала его с красивой придворной дамой по имени Периру. В этот момент произошел сильный скандал. Инширах-ханум с криком взяла Периру за волосы и поволокла ее по полу, и несчастная девочка покатилась по лестнице. А госпожа там же упала в обморок.

Когда Инширах-ханум пришла в себя, она была взбешенной. Собрав свои вещи, она объявила, что

покидает дворец. Узнав об этом, слуги побежали к Ефенди и сообщили ему это. Но он спокойным голосом сказал:

– Оставьте ее. Пусть уходит. И вообще, если вы захотите ее удержать, все равно не удержите. Так оно и случилось. Инширах-ханум вечером того же дня покинула дворец и больше назад не вернулась. Через два дня после этого случая Вахидеддин Ефенди развелся с Инширах. Это случилось после объявления II Конституционного правления.

(Инширах-ханум (1887-1930) принадлежала к черкесской аристократической семье Воджибе. Родилась она в Машукии вблизи Измита в семье Азиз бей Воджибе. Со стороны родственников она была взята во дворец. В 1905 году вышла замуж за Вахидеддина и в 1909 году разошлась. Ее старший брат Зеки бей до самой смерти Вахидеддина оставался с ним. Инширах-ханум была сослана в 1924 году и поселилась в Каире. В 1930 году она покончила с собой, утопив себя в реке Ниле. Тело ее родственники привезли и похоронили в Стамбуле на кладбище Емир султан).

Остальные жены Его Величества

После того, как ушла Инширах-ханум Вахидеддин Ефенди долгое время ни с кем из дворцовых браком не сочетался и проводил время с девушками исключительно не из дворца. После Инширах он влюбился в красивую девушку Джанпервер из дворца. Однако девочка внезапно заболела, ее

смерть беднягу шахзаде сильно огорчила, он убивал себя в трауре. После смерти молодой и красивой девочки Вахидеддин Ефенди вернулся к своей первой жене Назикедке, прекратил любовные романы и стал проводить время с ней. В ходе этих приключений Шайесте-ханум из Долмабахче для личной услуги попросила трех девочек. Среди пришедших этих девочек была одна красивая абхазка по имени Мюведдет.

Однажды, когда Мюведдет занималась своими делами у Шайесте-ханум, ее заметил Вахидеддин Ефенди. Однако, чтобы не повторять те ошибки, которые он совершил при Инширах, он хорошенько изучил, чем дышит и чем живет эта девочка, а потом взял ее в жены. Свадьба состоялась в 1911 году с небольшим торжеством. Однако это замужество столько огорчений и несчастий принесло моей милой тете, что не могу вместить в строки. Но Мюведдет-ханум очень сдержанная, добросердечная, никогда не вмешивалась в чужие дела, старалась никого не огорчать, была исключительной женщиной, которая старалась сделать приятное каждому человеку. Поэтому между Мюведдет-ханум и госпожой Назикедой завязалась очень тесная дружба, и они начали совместно существовать – жить.

Вообще надо сказать, приход Мюведдет-ханум в Ченгелкёй был счастливым. Ибо она родила шаху сына, которого с жадной ждали во дворце. Естественно, уважение, почтение к ней выросли на этаж.

В 1918 году после смерти его брата султана Мехмед Решад-хана, став 36-м государем, Вахидеддин

Ефенди занял трон, который уже страдал неустойчивостью. Одновременно с занятием трона правителя, он своей первой жене Назикедде присвоил титул «главной дамы» дворца, а Мюведдет-ханум присвоил титул «второй дамы» дворца.

Госпожа Мюведдет – высокого роста, с голубыми глазами, волосы светло-каштанового цвета, белокожая, красивая женщина. Она, абхазка по происхождению, была дочерью Чихба Давут бея и Аише-ханум. Родилась в 1893 году в Дербенте. В девятилетнем возрасте по желанию ее тети Хабибе-ханум, которая служила во дворце, взяли ее во дворец. Невваре-ханум, которая по такому же пути пришла во дворец, была дочкой дяди Мюведдет и через несколько лет стала третьей женой Вахидеддина Ефенди.

Произошло это таким образом.

После того, как Мюведдет стала супругой шахзаде, она забрала к себе племянницу Невваре, которая была прислугой в Ченгелькейском дворце и сделала ее своей придворной дамой. Ясно было то, что, когда Невваре вступит в совершеннолетие, то в один день шахзаде Вахидеддин Ефенди обратит на нее внимание, поскольку она тоже была девушкой невообразимой красоты. Почувствовав это, Мюведдет отправила девочку Невваре обратно во дворец Долмабахче. Цель была одна: воспрепятствовать тому, чтобы она делила постель с ее мужем. Но это было безуспешно, так как Вахидеддин Ефенди давно уже отдал свое сердце этой абхазской красавице и собирался на ней жениться. Узнав об этом, Мюведдет с ума сошла. Сразу же бегом пошла к господину и бросилась ему в ноги.

– Прошу тебя, господин, не бери Невваре, если она станет моей соперницей, я не смогу ее любить по-прежнему как свою племянницу, не перенесу это, – умоляла она его.

Но господин, вопреки просьбам несчастной госпожи Мюведдет, на 14-й день восшествия на престол, во дворце Долмабахче женился на Невваре.

Очень хорошо помню: Невваре-ханум высокого роста, голубые глаза, длинные черные волосы, белокожая, она была превосходно красивой девочкой. Родилась она в 1901 году в Дербенте, отец ее Чихба Мустафа бей, а мать Капба Хафице-ханум. Она жила в одном из зданий парка дворца Илдыз. Но насколько она была добросердечной, настолько же была и чрезмерно надменной.

Свита госпожи Назикеды, ее семья и близкие

В годы, когда Ее Величество Назикедда стала женой шахзаде, ее свита была очень небольшой, но состояла из доверенных лиц. Главной придворной дамой была дочь дяди по матери Рюмейса-ханум. Ее воспитательницей была Бабудже-ханум, няня, которая приехала вместе с ней из Абхазии. И прислугой была Шемсинур-ханум, которая со временем ее обучила традициям дворца. Кроме этих троих, хорошо знающих свое дело, других прислуг не было у нее. Позже, еще две девочки оказались в ее распоряжении, однако их тоже подобрали из среды родственников и племянниц. Когда речь идет

о племянницах, я хочу рассказать все, что мне известно о семье государыни.

У нее кроме двух старших братьев и двух младших сестер других не было. Отец ее цабалский князь Хасан Али бей Маршан погиб в войну 1877 года. О гибели матери Фатмы-ханум не было никаких конкретных известий, и она верила в ее мученичество (в смерть).

Старший брат Абдулкадыр бей, несмотря на возраст, выглядел очень симпатично, был высокого роста, с карими глазами, волосы светло-каштанового цвета. Старшие его дочери, т.е. племянницы Ее величества, во дворце были придворными у своих тетей.

Что касается другого брата госпожи, то у меня нет никаких сведений о нем.

Асубиджан-ханум была старшей дочерью Абдулкадыра. Она была среди придворных дам ее тети госпожи Назикеды. Очень красивая, эта девушка позже вышла замуж и покинула дворец. Что касается другой племянницы госпожи – Кезбан-ханум, то во дворце она получила имя Шахинде. К сожалению, ее жизнь стала очень печальной. Как только вспомню ее судьбу, глаза мои наполняются слезами.

У Абдулкадыра было трое сыновей. Старший Исмаил, младшие Али и Решид бей. Исмаил, не успев создать семью, погиб. Али женился на девочке Нурие-ханум из рода Маан; Решид женился на очень красивой Зюбейде-ханум из династии Гечба.

Сестры государыни на несколько лет младше нее – Наджие и Дариал. Наджие-ханум вышла замуж в городе Сивасе за одного аристократа. Что

касается Дариал-ханум, то после того, как ее старшая сестра вышла замуж за Вахидеддина Ефенди, она ушла во дворец в Долмабахче. Там она познакомилась с шахзаде Мехмедом Селим Ефенди, и после некоторого времени вышла за него замуж. Дариал-ханум от Селима Ефенди родила дочь и называли ее Емине Намика.

После рождения ребенка Дариал-ханум не жила долго. Ее очень чувствительный организм и нежное тело не сопротивлялись никаким болезням. Наконец несчастная госпожа заболела туберкулезом и умерла в очень молодом возрасте.

Селим Ефенди после кончины Дариал-ханум был еще трижды женат. Вторая жена его Ефлакиар-ханум была дочкой близкого нашей семье ветерана войны Мухаммед бей. Его лично знала я. Но, как печально сложилась судьба этой женщины, ее отправили в ссылку.

Бедняга Намика-султан выросла среди бабушек и нянек и стала очень красивой девушкой. Когда настало время выходить замуж, ее отец Селим Ефенди, ее выдал за сына Ибрагима Етем паши – Али Кенан бей.

* * *

О племяннике Ее Величества госпожи, об Исмаиле бее, я беру на себя смелость рассказать вам, дорогие мои читатели.

Этот человек в период национально-освободительной войны, борьбы за независимость пошел на фронт и в борьбе с врагами пал смертью храбрых.

К сожалению, Исмаила я не видела, однако его суженую Хандегюль-ханум, она из абхазской семьи

Шамба, я знала, так как она была одной из редких красавиц, которые находились во дворце.

Хандегюль-ханум жила на квартире у Сабихи султан. Каждый к ней обращался, называя ее «невеста-ханум». Сейчас, когда я пишу эти строки, лицо Хандегюль-ханум перед моими глазами вдруг ожило. Ой, Боже мой, какой она была красивой девочкой, и насколько она была красива, настолько горька была ее судьба. Однажды Исмаил написал государыне и Хандегюль-ханум, что он бесповоротно решил поехать в Анкару, пойти на фронт. Бедняжка, вся в слезах, уговаривала его не идти на фронт, но безуспешно. Наконец, поняв, что нет другого выхода, чтобы вспоминал он ее на фронте, она сшила маленькую подушку и передала любимому. Исмаил бей с этой подушечкой пошел на фронт. Он неотлучно эту подушечку держал при себе, и в одном из наступлений был сражен противником.

Хандегюль-ханум после гибели Исмаила бея ушла из дворца и после недолгого времени скончалась.

* * *

Жену Али бея – младшего брата Исмаила бея, Нурие-ханум, я тоже очень хорошо знала. Она была дочерью дяди жены султана Абдулгамид-хана II. Ее Величество госпожа очень любила Нурие-ханум и доверяла ей. До 1919 года во всех проводимых праздничных торжествах Нурие-ханум постоянно находилась с госпожой и ее дочь Надире-ханум держала подол очаровательной длинной одежды госпожи и шла позади нее.

Старший брат госпожи Абдулкадыр бей жил в Сивасе. Недалеко от Сиваса у него была усадьба, и свою любовь к верховой езде он удовлетворял только там. Семья Маршан жила в поместье Абдулкадыра. К сожалению, после начала войны за независимость его связи со Стамбулом окончательно прервались. И вообще Абдулкадыр из-за прекращения связи с родственниками глубоко переживал, заболел на этой почве и в 1928 году скончался.

* * *

Когда речь идет о сударыне, Ее Величестве, не сказать ничего о няне Бабудже-ханум, которая приехала вместе с ней из Абхазии, будет неэтично, я думаю. Эта высоконравственная и уважаемая женщина до последней минуты своей жизни поддерживала ее. Бабудже я знаю только по фотографиям, так как она умерла в 1910 году. Госпожа всегда вспоминала о ней, называя ее «дорогая моя няня», с грустью.

Если я не ошибаюсь, из Абхазии с госпожой прибыла еще одна особа, о которой я часто слышала от Шемсинур-ханум. Она была молодой девушкой и доводилась она племянницей госпоже. Звали эту девочку Сетен, и была она сказочно красива. И Джамиле султан этой девочке дала имя Назикедда и отправила во дворец Долмабахче. Во дворце Долмабахче прислуги девочку Сетен отдали на квартиру Изеддин Ефенди. По вступлению в совершеннолетие Изеддин Ефенди женился на ней.

Мы часто ходили во дворец Изеддин Ефенди, поскольку шахзаде и отец мой были сыновьями родных сестер. Поэтому я знала и была знакома со всеми женщинами гарема. Особенно Джавидан,

Назикеду, Тазенде наши любили очень и почитали. Только Сетен-ханум никто никогда не мог согреть. Причину этого я даже сегодня не понимаю.

Однажды при встрече я спросила у Сетен-ханум о ее жизни. Она тоже подтвердила то, что рассказала мне Шемсинур-ханум. Действительно, Сетен-ханум, как и говорили, была красивой и человеком с хорошим характером. Когда династию сослали на чужбину, она осталась в Стамбуле. Некоторое время она жила у кого-то из подруг, потом уехала в Сивас к Абдулкадыр бею и жила там.

Придворными дамами моей госпожи по очереди были следующие. Главная придворная дама Рюмейса-ханум, вторая – Шахинде-ханум, третья Байла-ханум, четвертая Шахесер-ханум и пятая придворная дама была я.

Воспитательницей была Шемсинур-ханум. Эта благословенная женщина, современница периода правления султана Абдулазиза, опытная, добро-сердечная, для нас она тоже являлась почти няней. Для каждой из нас было важно ее мнение, она указывала всем дорогу. Она жила очень долго. Ее смерть по времени совпадает с периодом падения империи 22 июля 1923 г. После придворных дам шли учителя – воспитатели. Главной была, как я написала, Шемсинур-ханум, вторая – Мелекнур-ханум, третья – Пейрев-ханум и четвертая – Дилфириб-ханум. Эта женщина была невообразимо ревнивой и страстно жадной, соперничать с ней было невозможно, неуживчиво скандальная.

Вслед за учителями шли прислуги. О них тоже по порядку. Главная прислуга Незакед-ханум, вторая прислуга Налезен-ханум, она в очень малень-

ком возрасте пришла во дворец и в связи с тем, что постоянно плакала, дали ей это имя, третья прислуга Хатырневаз-ханум, четвертая Дилназ-ханум, действительно это имя ей очень подходило, так как она кокетливо разговаривала.

После прислуг шли люди, которые убирали спальную комнату госпожи, кто причесывал ее, кто одевал ее – их было три горничных. Это Хюснювер, Дильруба и Маджиде, очень приятные, с хорошими характерами 17 – 20-летние молодые и красивые девушки.

Кроме всех перечисленных женщин у Ее Величества госпожи были еще две собеседницы. Будучи гувернантками, эти придворные дамы были нашей единственной связью с внешним миром.

Особенности характера госпожи Назикеды

Ее Величество госпожа очень рано вставала. Сразу она приглашала к себе главную даму Рюмейсу-ханум, которая жила в соседней комнате. С ней вместе она завтракала, потом шла навещать свою младшую дочь Сабиху султан в ее комнату. Прежде чем выйти замуж Сабиха султан вместе с матерью жила в одном особняке и их комнаты располагались на нижнем этаже виллы.

У нас, придворных дам, в зависимости от наших обязанностей, комнаты были друг за другом. В связи с тем, что я была последней придворной дамой, моя комната состояла из трех маленьких комнат в конце длинного коридора.

Моя прислуга Ферзан-ханум каждое утро приятным голосом будила меня и говорила:

– Моя милая, госпожа уже встала, прошу вас, завтрак готов. Я тут же поднималась, с помощью служанки одевалась, позавтракав слегка, быстро шла в комнату, где находилась моя сударыня, выполняла свои обязанности. Когда речь идет о моих обязанностях, хочу сказать немного и о них.

Служба эта состояла из того, что постоянно нужно было находиться около госпожи, беседовать с ней о важных событиях и сплетнях, сообщать госпоже о торжествах и скоплениях людей, всегда находиться с госпожой и т.д.

(Госпожа Аминэ «Еминэ Назикедэ» (1872-1946) была дочерью родного брата жены Хасан Али бей, князя Халил бей Аредба).

Из особенностей госпожи Назикеды, главное – это страстная любовь, которую она проявляла к животным. Особенно очень любила попугаев. Она в больших клетках содержала их в особняке, часами рассматривала их и при этом предавалась глубоким грезам. Кроме попугаев у нее была еще обезьянка по имени Бедид. Маленькая, приятная, но большая озорница, Бедид не могла никогда быть спокойной. Подыметесь на шкафы, выбросит на пол цветы из больших ваз, и была довольная тем, что мы за ней гонялись. Однако, когда видит Ее Величество госпожу, бегом бежит к ней и прыгает на плечи, и не двигается совсем. Шемсинур-ханум не понимала причины привязанности госпожи к животным и говорила:

– Ах, ах, Боже, разве такое животное можно любить?!

И пожилые служанки были сторонниками Шем-синур-ханум и говорили Ее Величеству:

– Ради Бога, госпожа! Очень беспокоятся все, просим вас во время прогулок оставлять ее. Ее Величество смеялась над тем, что ей говорят.

– Душенька, служаночка, чем вам может мешать это маленькое животное? Жалко, грешно, ей скучно будет без меня, никогда ее одну не оставляю, – отменяя их мысли, отвечала им.

Наконец, однажды, бедняга Бедид закрыла свои очень старые и усталые глаза, чтобы больше их не открывать, переселилась из бренного мира. Это была, скорее всего, первая неделя марта 1923 года. Госпожа очень расстроилась, много плакала и из-за любимой Бедид долго была в трауре.

Настолько, насколько любила Назикеда-ханум животных, настолько любила она и цветы. И вообще цветочные сады Илдыз парка были под ее наблюдением. Организовав посадку тюльпанов вокруг Дворца торжеств, она рассказывала нам, что тюльпаны это вид турецких цветов:

– Это мое тюльпанное время, – говорила она.

Одна из особенностей госпожи – это любовь к родине, к нации. В первой мировой войне, начавшейся после нее освободительной войне, и после нее, Ее Величество больше всего переживала из-за родины и сгорала из-за нее. Никогда не забуду, когда оккупировали Измир греки, госпожа лишилась чувств и заболела. Бедняга госпожа, какая она была впечатлительная.

Естественно, нас тоже это огорчало, плакали мы, однако горечь госпожи совсем была иной. Вроде бы ее любовь к родине была выше нашей, хочется мне сказать от души. Может быть, действительно, это было так? Поскольку она была королевой, ее большая любовь совершенно нормальное явление.

Другой особенностью госпожи была ее привязанность к вере и ее любовь всем сердцем к исламу. Из ее уст не переставало звучать слово «Аллах».

Всегда она читала молитвы во славу Аллаха, держала намаз, читала Коран, напоминала сопровождающей свите, как свято и с любовью относится она к Аллаху, и насколько красива исламская вера. Было видно, насколько она была благословенной королевой. Насколько высока была ее личность, настолько велики были ее достоинство, слава. Послы, которые приходили во дворец, аристократы мира перед Ее Величеством себя чувствовали очень маленькими. И их звания перед этой высокой, добродетельной госпожой терялись совсем. Даже главнокомандующий английскими оккупационными войсками генерал Харрингтон написал госпоже письмо, чтобы получить ее доверие.

Одно из писем госпожа мне прочитала и говорит:

– Не понимаю, почему этот человек мне написал письмо? Лесть для англичан очень легкое дело, хотя, каковы они на самом деле, мы видели недавно. Кроме предательства они ничего не умеют делать. Сожгите это письмо, сожгите.

И я сожгла это письмо в камине.

Как одевались во дворце

Женщины, которые жили во дворце Османской империи до первой половины XIX века, одевались в турецком стиле. Со второй половины XIX века в большей степени в моде стала французская одежда, т.е. преимущество стало отдаваться европейской моде. Во дворце только матери султанов, госпожи, а потом наложницы одевались в специальные одежды, затем, по всей вероятности, с периода правления султана Мурада, и прислуга тоже начала отдавать преимущество этой одежде. Вообще, когда мы ходили во дворец, во время торжественных мероприятий я обращала внимание на то, что женщины, которые встречались там, в большинстве своем придерживались французской моды. После введения Конституционного правления турецкую моду одежды полностью убрали из дворца. В период моего пребывания во дворце я помню, что только некоторые пожилые женщины по старой привычке одевались на турецкий манер. Кроме них никто на турецкий манер не одевался, а если кто одевался, то их стыдились.

Во дворце специально была принята только французская мода. Одевание европейских королев рядом с прелестными дивными одеждами наших госпож выглядели как кусок материи. Из этой очень дорогой и представительной ткани для госпожи в две недели шился один костюм.

Славные мастера того времени в основном были греками. Специальность швеи мадам Каливруси была для женщин дворца любимой. Но моей фавориткой была вопреки всему мадам Фегара.

Вообще, признанных во дворце и во всем Стамбуле было три портнихи. Это Каливруси, Фегара и Галибе.

Драгоценности госпожи

Как я говорила выше, одежда госпожи была французской. Прежде, чем рассказать о драгоценностях ее, Боже упаси! Я в своей жизни на тонких элегантных шеях, на руках, в ушах госпожи, наложниц и одалисок никогда ничего подобного не видела и ни слышала. Даже драгоценности, которые сохранились в сокровищницах русских царей, не так дороги, как дороги драгоценности супруги падишаха.

У госпожи Назикеды были три очень красивые короны. Первую корону Его Величество подарил ей во время обручения. Вторую корону, когда родилась Фенире султан, т. е. с рождением первого ребенка, ей подарила Джамиле султан, а третью подарил Вахидеддин Ефенди, когда он занял трон. Первую корону госпожа носила постоянно на разных торжествах, последнюю корону она носила на пятничных молитвенных церемониях. Вторую корону она никогда не носила, ибо она напоминала ей ее дочь Фенире.

Зарубежные аристократы иногда желали преподнести ей подарки, но госпожа ни один подарок не принимала. Например, одна русская аристократка, которая спаслась от российской революции, решила ей подарить кольцо с бриллиантовым камнем, и я никогда не забываю слова, которые она сказала госпоже:

– Ваше Величество, только за то, что вы спасли нам жизнь и приютили в вашей стране, я всю свою жизнь буду вам благодарна.

В то время было очень много русских аристократов, которые спаслись от революции и прибыли в Стамбул. Многих из них пригласили во дворец, среди них была вдова по имени Екатерина Бурдукова.

Она была женой одного полицейского, однако муж умер несколько лет тому назад. По всей вероятности, кто-то из ее родственников тоже служил во дворце. Госпожа обратила на нее внимание, срочно взяла в свою свиту и затем сделала ее придворной дамой Сабихи султан.

Особые традиции дворца

Рассказывают о том, что дворец был независимым миром, однако жизнь дворца, которую я знала, за некоторым исключением, от европейской никак не отличалась. И это исключение состояло в том, что основной традицией было изменение имен девочкам, которых брали во дворец. Иногда измененное имя очень соответствовало личности и обязанности девочки, но иногда девочками это воспринималось как вздор, чепуха, не имеющие никакого смысла и понятия. Как, например, имя Галибос-ханум – последней одалиски покойного султана Абдулгамид-хана II. Я слышала, что ее настоящее имя было Хаирие. Когда ее взяли во дворец, один из старших гарема увидел эту девушку и в связи с блеском ее белого тела, вместо того, чтобы дать ей имя Галибе, назвал ее каким-то бредовым Галибос. Так и осталось за бедной девочкой это имя. Это

один из сотни подобных примеров. Ибо во дворце среди обслуживающих девочек было много имен, которые ничего приличного не означали.

В последнее время дворцовые женщины сохраняли свои исконные имена. Например, большинство женщин, которые были заняты в свите Ее Величества, назывались своими исконными именами. Даже часть пожилых прислуг, спустя несколько лет, возвращались к своим именам, которыми нарекли их отцы, отказываясь от дворцовых имен. Никогда не забуду, в период правления султана Абдулазиз-хана осталась одна красивая и божественная женщина по имени Фиристаде. Эта женщина однажды настойчиво сказала:

– Отныне меня будете называть только по моему настоящему имени.

А когда спросили, каково ее настоящее имя, то ответ, который она дала, заслуживает быть записанным в историю:

– Боже мой, я же не знаю, забыла.

Девочки, которых брали во дворец в очень маленьком возрасте, за короткое время забывали свои имена, свое прошлое. Насколько печален этот случай. Я никогда не забуду положение этой несчастной Фиристаде-ханум, будто она потерялась, растворилась в этом огромном мире.

Может быть, в один день она вспомнила свое настоящее имя, кто это знает?

Каких девочек брали во дворец

Девочки, которых брали в османские дворцы, были только кавказского происхождения, особенно, черкешенки, абхазки и грузинки. Открыв

эту тему, надо остановиться на очень серьезном моменте.

Если девочки, которые поступали во дворец, были черкешенками, то они непременно принадлежали к бедной и крестьянской семье, поскольку в черкесской семье не было такого класса как аристократы. К сожалению, у них не было и своего государства. Но если девочка была абхазкой, то без сомнения, она пришла из высокой и привилегированной семьи. Потому что в Абхазии, как в любой европейской стране, была аристократия, были князья и прочие дворянские семьи, которые носили аристократические титулы. А если девочка – грузинка, то семья ее обязательно была из торгового, коммерческого класса, и в этот мир она пришла из дома со средним состоянием.

В связи с этим, во дворце все больше было женщин абхазок из аристократической семьи. Во времена султана Абдулмеджид-хана преобладали, в целом, черкесские девочки. После покойного султана Абдулазиз-хана преобладали абхазские девочки, прежде всего из-за их красоты и потом в связи с тем, что им давало преимущество их аристократическое происхождение. Правда, в большей степени это положение стало наблюдаться с 1864 года, поскольку, в основном, переселение началось с этого года.

Известно и о том, что в последние периоды султана Абдулгамид-хана II и в период правления султана Мехмед Решид-хана в гарем брали девочек не кавказского происхождения, а албанок или босниек. К сожалению, с изменением порядка в империи в гаремной жизни порядок тоже нарушился.

Причиной тому стало и то, что партией Единения и Прогресса написаны темные страницы истории.

У покойного султана Мехмед Решид-хана был главный гардеробмейстер Сабит бей. Я видела эту личность. С первого взгляда он похож был на добропорядочного человека, но если узнать его поближе, то видишь, он был предателем и самой низкой тварью. Он стал посредником в запрещении перехода дворцовых девочек – албанок, босниец и болгарок в гарем.

Я уже писала о том, что как только девочки входили во дворец, им меняли имена, и называли их дворцовыми именами, которые звучали по-персидски. Возраст девочек был от четырех до десяти лет, редко, когда девочек свыше десяти лет брали во дворец, почти такое не наблюдалось, но бывали и исключения.

Девочек группой по пять или семь человек передавали в распоряжение одной из прислуг. Эта служанка в течение первых трех лет обучала их порядкам и этикету дворца. Впоследствии девочки начинали обучаться музыке и каллиграфии. Те, у которых было такое желание, обучались игре на пианино, рисованию, французскому, а также другим иностранным языкам. Школьные годы, самое малое, продолжались 5 лет по вышесказанной форме. К 20 годам девушки становились грамотными, культурными, воспитанными дворцовыми женщинами. После того, естественно, если они не желали расставаться с дворцом, наступало время их служебной деятельности. В зависимости от способности им поручалась служба, которую они выполняли долгое время.

Если кто-либо из этих женщин в пожилом возрасте желал расстаться с работой, они увольнялись на пенсию и шли во дворец Долмабахче.

Все время продолжения службы девочки, исходя из их обязанностей, получали зарплату.

В начале каждого месяца золото, которое они получали в атласных кисетах, (мешочек, сумочка), сохранять в комнатах женщин было невозможно, и вообще, поскольку внутри дворца все нужды удовлетворялись, тратить это золото было негде. По этой причине кисеты передавались служанке, которая отвечала за эту службу. И эта женщина брала и сохраняла в сундуке золото всех, кто во дворце получал зарплату.

А если когда-нибудь, кто-нибудь из служанок решал уйти из дворца, то накопившаяся зарплата и подарки, преподнесенные ей, передавали ей, и небольшим торжеством ее провожали. После дворцовой жизни, в спокойной обстановке жить тоже было возможно. Так выглядела красивая и спокойная жизнь служанок во дворце. К сожалению, не обошлось и без многих желающих очернить эту красивую жизнь. Европа специально порочит гарем. Это очень огорчающий момент, хотя многие, посетившие дворец королевы, аристократки, иностранные дипломаты, послы жизнь в гареме видели своими глазами, знакомились с гаремом. И опять-таки, к сожалению, обвинениям нет конца.

Смерть главной госпожи Камурес

Аристократка, жена покойного государя султана Мехмед Решид-хана, главная госпожа Камурес

после смерти мужа жила в Куручешме на набережной, во дворце, предназначенном для нее.

Однажды мы получили сообщение, что главная госпожа больна и находится в предсмертном состоянии. Моя госпожа Назикеда говорит нам:

– Нужно идти к ней, она очень милая госпожа, и мне очень много приятного сделала.

Приготовились сразу, с трудом добрались до Куручешмы. Боже мой, как нас красиво встретили там добросердечные пожилые служанки. Придворная дама госпожи Камурес Азмирсафтар-ханум повела нас в комнату, где была госпожа, и говорит:

– Сударыня, услышав, что вы идете сюда, встала с постели, оделась, сказала, что она хочет встретить вас на ногах.

Не могу передать, как тогда мне стало грустно. Наконец, когда мы вошли в зал, госпожа Камурес встретила нас на ногах. В связи с болезнью она похудела, побледнела, потускнели красивые глаза. Однако голос еще был нежным и ласковым. После короткой беседы Камурес-ханум, обратившись ко мне:

– Ах, ах! Вы не Лейла-ханум, племянница госпожи Пейвесте?

– Да, госпожа.

Не могу объяснить, как счастлива была она, узнав меня. Я в детстве видала госпожу, но после стольких лет узнать меня, вспомнить меня, заслуживает удивления. Это свидетельство тому, что, несмотря на возраст, память у нее еще крепкая.

– Очень приятно мне, ваша тетя очень милая женщина, она одна из тех, кого я постоянно вспоминаю добрым словом, передайте ей привет, мне будет очень приятно.

– С удовольствием, – сказала я.

Затем госпожа вновь обратилась к моей сударыне, немного еще побеседовали. Наконец, пожелав главной госпоже здоровья и выздоровления от Бога, мы ушли. Спустя 10 дней после нашего посещения нам сообщили о ее смерти. Царство ей Небесное.

Сабиха султан и ее поклонники

Из членов династии Сабиха султан – дочь моей госпожи Назикеды – была самой красивой султаншей. Число желающих такую красивую султаншу не доходило до столпотворения, но в сравнении с другими султаншами, их у нее было относительно много. Кто только ни хотел эту божественно красивую султаншу. Иранский шах Ахмед Качар официально заявил об этом. Однако ее отец, Его Величество сказал:

– Какой из шиитских государей свою дочь отдал бы иранскому государю? – И отказал ему.

Затем однажды моя тетя Пейвесте-ханум вместе с Сазкяр-ханум пришли навещать Ее Величество мою госпожу. На этой встрече я была по велению моей государыни.

Сазкяр-ханум свой разговор начала так:

– Моя милая, дочка ваша Сабиха султан уже взрослая, как раз в возрасте, когда замуж надо выходить, и просящих ее руку очень много, однако мы знаем, что Его Величество ищет почитаемого в государстве зятя. До сих пор мы еще не слышали, что кто-то кого-то выбрал в зятя, и мы тоже, набрав смелости, к вам пришли.

Естественно, уже была ясна цель этого визита.

Госпожа:

– В ваших словах кроется много секретов. Если у вас есть какой-либо кандидат в зятя, скажите, мы тоже будем знать.

Сазкьяр-ханум:

– Есть, правда об этом нашем визите ему ничего неизвестно, но если даже узнает, он только обрадуется этому.

Госпожа заинтересованно спросила:

– Кто этот человек?

Сазкьяр-ханум:

– Он из нашей семьи, герой Рауф бей.

Госпожа удивленно и радостно:

– И я слышала, что он очень достойный герой, ваше предложение очень приятное, надо подумать.

Тетя тогда вытащила из маленькой атласной сумочки фотографию и дала госпоже.

– Это одна из фотографий Рауф бея, – и продолжила дальше: – Сам он симпатичный, добрый, воспитанный, уважаемый человек. И готов всегда за падишаха отдать жизнь.

Ее Величество госпожа была еще больше рада, и обратилась ко мне:

– Помилуй, Аллах! Моя Лейла, моей девочке надо показать портрет Рауф бея.

Сразу мы спустились в комнату Сабихи султан. Она с главной придворной дамой мадам Бурундуковой играла на пианино. Как только мы вошли, они сразу поднялись и поздоровались с госпожой.

Госпожа дочке:

– Иди, моя милая, мне нужно с тобой поговорить, – и показала ей на диван.

Они пошли и сели там. Как раз в то время и мадам Бурундукова решила выйти из комнаты, госпожа рукою нам велела не выходить.

– Девочка моя, раньше нашего господина я должна с тобой о чем-то поговорить, – начав этими словами, улыбаясь, продолжила дальше.

– Очень важный и серьезный один вопрос хочу с тобой обсудить я, ибо каждая молодая султанша должна пройти этот путь.

Сабиха султан, видимо поняла, о чем идет речь, и лицо ее покраснело.

Госпожа:

– Сегодня в гарем покойного султана Абдулгамид-хана Пейвесте- и Сазкьар-ханумы пришли, и, по-моему, они сделали очень приятное предложение. Сказав это, она фотографию, которую держала в руках, передала султанше. Взяв фотографию в руки, Сабиха султан вся покраснела.

– Боже мой, мамочка, кто же это такой, – пробормотала она.

– Герой, Рауф бей, он пока еще не знает, что назван кандидатом в зятья, однако, что обрадуется, узнав об этом, ясно. Естественно, это фото я покажу господину тоже, однако с сего времени я должна знать твое мнение.

Сабиха султан, стесняясь:

– Что-нибудь о нем тебе известно?

Госпожа опять отвечает:

– Конечно, мое дитя, Рауф бей близкий родственник Сазкьар и Бехиче, и абхазец. Мое мнение об абхазах ты знаешь...

Ах! В тот миг наша красивая султанша отдалась красивым мечтаниям. Очень симпатичный

Рауф в тот же вечер со стороны Его Величества был назван кандидатом в зятя. Но кто с ним на эту тему будет говорить? Сазкьяр-ханум не могла бы этого сделать. Нашли удобным кому-то более близкому ему пойти и сказать. Между тем госпожа свою старшую дочь Ульвиа султан позвала и все ей объяснила. Ульвиа султан предложила сходить к супругу Исмаил Хаки бею, чтобы он поговорил с Рауф беем. Госпожа, обрадовавшись:

– Пусть будет Бог милостив к тебе всегда, мы тоже думали, кого послать.

И Исмаил Хаки бей с поручением был послан к Рауф бею. Вечером того же дня, когда мы с нетерпением ждали ответа от встречи, пришел ответ:

– Очень печально, но, к сожалению, вежливо отказался.

Все огорчены, однако, Рауф бей очень деликатно отказал. Огорчение наше было не долгое, ибо много кандидатов в зятя стояли в очереди у ворот.

* * *

После Рауфа Его Величество среди кандидатов в зятя назвал главного секретаря Лондонского посольства Мехмед Али бея. Сразу же фотографию через госпожу доставили Сабихе султан. Сабиха султан очень внимательно рассмотрела фотографию Мехмед Али бея и, наконец, согласилась выйти замуж за него.

Его Величество в связи с этим сразу же сообщил своему первому зятю Исмаил Хаки бею и поручил ему Мехмед Али бею написать письмо и в удобной форме объяснить ему суть дела.

Бедняга Исмаил Хаки бей, выполняя поручение, написал письмо. А между тем прошли недели, прошли месяцы, однако от главного секретаря посольства нет никаких сообщений. Дворец весь волнуется, Шемсинур-ханум снова начала говорить:

– Боже мой, это что за наглое поведение. Наш Великий господин изволит указать, а господин главный секретарь не может прислать ответа. Боже мой, еще какие дни нас ждут?

Она была права. Очень красиво говорила. Но потом раскрылась истина, которую никто еще не знал. Бедняга человек, он был болен, и в связи с этим, стесняясь, он не мог написать ответ. Однако, нам откуда было знать все это. При таком положении он тоже был отклонен.

Между тем, однажды жена наследника престола Абдулмеджида, главная госпожа Шехсувар пришла навестить Ее Величество госпожу. Она начала так:

– Сударыня, Ваше Величество! Я сюда пришла, чтобы поговорить с вами на одну очень серьезную тему. Наш любимый господин, мой Фарук влюблен в вашу дочку Сабиху султан. Прежде чем поговорить с Его Величеством, я решила встретиться с вами. Конечно, мой милый сын придет во дворец и Его Величеству откроется, расскажет об этом и попросит у него султаншу. Однако, если он окажется в невероятном состоянии, в случае, если его желание будет отвергнуто, клянется, что жизнь покончит самоубийством.

Все мы удивились. У госпожи глаза раскрылись, как камушки для гадания:

– Боже, упаси, госпожа, о чем вы говорите? Кто слышал, чтобы дети двоих двоюродных братьев

поженились. Более того, в османской династии Боже, упаси, никак нет. Если господин об этом услышит, категорически откажет.

Шехсувар начала плакать.

– Ах, мой сын покончит с собой. Милая, что будет, если мы поинтересуемся мнением Сабихи султан на этот счет, – стала она настаивать.

Ее Величество госпожа:

– Госпожа, прошу вас, не плачьте, дайте мне повидаться с моей дочкой, и обо всем вам сообщу, – сказала она.

Шехсувар-ханум поднялась, полные слез глаза и, попрощавшись, ушла. По прошествии нескольких дней, наследник Абдулмеджид Ефенди, придя к Его Величеству, попросил Сабиху для Фарука Ефенди. Его Величество вначале решил не принять предложение, но когда Абдулмеджид Ефенди стал настаивать, решающее слово оставили за Сабихой султан. Как ни странно, красotka-султан, не думая долго, согласилась на предложение стать женой Фарука Ефенди. Весь дворец всполошился.

Пожилые служанки все в один голос:

– Нет, нет, между ними были какие-то любовные интриги, не то, как может быть такое бракосочетание, – говорили они.

В этом вопросе кроется один секрет, который еще никто не знал. И это то, что Сабиха султан была влюблена в кого-то, за которого нельзя было выходить замуж. В конечном итоге Сабиха султан не любила ни Фарука Ефенди и никого другого. Она любила только своего двоюродного брата, сына тети по отцу Сами бей.

Эпическая любовь Сабихи султан

До сих пор многие люди, которые рассказывали об этой любви, все время объясняли ошибочно. В связи с этим люди выдавали небылицы, сплетни и тем самым оскорбляли красавицу султаншу. Самой распространенной была сплетня о любви Сабихи султан к Мустафе Кемаль паше. Эти разговоры на самом деле являлись плодом фантазии. Есть только одна истина. И эта истина заключается в том, что Мустафа Кемаль обратился к Его Величеству и попросил у него Сабиху султан. Однако ни падишах, ни Сабиха султан это предложение не приняли.

Прежде, чем начать рассказывать в кого была влюблена Сабиха султан.

Сами бей был единственным сыном Медихи султан. Сам он был очень симпатичным, благородным, хорошим человеком. Единственный его недостаток, это его неизмеримо сильное увлечение женщинами. Рассказывали, что в его молодости очень многие женщины делили с ним жизнь, в связи с этим он пережил многие приключения.

Первое бракосочетание он совершил с Девлетхан-ханум, с черкешенкой убыхского происхождения из Бандырмы, которая в то время была служанкой во дворце Балталимана. Затем он увлекался ее сестрой Дилбесте, был близок с ней, но он на ней не женился. Потом увлекся еще одной дворцовой девушкой по имени Дилнигар. Кроме черкесских девушек он увлекался еще и другими – не мусульманками. Распутство Сами бея очень хорошо знали дворцовые люди, поэтому все это скрывали от Сабихи султан. Однако однажды Сами бей увидел Са-

биху султан в Илдыз парке и влюбился в нее. Своей матери Медихе султан он рассказал о своей любви к дочке дяди со стороны матери, однако Медиха султан была категорически против этого брака.

– Нельзя никоим образом, ты женат, у тебя дети. Девушка, в которую ты влюбился, султан, если бы она была наложницей, тогда да, но на сегодня она дочь государя, принцесса государства. Такое бракосочетание невозможно, – сказала она.

Сами бей расстроился, но не перестал любить, не отказался от любимой. Однажды его первая жена Девлетхан-ханум пришла ко мне во дворец со слезами и стала мне говорить:

– Вы, человек, которому я доверяю, вы, женщина, которую я люблю и почитаю, как родную сестру. Господин моей жизни Сами бей потерял рассудок, влюблен в младшую дочку Его Величества госпожу Сабиху. Прошу вас, я не смогла госпоже это рассказать, вы скажите ей, пусть она опередит события, станет преградой.

Растерялась я, что сказать, как среагировать, ничего не соображала. Безо всякого обдумывания:

– Госпоже Сабихе что-либо известно по поводу этой любви? – спросила я.

Девлетхан-ханум, невежественно заданный мною вопрос полностью вобрав в себя, начала громко рыдать.

– Боже мой, Лейла-ханумушка, конечно знает, султанша тоже влюблена, – говорит.

Как я пожалела эту несчастную женщину, передать не могу. Хотя после этого прошло столько времени, но как только вспомню этот случай, глаза наполняются слезами.

– Вы не расстраивайтесь, я с госпожой поговорю и вам тоже сообщу о нашем разговоре, – сказала я, и если даже этого было немного, но Девлетхан-ханум успокоилась.

Потом я пошла к госпоже и поговорила с ней.

Госпожа:

– Доченька моя, милая Лейла, я об этом давно знаю, однако хорошо, что и вам это стало известно. Так я устала, давно думаю над тем, как оказать сопротивление этой любви?

В этот миг объяснить мое состояние я бессильна. Значит, выходит то, что никто во дворце не замечал, заметила госпожа. В целом дворце, где столько хитрых женщин, увлекающихся сплетнями, она оказалась хитрее этих женщин, и, не давая этому пожару разрастись, она старается его потушить. В прошлом Сабиха султан свою тетю частенько навещала. Но после того, как обнародовалась любовь Сами бея, госпожа запретила эти визиты. После того, как прекратились визиты, началась секретная переписка. Однажды служанка Меджиде в одном из шкафов маленького салона нашла письмо. Она тут же показала его госпоже. Все мы очень удивились, потому что письмо было от Сами бея, и было любовным письмом в полном смысле этого слова. Он писал в этом письме:

«В чем же я провинился, что лишили меня видеть ваше красивое лицо. Сердце мое не выдерживает уже эту печаль. Приходи ко мне, моя царевна султанша, сними мою душевную боль».

Стихотворно лирически написанное это письмо Ее Величество госпожа сразу сожгла и, обращаясь к Меджиде, приказала:

– Если еще раз такое письмо найдете, сразу же принесите мне, ни в коем случае не показывать никому.

Потом, собрав всю свиту, устроила допрос. Наконец выяснилось, что письма через одну придворную даму доходят до Сабихи султан. После того, как госпожа сама лично переговорила с ней, ее направили в другой гарем, к другому старшему. Теперь переписка была прекращена.

Однажды кто-то из служанок говорит нашей Меджиде:

– Султанша в день два раза поднимается на крышу Джихананнум Касры, кому-то машет платком, и с собой всегда носит бинокль.

Об этом случае мне рассказала Меджиде, я, конечно, рассказала госпоже. Госпожа:

– Ради Бога, ни в коем случае никому не раскрывай, посмотрим, кому она машет платком.

На второй день Ее Величество, госпожа Рюмейса-ханум и я в особняке Кебаб целый день прождали, простояли. Наконец, точно к концу дня, Сабиха султан поднялась на крышу Джихананнум Касры, сначала она посмотрела через бинокль, и тут же стала размахивать платком. Госпожа, сразу поднявшись на крышу, отобрала у дочки бинокль. Посмотрела в ту сторону.

– А-а, Сами бей, – она сказала.

На этот раз все, что происходило, передали Его Величеству. Государь страшно был разгневан. И это совпало по времени с тем периодом, когда Фарук Ефенди сообщил, что он влюблен в Сабиху султан. Другого выхода не было. Сабиху султан отдали Фаруку Ефенди. Таким образом вся эта ситуация разрядилась так.

Свадьба, похожая на сказку

У османских аристократов обручение и свадьба устраивались не в одно и то же время. Туда, где проводилось обручение, невеста и жених не ходили, шли туда их уполномоченные, доверенные лица. В связи с этим прежде обручили Сабиху султан и Фарука Ефенди, а затем состоялась их свадьба.

Обручение состоялось 5 декабря 1919 года в квартире Хиркан Саадет во дворце Топкапы. Обряд выполняли Шейхульислам (высшее духовное лицо), Хаидаризаде Ибрагим Ефенди. Доверенным Сабихи султан был главный писарь Али Фуад бей, а доверенным Фарука Ефенди был Омер Иавер Паша.

После обручения, 29 апреля 1920 года было определено днем свадьбы. Началась длительная подготовка, сопряженная с трудностями. Прежде всего подготовили список приглашенных, затем заказали костюмы, драгоценности.

Свадебный наряд Сабихи султан сшила мадам Каливруси, готовила ровно одну неделю. Что касается божественных туалетов Ее Величества госпожи, то их сшила мадам Фегара, и закончила за 5 дней. Мою одежду тоже приготовила мадам Фегара. Свадебное длинное платье Сабихи султан было приготовлено из белого шелкового материала. На голову она надела очень красивую корону из алмазных камней, а сзади к короне она приколола длинную широкую белую тюлевую фату, достигающую до пола. На шею надела эмблему династии, а на грудь повесила орден Абдул-Меджида первой степени. Она выглядела так красиво, что словами это объяснить невозможно. Что же касается костю-

ма Ее Величества госпожи, то это длинное платье с тренем – шикарный туалет, который был сшит из темно-синего шелкового материала. На грудь она повесила орден Абдул-Меджида первой степени и знаки милосердия. На ней других драгоценностей не было. Иначе выглядела мать Фарука Ефенди – госпожа Шехсувар. Нельзя было сосчитать сколько золота повесила она на грудь. Самым простым был наряд Ульвие султан. Она надела длинное белое платье из шелковой ткани, знак династии и орден Абдул-Меджида первой степени. У меня было длинное платье из белой шелковой ткани, маленькое декольте. Из драгоценностей я одела только кольцо из алмазных камней, которое мне подарил отец и орден Абдул-Меджида третьей степени. Свадебное торжество состоялось во дворце Ее Величества госпожи, т.е. во Дворце торжеств. Все салоны, залы и комнаты были красиво украшены, для гостей диваны, кресла были везде расставлены. Отдельно были приготовлены изысканные блюда, различные сладости, фруктовыми соками в больших золотых сосудах угощали женщин. Боже ты, мой! Народу было – столпотворение! Все комнаты были так переполнены гостями, что не вмещались. Когда Ее Величество госпожа с верхнего этажа спустилась вниз к гостям, женщины, открывая дорогу, наклоняясь до пола, здоровались с ней. И мы, придворные дамы, тут же шли сзади госпожи, держали подол платья. Госпожу нашу мы сопровождали до салона. Потом Сабиха султан в шикарном свадебном наряде вышла из своей комнаты, с почестями зашла туда, где находилась ее мама и поцеловала ей руку. Глаза госпожи наполнились слезами, она

была готова заплакать, однако, взяв себя в руки, поцеловала дочку в лоб.

– Пусть Бог сделает тебя вечно счастливой, – сказала она.

Как раз в это время торжественно вошла Шехсувар-ханум и поздоровалась с госпожой. За ней вошли остальные жены Абдулмеджида Ефенди и поздоровались с госпожой.

Сабиха султан поцеловала руку своей свекрови Шехсувар-ханум. Чуть позже оставшиеся жены Его Величества соизволили прибыть на свадьбу. Госпожи Мюведдет и Невваре почтительно зашли в комнату, где находилась госпожа, поздоровались с ней. Потом они пошли, заняли свои места и стали смотреть на праздник. Сабиха султан деликатно подошла и поцеловала руки своим тетушкам (женам отца) и обнялась с госпожой Мюведдет, у которой глаза были наполнены слезами. Ульвие и Сабиха из всех жен их отца только Мюведдет-ханум любили и только ей доверяли. После того, как Сабиха султан встретилась со всеми женщинами, с которыми она должна была встретиться и получила от них все почести, началась «церемония под руку». Эта церемония – старая дворцовая традиция, и ее проводят только на свадьбах султанок.

Невеста сидит на большом диване, напоминающем трон, и ждет появления жениха. Жених в сопровождении старшего в гареме заходит в комнату, в которой находится невеста. Жених сразу деликатно просит невесту подняться, однако невеста иногда не поднималась и вынуждала упрашивать ее. Эта церемония применялась на всех свадьбах, проводимых во дворце.

Сабиха султан, сидя на троне, ждала. Наконец, Фарук Ефенди, торжественно подойдя к невесте, попросил ее встать и взять его под руку. Сабиха султан, не вынуждая будущего мужа себя долго упрашивать, берет его под руку. Вместе выйдя из комнаты, пошли на верхний этаж в салон торжеств. Здесь они сели на красивый трон, приготовленный в салоне. Все гости, подходя к этому трону, по очереди поздравляли жениха и невесту и молились за них. Приблизительно, после полудня проведения этой церемонии сообщили, что Его Величество и Абдулмеджид Ефенди возвратились во дворец. Сабиха султан под руку с Фаруком Ефенди прошли в комнату, где находились господа, и поцеловали им руки. Наконец, сообщили, что повозка готова, после того, как молодые поцеловали руки своим матерям, все вместе во главе с госпожой Ее Величеством вышли из дворца. При выходе дворцовый оркестр стал играть марш и казначеи начали разбрасывать золото. В процессе этих помпезных поздравлений Сабиха султан и Фарук Ефенди садятся в повозку. За ними Абдулмеджид Ефенди и его жены сели в повозки и поехали. Разбросанное золото собирали нарасхват. Госпожа и другие женщины в сопровождении нас, придворных дам и прислуги, возвращались назад во дворец, как вдруг грянул гром и очень скоро хлынул дождь. Я никогда не забуду слова, которые в тот момент произнес один из казначеев:

– Ах, это значит несчастье, над новобрачными опустились черные тучи.

После замужества Сабиха султан стала жить в Нишанташи во дворце, предназначенном для нее.

Бракосочетание нашей красавицы султан и Фарука Ефенди, насколько я знаю, было счастливое и удачное. Однако в чужих странах насколько это счастье продолжилось и насколько они остались привязанными друг к другу, я, естественно, не знаю.

В 1921 году Сабиха султан во дворце Нишанташи родила девочку, ее имя Неслишах. Неслишах очень симпатичной и красивой султаншей была. Этот птенчик впоследствии стала свидетельницей самых злостных дней нашего государства и в малом возрасте подвергнута была ссылке.

(Неслишах-султан в 1940 году вышла замуж за наследника престола Египта, принца Мухаммеда Абдель, и в 1951 году, в связи с восхождением на трон ее супруга, стала королевой, в истории известна как последняя королева Египта).

Султан Мехмед Вахидеддин-хан

Его Величество, последний сын покойного султана Абдулмеджид-хана. В связи с тем, что о его отце очень много известно, я не буду касаться тонких подробностей жизни покойного правителя, однако рассказать о его благословенной матери, госпоже Гюлисте, считаю полезным.

Его Величество султан Вахидеддин-хан родился 2 февраля 1861 года во дворце Долмабахче.

Мать его госпожа Гюлиста, когда родился наш Ефенди, была одна из жен султана Абдулмеджид хана, носила «титул» наложницы, но в последую-

щем, после смерти одной из соперниц, она получила повышение до IV госпожи.

Ссылаясь на объяснения Шемсинур-ханум, госпожа Гюлиста была абхазкой и принадлежала к династии Чачба. Высокого роста, кареглазая, волосы светло-каштанового цвета, белокожая – была очень красивой женщиной. Но была очень чувствительной. Вся ее жизнь прошла в болезнях, и она рано умерла, в 1865 году.

Когда наш господин потерял свою мать, ему было только четыре года и не было еще одного года, когда скончался его отец – султан Абдулмеджид-хан – 25 июня 1861 года.

К сожалению, Его Величество в очень маленьком возрасте остался без никого. По традициям дворца, Вахидеддин Ефенди отвезли к Шайесте-ханум, одной из тетушек-воспитательниц (одна из жен отца). А старшую сестру его Медиху султан отдали другой тетушке. Таким образом, родные брат и сестра воспитывались у разных мачех.

В связи с тем, что у Вахидеддина Ефенди в молодые годы не совсем хорошо складывалась жизнь с мачехой Шайесте-ханум, с 17 лет он начал жить во дворце Фериа.

Жизнь его во дворце Фериа длилась до 1897 г. В связи с тем, что там сгорела квартира, в которой он жил, он был вынужден переселиться в нововыстроенный дворец в Ченгелкёе. Затем, годами живя во дворце в Ченгелкёе, Вахидеддин Ефенди, после смерти старшего брата султана Решад-хана, в 1918 году стал правителем страны.

Госпожа Шайесте-ханум, мачеха его величества

В связи со смертью госпожи Гюлисты, по традициям двора, одной из жен султана Абдулмеджид-хана, наложнице Шайесте-ханум, отдали Вахидеддина Ефенди. Рассказывали, что до конца своей жизни он очень плохо жил с мачехой. Почему наш Ефенди постоянно с мачехой находился в споре, в раздоре, Ее Величество госпожа однажды мне рассказала.

Отношения матери нашего дорогого Ефенди с Шайесте-ханум еще при жизни покойного султана Абдулмеджид-хана всегда были напряженными.

Как объясняет покойная Рахидиль-ханум, Шайесте принадлежала одной знатной черкесской семье и в очень молодом возрасте потеряла родителей. В связи с этим печальным событием, Шайесте-ханум отдала на попечение во дворец родственница, которая служила там. Однако Шайесте была очень вспыльчивая, неуживчивая и непослушная молодая девочка, и ей очень было трудно привыкнуть к гаремной жизни. Однажды на одном из увеселительных мероприятий, которые проводились во дворце Долмабахче, Шайесте с подругами вместе танцевала свои народные танцы, падишах ее заметил, и она ему понравилась. Султан Абдулмеджид-хан сразу позвал девочку к себе, но чтобы не дать почву сплетням, вместе с Шайесте еще пригласил нескольких дворцовых девочек. Четыре молодые девочки, возбужденные чрезмерно, вошли в зал государя. Главный учитель девочек представил. Услышав свои имена, девочки, наклонившись до пола, поздоровались, а Шайесте поздоровалась

слегка по-европейски. Заметив это, главный учитель подбежал к девочке и говорит:

– Боже мой, что ты делаешь, ты у Его Величества, должна была наклониться до пола.

Но девочка очень спокойно ответила так:

– Если он государь, я тоже дочь государя, мое приветствие достаточно показывает мое уважение к господину.

В тот миг учитель почти потерял сознание. Однако султан Абдулмеджид-хан, закончив эту встречу, направился прямо к девочке.

– Ты очень смелая девочка, что ты знатная видно из твоих действий и манеры держаться, – сказал он это Шайесте-ханум и взял ее в жены.

Прожившая дольше всех из его жен с покойным султаном Абдулмеджид-ханом, она была аристократкой со вкусом к жизни. Одевалась она типично по-европейски, в основном, предпочитала английскую моду. Ее свекровь о Шайесте-ханум отзывалась так:

– Она была одной из самых аристократичных женщин, которых я видела в жизни. Однако она была очень гордой и высокомерной. Она очень хвалила свою семью, гордилась происхождением. Из членов своей семьи она многих устроила во дворец. Даже при первом бракосочетании покойного Кабасакала Мехмет Паши с султаншей, посредницей была Шайесте-ханум.

Свита султана Вахидедди-хана

Свита султана Вахидеддин-хана была очень большая. Как говорят, у Его Величества не было

большого гарема, можно всех их было посчитать по пальцам. Но после того, как он стал падишахом, свита его стала многочисленной, я лично знала 37 человек, казначеев. Главой их была главная учительница-казначей. Она была женщина пожилого возраста. Насколько я помню, за несколько недель до высылки правителя, она скончалась. После этого Дженаниат-ханум заняла ее место, но не успела она много прослужить, как правителя сослали, и ее служба завершилась. С горечью несказанной, об этом случае я позже расскажу.

Самым последним и самым молодым казначеем Его Величества была Рухсаре, сестра моей невестки Есмехан-ханум. Рухсаре младше меня на несколько лет, была божественно красивая девочка. Сама высокого роста, с длинными черными косами, голубоглазая, белокожая, приятная девочка. Отец ее Ейюп бей Гечба умер от туберкулеза, а мать Аише Гюльтен-ханум через год после прихода во дворец умерла. Когда вокруг не осталось никого из родителей, мой старший брат и невестка бедную девочку взяли к себе, однако Рухсаре не хотела кого-то утруждать. В связи с этим она говорит сестре:

– Нельзя ли сестричка моя, сказать Лейле-ханум, пусть меня возьмет во дворец. Здесь я вас только утруждаю, во дворце я буду жить красиво и спокойно. Таким образом, я буду служить и господину, скажи ей, я тебя прошу.

Наконец, однажды, ко мне во дворец пришла моя невестка и сказала мне об этом, и я тоже ответила так:

– Можно, но прежде всего, я спрошу у госпожи, если она согласна, то ворота дворца будут открыты.

Я спросила об этом у Ее Величества госпожи, благородная царица очень нежно мне сказала:

– Можно, можно, пусть приходит, я очень буду рада. Через несколько дней после этого Рухсаре оперативно была взята во дворец и принята была Ее Величеством. В ее обязанности вменили слушать у Шемсинур-ханум. Поскольку Рухсаре была умной девушкой, она очень быстро освоила традиции и привычки дворца и удостоилась уважения госпожи.

В летние месяцы 1921 года, когда я с Рухсаре гуляла в парке дворца, Его Величество заметил нас и спросил казначея, который был около него:

– Кто эта девочка, которая вместе с Гюлефшан? (После прихода во дворец Лейлы-ханум, султан Вахидеддин-хан от того, что у нее волосы были красные, дал ей это имя и так обращался к ней).

Казначей в ответ:

– Господин, это ваша наложница Рухсаре, ученица служанки Шемсинур, учительницы главной госпожи.

– Попросите, пусть подойдут, – приказал господин.

Через некоторое время казначей подошел к нам и передал приказ Его Величества. Взволнованные и удивленные мы подошли к нему.

Как только вошли мы в комнату, где находился господин, я, наклонившись до пола, поздоровалась с ним. Рухсаре собралась повторить то же самое, но Его Величество не разрешил ей.

– Не надо, – говорит ей, и глазами начал рассматривать, изучать Рухсаре.

Затем не последовало никакого длинного разговора, и мы ушли от его особы, как и пришли.

Вечером следующего дня ко мне в комнату пришла учительница-казначей и говорит, что Его Величество Рухсаре берет в прислуги, и что ее обязали девочку перевести на новую квартиру. Я была очень рада этому. Побежала бегом и позвала Рухсаре, и госпоже рассказала все, что случилось. Рухсаре счастливая, довольная, в ту же ночь переселилась на новую квартиру. После этого она стала женщиной, удостоенной почета и уважения. Невестка моя Есмехан-ханум, услышав эту приятную новость, пришла ко мне:

– Дай Бог тебе счастья, Лейла, не было бы тебя, девочка осталась бы на пустом месте, – сказав, молилась она.

Рухсаре стала одной из преданных служанок нашего господина. До конца своей жизни она готова была служить нашему государю. Однако судьба ее сложилась очень горько и печально. Из-за событий, которые происходили в те годы, Рухсаре-ханум духовно и физически разрушилась. В молодом возрасте жизнь, очень тяжелой оплеухой ударив, уничтожила ее. Позже я это тоже расскажу.

* * *

От главной учительницы до служанок государя вся свита состояла из пожилых, опытных, очень благородных и сердечных женщин. Особенно, главная учительница-казначей со всеми обращалась очень добропорядочно. Все печати султанского гарема были у нее. После того, как Ее Величество госпожа давала распоряжения, она ни в какое дело не вмешивалась, однако была внимательна к порядку и аккуратности. Самая последняя из глав-

ных казначеев и учительниц Дженаниар-ханум, когда сослали государя, уехала в другие страны и до смерти господина оставалась в Сан-Ремо.

Как передавала об этом госпожа, одной из достойных казначеев была Алемефсун-ханум. Она – одна из жен султана Абдулгамид-хана II. Она великолепно говорила на французском языке, необыкновенно играла на пианино, переводила французских дипломатов, которые приходили во дворец. Между тем английский перевод во дворце делала Пакизе-ханум.

Несчастную Алемефсун, как и остальных, оставшихся во дворце после высылки государя, полиция выдворила на улицу. Она не вынесла грубости и жестокости, которые были проявлены к ней, расстроившись, заболела и умерла 11 марта 1924 года. Близкие родственники организовали ее похороны, покоится она на кладбище в Гебзе. Пухом ей земля.

Другой была Вердиназ-ханум. После высылки Его Величества, в связи с тем, что она не имела своего места жительства, близкого человека или родственника, она остановилась во дворце Долмабахче и стала жить там. Когда оттуда выдворяли женщин, она обратилась к одному капитану с просьбой:

– Прошу вас, отправьте меня к нашему господину, – и стала плакать.

Но человек даже слушать не стал бедняжку-женщину. Как и всех остальных, Вердиназ-ханум выдворили на улицу. Потом она приютилась у подруги Гонджанигар. Однако в связи со смертью Гонджанигар в 1926 году от туберкулеза, бедняжка Вердиназ осталась одна. У нее появились симпто-

мы нарушения психики, она сожгла дом. Спасать побежали соседи, но саму ее спасти не смогли. И Вердиназ, таким образом, умерла, сгорев.

Есть еще много женщин из дворца, кроме слуг господина, ставших жертвой горьких случаев. Описав все это, можно составить солидную книжку.

Другая служанка Его Величества Рахидиль-ханум, хорошо знавшая свое дело, была самой пожилой женщиной Илдыз дворца.

Эта женщина и для нашей госпожи, и для Ульвие-ханум, и для Сабихи-ханум была нянькой. Родилась она в 1840 году. Она была свидетельницей очень многих исторических событий. Нам, молодым придворным, постоянно она рассказывала о старом времени и обязательно восхваляла период султанов Меджида и Азиза. Очень красиво и образно разговаривала, никогда никого не унижала. Несмотря на возраст, память у нее была великолепной. Она жила последние годы полной жизнью, и смерть ее произошла после 1925 года, но ранее 1930 года.

Сестра его величества Медиха султан

Медиха султан, старшая на несколько лет сестра Его Величества, родившаяся от той же матери. Она была среднего роста и смуглая. Лицом она полностью была похожа на покойного султана Абдулмеджид-хана. Она была не очень красивой султан, однако, глаза у нее манящие и чарующие. Когда она приходила во дворец Ее Величество госпожа только Медиху султан встречала, вместе с

ней пила кофе. И ужинала вместе с ней. Медиха султан из жен господина только Ее Величество госпожу любила и доверяла ей. Других жен своего брата-государя она не любила, даже в официальные дни видетсья и общаться с ними не хотела. Медиху султан в 1879 году выдали замуж за Неджипа пашу. Сделал это ее старший брат, покойный султан Абдулгамид-хан II. Счастливый брак прервался неожиданно болезнью, затем смертью Неджипа паши в 1885 году. Медиха султан по второму разу вышла замуж за Ферида пашу. В первом замужестве Медиха султан родила сына и этот сын – Сами бей. Я часто видела его во дворце. А супругу его Девлетхан-ханум я еще ближе знала и чаще видела. Ибо она была черкешенкой из Бандырмы, а покойная ее тетя Емель-ханум – мать моей задушевной подруги Дильбер.

Медихе султан, после того, как она вышла замуж за Ферида пашу, падишах подарил дворец в Балталимане, и пока они не покинули родину, жили в этом красивом дворце на побережье.

Исходя из объяснения свидетелей, Медиха султан до второго замужества была против западной моды, была женщиной, которая не одевалась в европейском стиле. Однако после бракосочетания с Феридом пашой она полностью поменялась. Медиха султан, которую я знала и видела постоянно, стала одеваться на французский манер, говорить по-французски, она восторгалась английскими традициями и манерами. Однажды, никогда не забуду, госпожа Медиха султан и Ее Величество сидят в салоне, Рюмейса, Байла и я – за столом, их сопровождаем. Вдруг Медиха султан говорит:

– Ой, уже пять часов, время чаепития.

Мы удивленно застыли, глядя друг на друга. Потом чай принесли госпоже султан, и в знак приличия госпожа Ее Величество тоже выпила чай. Медиха султан обычно пила чай с молоком. А госпоже не доставлял удовольствия чай с молоком.

Медиха султан отличалась приятной речью и веселым настроением. Никогда она ни на кого не сердилась, никого не оскорбляла, с каждым обращалась очень мило. Особенно часто смеялась, хохотала. Когда она приходила во дворец, она рассказывала интересные вещи, чтобы нас рассмешить, когда она начинала хохотать, и мы начинали смеяться так, что наши голоса были слышны на улице. Однажды, когда Его Величество гулял по саду, он услышал наш хохот:

– Наша сестра пришла. Их скоро будет слышно вокруг дворца, – сказал он и улыбнулся.

Зять Ферид паша

Второй супруг Медихи ханум был безнравственным человеком. Он относился к тем чиновникам, которые приносили государству и народу вред. Так как паша всегда был сторонником Англии, подписанные им документы свидетельствовали о том, что наши земли по частям продавались Европе. Это очень печальное явление. После изменников и предателей Енвера, Джемала и Талата, разваливших наше государство, появление визирем такого чиновника, как Ферид заслуживало удивления.

Ферид паша не любил старые нравы и традиции дворца. Когда он вместе с Медихой султан приходил во дворец Илдыз, то во всем находил какие-то недостатки, нигде ничего ему не нравилось. Паша кроме жалоб ничего другого не знал, одно и то же сотни раз мог повторять. Однажды, думаю, что это было летом 1919 года, Ее Величество госпожа, Медиха султан, Ферид паша, Рюмейса-ханум и я гуляли по Илдыз парку, вдруг паша взял за локоть Рюмейсу-ханум и сказал:

– Пожалуйста, немного погуляем.

Рюмейса-ханум растерянно вызволила руку.

– Боже мой, господин, что вы делаете? – говорит она.

Мы не поняли, что произошло. Ее Величество госпожа после этого случая не захотела еще раз видеть Ферид папу и, действительно, больше ни разу его не видела.

Не было ни одной женщины, из находившихся во дворце, которая любила бы Ферид папу, по всей вероятности, в народе тоже не было у него авторитета.

Ферид паша после того, как развалил государство, раздавил народ, так же как и неблагоприятные Енвер, Джемал и Талат, сбежал в Европу и в 1923 году умер во Франции. Как я об этом слышала впоследствии, его побег произошел следующим образом. У сына Медихи султан Сами бея в Еренкёе, близко к особняку Наджие-ханум, была очень красивая дача. Эту дачу после настоятельных просьб Ферид паши, Сами бей продал. И все деньги тоже полностью отдали отчиму – Фериду паше.

Ферид паша с этими деньгами, взяв к себе одного из взрослых сыновей Сами бея, уехал в Герма-

нию, в городе Карлсбад проводили время – кутили, гуляли. Затем паша вернулся в Стамбул и увидел ненависть народа к себе. Каждый день со всех кораблей и лодок, которые проходили вдоль дворца Балталимана, кричали:

– Будь проклят зять Ферид!

Поняв, что он в опасности, Ферид паша решил устроить побег, как делали это другие предатели. Он обратился за помощью к англичанам, которым долгие годы доверял. Естественно, англичане любезно оказали Фериду паше помощь и, тайно посадив его в поезд, проводили. Супруга Медиха султан оставить мужа одного не захотела, она тоже уехала вместе с ним. Об этих случаях не знали ни Его Величество, ни дворец. Только лишь потом в одном письме, которое было отправлено Его Величеству, Медиха султан сообщала, что она выехала в Европу для лечения. Ферид паша, который вот так просто покинул Родину, легко доказал, что он был за человек.

Через годы, когда вспоминаю этого человека, во мне просыпается чувство жалости. В общем-то, Ферид любил свою землю, однако он стал жертвой своего бесконечного восхищения англичанами. К сожалению, никому не показав подлинные свои способности, талант, всегда являясь плохим примером для других, вдали от любимой Родины, в ссылке, которую он выбрал для себя, он и прекратил свою жизнь.

Интересно, умирая, он задумался над изменой, которую совершил по отношению к нам и государству? Этот вопрос все время беспокоит мои мысли, и после написания этих строк я чувствую себя так, будто получаю ответ.

Смерть моей мамы

Мать моя Махшереф-ханум была очень чувствительной и деликатной женщиной. До конца своей жизни она постоянно была занята своими болезнями. Часто она простуживалась и несколько дней вынуждена была лежать в постели. Однажды моя старшая сестра Нурбану-ханум, придя ко мне во дворец, сообщила, что мама тяжело заболела, и мне надо пойти в особняк проведать ее. Расстроенная, я попросила разрешения у госпожи. Добросердечная госпожа сразу мне разрешила, и я с сестрой пошла в наш особняк.

С приходом в особняк я сразу пошла в комнату к матери. Когда я вошла в комнату, бедная моя мама лежала с закрытыми глазами и очень тяжело дышала. Плача, я подошла к ней и взяла ее за руку. В этот момент она пришла в себя, открыла глаза и выразительным взглядом посмотрела на меня.

– Моя красивая деточка, моя бесценная красноволосая Лейла, – сказала она.

Я начала плакать, целовать ее руки, водила ее рукой по щекам своим, по лицу. Мама, другой рукой вытирая мои слезы:

– Красивая моя дочка, ты знаешь, почему тебя зовут Лейлой? – спросила она меня. Но я была в состоянии, когда не могла ей ответить.

Мама:

– В ночь, когда родилась ты, лил сильный дождь, повсюду была кромешная тьма. Хотя горели лампы, свечи, даже огромная комната была в темноте. В момент, когда ты появилась на этот свет, вдруг в

саду сверкнула молния, в этот миг все вокруг стало светло. И вот в связи с этим, мы тебя и назвали Лейлой, – сказала она.

Я начала снова плакать, полностью потеряла себя. В комнату вошел отец, взял меня к себе, и мы вместе пошли в салон. В салоне я обняла папу. Папа, глядя мои волосы, сказал:

– Доченька, вытри слезы, не забывай, что мама твоя до сих пор все свои болезни безо всякого последствия преодолевала, с Божьего позволения, она и эту болезнь тоже переживет.

Слова отца меня немножко успокоили. Однако из глубины души я слышала голос, который кричал: «А вдруг мама умрет!». Невозможно было не сойти с ума. Моя няня меня повела в мою старую комнату и попросила успокоиться и прийти в себя. Я пошла, села на кровать и стала думать. Вдруг открылись двери, и вошла друг моей души Дильбер, я сразу бросилась в ее объятия. Выплакавши свою печаль, спросила:

– Дильбер, душа моя, что с мамой?

Дильбер:

– Что мне сказать, я не знаю.

Все внутри во мне кипело, я уже не могла оставаться в неведении.

– Скажи мне, что с ней, умоляю тебя, скажи, – сказала я.

Дильбер:

– Трое очень известных врачей пришли, осмотрели, но несмотря на то, что мы так за ней хорошо смотрим, у нее пневмония.

Тогда весь мир свалился мне на голову. Что мне сказать, как себя вести, ничего не понимала. Толь-

ко плакала. А что я еще могла сделать? До утра, плача, умоляла Бога.

На второй день я очень рано проснулась и сразу пошла в комнату к маме. Когда я вошла в комнату, она спокойно и беззвучно лежала в постели. Когда я подошла к ней, она открыла милые голубые глаза и сказала мне:

– Лейла моя, принеси мне, пожалуйста, стакан воды, у меня пересохло в горле, пить хочу.

– С удовольствием, – сказала я и собралась на нижний этаж, как заметила в салоне на столе графин, наполненный водой, и рядом стакан. Сразу наполнив стакан водой, я вернулась в комнату матери.

– Мама, я принесла тебе воду, – сказала я.

Но она не открыла закрытые глаза и не откликнулась на мое обращение. Испугавшись, я еще ближе подошла к кровати, когда я посмотрела внимательно на красивое, доброе лицо мамы, я поняла, что она ушла из этой жизни! Стакан выпал из моих рук на пол. Я почувствовала, что вся моя сила покидает мое тело. Связки в моих коленках развязались, в глазах потемнело. Я потеряла сознание. Это произошло 16.08.1920 г.

Когда я пришла в себя, то увидела, что нахожусь в постели. У моей головы на скамейке сидела Дильбер. Увидев, что я открыла глаза, с радостью обняла меня:

– Боже мой, мы решили, что ты вообще не проснешься, – сказала она.

Оказывается, я два дня лежала без сознания.

Естественно, за эти два дня давно уже организовали похороны моей мамы. В течение недель, месяцев я плакала, терзала себя. Однако, через пять

дней после смерти моей мамы я вернулась во дворец. Вообще, если бы я осталась дома, я бы не вынесла все это. Ее Величество была очень опечалена по поводу смерти моей матери. Тетя моя Пейвесте-ханум и Абдуррахим Ефенди много плакали и долго ходили в трауре.

В память души моей мамы в мечети Ортакей читали мевлид, нищим раздавали еду и питье.

Я никогда не забуду о смерти моей мамы, с грустью и печалью вспоминаю ее. Царство ей Небесное.

Свадьбы падишахов

Эту тему я нахожу очень важной, так как османский падишах в присутствии народа и государственных высших чинов не женился, и по поводу бракосочетания нигде никаких следов не оставлял. Падишах только через несколько дней после женитьбы старшему казначею отправлял письмо и сообщал о приказе, по которому он выделял оклад той, на которой женился. Таким образом, рядом с фамилиями даты, которые были указаны в книге, так было до периода султана Абдулмеджид-хана, принимались как дата бракосочетания. Однако султан Меджид-хан, искоренив это положение, многие свои бракосочетания проводил в присутствии высших госчиновников. Это вполне возможно, ибо является результатом желания приобщиться к европейским традициям. Одно из бракосочетаний в присутствии высших чиновников – брак с Пересту. И само гражданское торжество было сделано в день бракосочетания с этой

царицей. Когда султан Абдулмеджид-хан женился на первой госпоже Серветсезе, присутствовали все кавказские аристократы, среди которых был и грузинский царь, все прислали подарки. Т.е. султан Абдулмеджид-хан старые порядки бракосочетания разрушил. Все его жены принадлежали семьям высоких династий. Серветсеза госпожа была из династии черкесской. До этих времен брать девушек из аристократических семей для османской династии не было традицией. Эту традицию укрепил султан Абдулмеджид-хан.

Что касается Абдулазиз-хана, который занял трон после султана Абдулмеджид-хана, то он женился на сестре моей бабушки Дзяпш-ипа, госпоже Мелек Дюрринев, которая родила двоих детей – это шахзаде Иззедин Ефенди и Салиха султан. От того, что Абдулазиз-хан женился на нашей старшей тете госпоже Дюрринев, свадебные торжества не так были грандиозны. Однако свадьбы Азиз-хана с другими женами были гораздо торжественнее.

Свадебные церемонии султана Абдулгамида-хана II отличались простотой. Гамид-хан только один раз женился с торжественной церемонией, и это была свадьба моей двоюродной сестры Фатмы Песенд-ханум. Самую простую свадьбу он сыграл, когда женился на Салихе Наджие-ханум. В своей жизни я два раза присутствовала на свадьбах падишаха. Первая была свадьба Инджие-ханум, и вторая свадьба – Невзад-ханум. Во время свадебной церемонии Невзад-ханум я уже служила во дворце и эту церемонию хорошо помню.

До начала свадебных торжеств падишах во дворец пригласил родителей девочки. В связи с тем,

что отца Невзад-ханум Шабан бея не было в живых, оказали честь быть во дворце Илдыз ее матери Хатидже-ханум, брату Салиху бею, Несрин-ханум, которая и так служила во дворце, и еще несколькими близким родственникам. Хатидже-ханум и Невзад-ханум с любезностями принимали в расположенном в парке специальном дворце. В тот день был дан обед, а вечером было устроено торжество. На второй день рано утром, чтобы стать свидетельницами, для будущей жены государя были приглашены по одной придворной даме от других жен Его Величества. Это было традицией дворца, которая проводилась при всех бракосочетаниях падишаха. На эту свадьбу я тоже пошла как уполномоченная от моей госпожи. Уполномоченной от Мюведдет-ханум была Везминигар-ханум, полномочие от госпожи Невваре выполняла Терджан-ханум. Мы три придворные дамы в официальных нарядах прибыли во дворец ровно в 7 часов утра. Как только оказались внутри, вошли в салон, где находилась новая госпожа Невзад-ханум. На ней было шикарное длинное платье из белого шелка, на голове корона из бриллиантовых камней, на шее тоже было кольцо из бриллиантов. В этом свадебном наряде она выглядела как типичная писаная красавица, и вообще, госпожа была очень красивой девушкой. Сразу же поздоровались с ней на пороге, передали приветы и поздравления от наших госпож, госпожа ответила тем же. Между тем, Хатидже-ханум, войдя внутрь, провела нас в соседнюю комнату. Через некоторое время после того, как нас угостили, главная учительница-казначей и ее свита оказали честь и посетили дворец. Затем главный имам Его

Величества и двое гаремных старших объявили о начале торжества.

В большом зале дворца Невзад-ханум в очаровательном свадебном наряде сидела в красивом кресле. В связи с тем, что на голове у нее была белого цвета длинная и широкая фата, ее лицо было видно не совсем ясно. Как только Его Величество появился в салоне, все женщины встали, и до конца торжества никто не садился. Имам Ефенди стоял прямо напротив дивана, и первым, кто приветствовал господина, был он. Потом падишах подошел и сел на диван, и Невзад-ханум потихоньку заняла свое место около господина. Господа Анбер и Хайреддин стали с правой стороны, остались стоять на ногах. Мы, три придворные дамы, стояли на левой стороне. Главная учительница-казначей тоже стояла слева с нами.

Прежде, чем совершить обряд бракосочетания, старшие гарема, так как они являлись свидетелями, и мы, придворные дамы, уполномоченные от своих госпож, дали клятву в том, что жены Его Величества принимают новую госпожу. Теперь главная учительница-казначей, став на колени у Его Величества, предложила ему золотой ларчик и поднялась на ноги. Выражая наилучшие пожелания, она вышла из салона. Его Величество, открыв этот ларчик, достал из него золотую печать и положил в руки новой госпоже:

– Вас объявляют второй одалиской, Бог даст, будете счастливой супругой и для дворца станете достойной почета госпожой, – сказал он.

На этой печати было написано: «Счастливая II одалиска Ее Величество госпожа Невзад». Затем

Его Величество удалился из дворца со своей свитой. В этот день до самого вечера жены министров и губернаторов, визирей посещали дворец и поздравляли новую госпожу. Где-то до 8 часов вечера эти торжества продолжались. От имени Невзад-ханум стамбульским нищим раздавали пищу, и некоторым она оказала денежную помощь.

В прошлом на падишахских свадьбах невеста сидела на высоком тюфяке, который лежал на полу, а падишах сидел на диване, напоминающем трон. После передачи супруге печати она получала разрешение сидеть рядом с ним на диване. Однако эта традиция не была соблюдена ни на свадьбе Невзад-ханум, ни на свадьбе Наджие-ханум. Обе госпожи занимали место рядом с падишахом. На третий день после свадьбы Его Величество наградил Невзад-ханум Знаком нежности первой степени. Бракосочетание шахзаде тоже происходило таким же образом, однако немного проще. Печати, переданные женам, всегда были серебряными, но если шахзаде, однажды поднявшись на трон, становился государем, печать переданная господам женам, возвращалась назад, и им делали печати из золота.

Маленькая Невзад

За всю свою жизнь Его Величество наш господин пять раз был женат. Первые четыре раза он женился еще тогда, когда был шахзаде, после второй женитьбы он отделился. За исключением последней жены все его жены были кавказского происхождения. Первая – абхазка, вторая – черкешенка, тре-

тья и четвертая – тоже абхазки. В отношении последней жены ходило очень много сплетен, однако, многие из этих сплетен просто вранье, далеки от правды. Сейчас я хочу написать все, что слышала о последней жене госпоже Невзад-ханум.

Настоящее имя Невзад-ханум – Нимет. Она родилась в 1898 году в Стамбуле. Отец ее Шабан Ефенди – абхазец, был одним из садоводов покойного Абдулмеджид-хана II. Муж ее тети Хусейн бей был приближенным покойного султана Мехмед Решад-хана и был в родстве с главным гардеробщиком – Сабит беем.

Однажды Хусейн бей говорит Сабит бекю:

– Две дочери твоего покойного шурина уже несколько месяцев сидят в нашем доме, надо сделать, чтобы их взяли во дворец, и они где-то будут полезными.

Сабит бей:

– Да, да, я скажу нашему брату, пусть он это дело сделает.

Таким образом, Невзад-ханум и сестра ее Несрин, которая младше нее на два года, были взяты во дворец с помощью Невфер-ханум – казначея боснийского происхождения.

Сразу, после вхождения во дворец Невзад, ее отдали в распоряжение Джеиланиар-ханум, которая служила в квартире шахзаде Зиеддина Ефенди. И всем традициям дворца Невзад научилась у этой достойной славной женщины. Прошли годы, молодая девочка повзрослела. Скончался султан Решад-хан. В связи со смертью падишаха, по традиции, его жены, дети и свита покинули дворец, все свои места оставили новому правителю и его семье. И

Невзад-ханум, поскольку она находилась в свите Зиеддин Ефенди, ушла из Илдыз дворца. Однако через несколько дней, услышав, что для гарема Его Величества ищут молодых, она с несколькими своими подружками вернулась во дворец Илдыз.

Таким образом, оказавшись во дворце султана Вахидеддин-хана, Невзад-ханум, так как была уж очень красивой, через небольшой промежуток времени ослепила глаза Его Величества и стала его супругой. Невзад-ханум, действительно, была очень красивой женщиной. После Невваре-ханум она была второй женщиной, которая завораживала, очаровывала всех во дворце, могу сказать я. Сразу после того, как Невзад стала женой падишаха, свою сестру Несрин Садиру-ханум она сделала главной придворной дамой дома и начала жить в одном из особняков, расположенном в парке Илдыз.

Госпожа очень любила читать книги, не проявляла интерес к музыке, только в особые дни она ограничивалась слушанием сазистов – восточной лирики. Его Величество больше всех доверял этой жене, постоянно все было к ее услугам. Однако, господин наш воздержался от того, чтобы дать Невзад-ханум степень госпожи. Я не могу знать причину, но этот случай породил во дворце много сплетен. И одна из них, в которую можно поверить, была вот такой. Его Величество господин находил возможным наградить тех жен, которые рожали наследника престола или девочку султан, других жен не награждали степенью только по этой причине.

Мать Невзад-ханум Хатидже-ханум была очень добрая и благородная женщина, однако она сама

была и надменной, и двуличной, и неуживчивой, и скандальной женщиной. Самые лучшие сведения, относительно Невзад-ханум, я взяла у Мелексеиран-ханум, дорогой супруги Зиаеддина Ефенди. Рассказала мне она о некоторых чертах характера этой женщины, рассказала о многих других. Больше говорить не нахожу нужным.

Пятничные церемонии султана

В прошлые времена церемония сельамлык (пятничные намазы) традиционно проходила блестяще. Однако после султана Абдулгамид-хана II, с нарушением во дворце порядка и устройства, от торжественности церемонии, роскошности, импозантности, от огромного количества людей почти ничего не осталось.

Пятничные церемонии постоянно проводились в мечети Хамидие. Когда султан Вахидеддин-хан, уделяя внимание порядку и дисциплине, вовремя выезжал из дворца, гаремный люд выходил на полчаса раньше Его Величества, выходил на площадь мечети. Карета Ее Величества госпожи все время находился впереди, а кареты остальных госпож по порядку за ней занимали свои места. Самым последним шел экипаж главной учительницы-казначей – ее присутствие на пятничной церемонии намаза госпожи было обязательным. Госпожа Мюведдет и придворные дамы принимали участие, если они хотели. Однако, в период моего нахождения во дворце, постоянно во всех пятничных мероприятиях они были готовы принять участие.

Мы, придворные дамы, естественно, были обязаны сопровождать наших госпож, сидя вместе с ними в наряженных каретах. На пятничную церемонию госпожа надевала свой официальный роскошный туалет, на голову – корону, а на грудь – свои знаки. И мы, придворные дамы, одевались в белые длинные платья, сшитые из шелка, на грудь надевали свои знаки. Придворные дамы во дворце в официальные дни обязательно носили белую одежду, женщины, занимавшие другие должности, темно-синие или темно-бордовые костюмы. Главная учительница-казначей постоянно была в темно-красном туалете.

Затем, когда Его Величество выезжал из ворот, оркестр играл, войска начинали выкрикивать марш-приветствия. На четвертый или пятый раз, когда играли марш и приветствовали, падишах уже оказывался перед мечетью. Когда исполняли намаз, вокруг было похоже на паломничество, постелив паласы во дворе мечети, вместе с падишахом народ держал намаз. Эта церемония повторялась каждую пятницу.

С окончанием намаза служба военных подходила к концу, они тоже уходили, играя марш. Выхода господина из мечети, каждый ждал. Когда падишах выходил на улицу, его адъютанты-помощники, приветствуя его по очереди, стояли смирно.

Его Величество господин с этими господами вместе возвращался назад во дворец. Что касается наших карет, то незадолго до выхода государя из мечети, мы должны были возвращаться назад.

Рамазаны в Илдыз Сараете

За несколько недель до наступления Рамазана начиналась подготовка к нему. Специально проводилась уборка, с дворцового склада по всем домам в красивых, больших графинах раздавались sherbet, фруктовые соки.

– За десять минут до разговения – ифтара, в посудях с золотыми звездами придворные дамы приносили ароматные, изысканные блюда и передавали девушкам, которые подавали на стол, приглашали господ, а затем удалялись.

Ее Величество госпожа пост открывала вместе с Рюмейсой, Шахинде, Байлой, Шахесер и мной. Другие женщины в других домах вместе со своей свитой делали разговения.

В первую ночь Рамазана во всех домах стелились молитвенные коврики, до имсака – начала поста, все были заняты богослужениями, молитвами. Иногда придворные дамы в большой салон госпожи, который находился на нижнем этаже дворца, приводили трёх музыкантов с приятными голосами, их религиозные песни мы слушали с верхнего этажа. Ночью открывались двери, опять придворные дамы в золотой посуде приносили обед, накрывали столы. До выстрела пушек каждый ждал на ногах. После приема пищи, вместе с выстрелом пушки, весь дворец уходил на отдых.

На 15-й день Рамазана посещался дом Счастья – Ника Саадет. В связи с тем, что дом Счастья находился во дворце Топкапы, вставали рано, надевали официальные туалеты, знаки и драгоценности, потом все вместе шли. Госпожа Ее Величество в

двухместной карете ехала во главе всех, после нее другие госпожи и их свиты по очереди, выйдя из Илдыз дворца, приходили в Топкапы. В гаремном доме Топкапы нас встречали находящиеся там старые слуги и учителя, и отводили нас в комнаты, приготовленные заранее. В связи с тем, что мы, придворные дамы, постоянно находились около госпожи, первыми поздравлявшими были именно мы. Потом великие султаны, затем гаремные люди и министры, визири приходили поздравлять жен. Затем ждали открытия дома Счастья. С открытием дома шериф – главный компаньон Анбер ага приходил к нам и сообщал об этом. Госпожа вставала, и все мы вместе шли туда. В это здание Его Величество должен приходиться еще раньше. Сам он сидит на красивом троне и по очереди приветствует нас тоже. Над падишахом – священное полотенце, он целовал его и клал нам на голову, мы тоже целовали полотенце, затем, двигаясь назад, мы выходили. Естественно, госпожа постоянно находилась во главе всех событий. Мы, придворные дамы, госпожа, султан, приходили после жен шахзаде. После нас жены высших духовных лиц и других министров и визирей заходили и целовали священное полотенце. После окончания торжества снова, так же как и пришли, уходили назад в Илдыз дворец.

4. | ДАРОГА, ВЕДУЩАЯ ИЗ ДВОРЦА
часть | В ССЫЛКУ

«Почти вся империя охвачена дождем ужасных неприятностей. Я даже не хочу думать о нашей судьбе»

Из письма, которое написала княжна Лейла своей сестре (а может брату).

Отправление Мустафы Кемаль паши в Анатолию

Вслед за Балканской войной, беспокоившей наши головы, враги напали на наше красивое государство и камень на камне не оставили. Будто бы враги злобно мстили нам за свои прошлые поражения. Так жестоко и деспотично вели себя они, что даже умерщвляли детей, которые еще находились в люльках. Земли наши были окрашены кровью.

В середине этой страшной войны в одном маленьком районе, который можно назвать Анатолийской пустыней, бывший адъютант Его Величества господин Мустафа Кемаль паша организовал Великий Национальный Меджлис Турции. Если мне рассказать, как падишах отправил Мустафу Кемаля в Анатолию, а тот этим поступком воспользовался

и выступил против Его Величества, то может быть, это прольет некоторый свет на нашу историю.

Если не ошибаюсь, день был 15 мая 1919 года. Во дворце уже несколько недель царит молчание, царит какой-то застой. Будто мы начали чувствовать, что что-то может приключиться с нами, чувствовалась какая-то напряженность, что что-то очень серьезное должно произойти. Итак, за несколько дней до отправления Мустафы Кемаля в Анатолию, в каждом уголке дворца чувствовалась эта напряженность.

Его Величество господин свое решение о том, что Мустафу Кемаля посылает в Анатолию, рассказал некоторым представителям семьи, которым он доверял. Лично Сами бей категорически высказался против, и даже предложил господину отказаться от этого решения. Его Величество остался при своем твердом мнении по поводу отправки паши в Анатолию. Пашу пригласили во дворец, и он встретился с господином. И господин, передав ему приказ, велел поехать в Анатолию и освободить наши земли от врагов. В день, когда происходило это, я тоже была свидетельницей некоторых моментов.

В тот день Ее Величество госпожа, Шахесерханум и я готовились, чтобы выйти на Малта Касры.

Госпожа сказала мне:

– Лейла, вы спуститесь вниз и скажите, чтобы карету подогнали к воротам.

Я побежала сразу на нижний этаж. Когда главной прислуге Мелекнур-ханум я передала приказ госпожи, и опять по лестнице наверх поднималась, то на лестничной площадке слышала разговор двух молодых прислуг.

– Слышала, моя милая, кто-то из евнухов видел Мустафу Кемаль пашу, выходявшим из особняка Его Величества, – говорит одна. Другая же:

– Паша был у государя, по всей вероятности, секретная встреча.

Одной из моих обязанностей было сообщать госпоже о подобных сплетнях. Когда я вернулась в салон, где находилась госпожа, Шахесер-ханум в комнате не было, сразу я сообщила госпоже об услышанном.

– Боже упаси, никому ничего не говорите, служанки за короткое время это распространят во всем дворце, – сказала госпожа.

Паша действительно в этот день встретился с господином. О чем вели разговор в этой засекреченной встрече, к сожалению, точно я не знаю. Его Величество об этом никому ничего не рассказал. Только однажды вечером, когда ужинал вместе с госпожой Ее Величеством, в одно мгновение он остановился и стал думать. Госпожа это заметила и сразу спросила:

– Господин, вам ужин не понравился? Или что-то вас беспокоит?

Его Величество покачал головой и:

– Думаю о личности, на которую я возложил не то. Не закончив предложение, продолжил ужинать.

В этих словах кого он имел в виду?

Мустафа Кемаль 17 мая 1919 года секретно сел на пароход «Бандырма» и взял курс на Анатолию. Для того, чтобы в Анатолии прожить без труда, переданы были Мустафе Кемалю паше Его Величеством 8 тысяч английских стерлингов, но до прибытия паши в Самсун, где-то они моментально

исчезли. Вообще, об этих деньгах во дворце очень долгое время говорили. Некоторые говорили, что падишах Мустафе Кемалю дал 60 тысяч, некоторые – 40 тысяч. Меня, если спросить, чтобы отправить Мустафу Кемаля, из казны ни в коем случае золото ему не дали. Будучи в водовороте войны и кризисов, государь деньги сам находил с трудом. Те же 8 тысяч стерлингов, которые Его Величество господин передал Мустафе Кемалю, это были собственные деньги и дал он их из своего кармана. К сожалению, эту добропорядочность никогда никто не одобрил, и до сих пор это не получило одобрения.

Горечь и насилие

Март 1921 года был заполнен несчастьями. Для женщин, которые жили в дворцовой среде, начались дни, наполненные огорчениями, потому что такие города, как Адапазары, Измит, где проживали их родственники, были оккупированы греками, и многие семьи кавказского происхождения в этой оккупации погибли. Во дворец Илдыз каждый день приходили сообщения о смертях, и девочкам говорили: «отец, мать, брат вам желают долгой жизни». Несчастные от рыданий и слез сокрушались. А служанки, у которых никого не оставалось, и для которых единственным пристанищем был дворец, его тоже лишались.

Враги безжалостно продолжали оккупировать всю Анатолию. После исчезновения с лица земли красивых наших городов, мы, связанные по рукам и ногам, становились только свидетелями этих

горьких событий. Его Величество наш господин был не в состоянии принять никакие меры, так как англичане лишили его всего, не оставили ему поле деятельности. Если Его Величество дал бы какой-либо приказ против врагов, то тогда Стамбул сравняли бы с землей, ни в чем неповинный народ был бы уничтожен преступниками. Вообще, главнокомандующий оккупационными войсками Стамбула генерал Харрингтон нашего господина защитил от многих угроз. С другой стороны, дьяволоподобный диктатор Ллойд Георг определял только то, куда направлять грешников.

Когда смотришь из окон торжественного дворца, то перед дворцом Долмабахче видны английские корабли, стоящие на якорях. Госпожа в связи с этим совсем из окон на улицу не смотрела, и нам говорила:

– Ради Бога, затяните эти шторы, чтобы мои глаза не видели этого.

По этой причине целый день занавески были затянуты, и мы, зажигая свечи, были вынуждены освещать комнату. Не сумевшая привыкнуть к темноте, и больше всех из-за этого беспокойная была Бедид – любимая обезьянка Ее Величества госпожи. Вообще, причиной смерти этого животного стала темнота.

Османский народ с каждым днем подвергался все более тяжелым оскорблениям. Его Величество это положение огорчало очень, но сделать он ничего не мог. Единственная надежда – это героически сражавшиеся в Анатолии наши войсковые подразделения. Единственные они могли спасти нас от вражеского насилия. Мы полностью этому верили.

Развод Ульвие султан

Старшая дочь Его Величества Ульвие султан была аристократкой, очень деликатной, с хорошим характером, приятной собеседницей.

Муж ее – сын Садразама Тефик паши – Исмаил Хаки бей. Говорили о них, что они жили счастливо, однако знать суть этой жизни, естественно, было невозможно. Однажды Ульвие султан со слезами пришла к матери. Исходя из того, что она объяснила, у нее был скандал с супругом, несовместимость их осложнилась настолько, что господин даже стал спать отдельно. Госпожа очень огорчилась. Решила даже пойти к зятю и отрегулировать его отношения с дочкой. Но поскольку ситуация была серьезной, она все-таки не захотела настоятельно вмешиваться, и не вмешалась ни в какие их дела. Между тем, 28 января 1922 года, произошел ужас. Весь дворец трясся. Судя по разговорам, Исмаил Хаки бей тайно уехал в Анкару, и об этом он никому не сообщил.

Пожилые обитатели дворца все в один голос говорили:

– Если зять тоже окажется предателем, мы теперь доверять никому не сможем.

Госпожа же разговаривала очень спокойно:

– По всей вероятности, он, конечно, поехал по какому-то случаю.

Ульвие султан от нервного расстройства и переживаний была в полуобморочном состоянии. Однако по-настоящему расстроенной оказалась Ее Величество. Ибо Исмаила Хаки бея очень любила и

доверяла ему. С его уходом все это разрушилось. Сейчас все внимание было обращено на Ульвие султан, только и рассуждали: применит ли она свое право – право султана на развод. Эта акция называется «Исметхаки».

Однако наша красавица султан не сразу прибегнула к своему праву на развод. После долгого ожидания, наконец, в присутствии высшего духовного лица и свидетелей она развелась с Исмаилом Хаки беем. По истечении пяти месяцев после ухода зятя, состоялся развод. Почему Ульвие султан ждала столько времени, мне однажды сказала Байла-ханум. Она тоже очень скрыто мне сообщила:

– Дитя наше очень надеялось, так как терпение – всегда хорошо.

То, что я поняла со слов Байлы-ханум, неуместно об этом писать здесь, ибо я не хочу писать что-то неправдоподобное.

Ульвие султан после развода через год повторно вышла замуж, потом я об этом тоже расскажу.

Последние дни салтаната

В результате продолжавшихся годами и не знающих конца войн, стертых с лица земли городов, согнутых нищетой и голодом людей, остались только слезы.

Теперь блестящая звезда салтаната постепенно гасла, славное Османское государство было приговорено к смерти. Каждую секунду мы ждали из Анкары одно известие, одно сообщение. В нашей душе образовалась такая пустота, которая безжа-

лостно могла нас поглотить. Завтра что произойдет? Что будет с нами? Пока наши мысли были охвачены бесконечными вопросами, освободительная война закончилась.

Отобрав обратно у греков красавец город Измир 9 сентября 1922 года, мы избавились от деспотизма врага. Наконец, после длительного времени, свободные знамена колыхались, реяли на славной великой земле.

Героически воевала турецкая нация, уничтожив врага, спасла любимое Отечество. Однако после того, как было пролито столько крови и потеряны сотни тысяч человек, Анкара с желанием найти виновника всего того, что произошло, всю горькую ответственность возложила на падишаха, и его объявили изменником, предателем Родины.

«Вахидеддин – предатель, теперь надо очистить Родину нашу от этих изменников». Отвратительные возгласы, которые раздавались с трибун, доходили до дворца, и нас держали в страхе.

Может быть, наши дни уже были сочтены? Но если мы действительно вместе с империей станем достоянием истории, то не должны, согнув головы, захлебнуться в яростных волнах прошлого, а, как настоящие османы, должны уйти с достоинством.

18 сентября 1922 года пришло сообщение, что Анатолия очищена от греков. Быстро идущая вперед турецкая армия торжествовала свои победы. Дворец начал оживать, в восторге, в слезах радости мы славили мир, который с тоской ждали годами.

11 октября члены нового правительства подписали договор, который был принят на конференции в

Мудании. Слава Богу, теперь войне подошел конец. Но англичане еще не покинули Стамбул. И когда 18 ноября раскрылась причина, разыгралась буря.

* * *

Анкара давно уже приняла решение в отношении салтаната. И 1 ноября, когда это решение было реализовано, Османская империя, которая господствовала более 600 лет, была похоронена в истории.

Анкара, чтобы передать Его Величеству это трагическое сообщение, направила Рефет пашу. Когда узнали люди Стамбула, что Рефет паша идет с войсками, все улицы разукрасили турецкими флагами. Народ, освободив дорогу Рефет бею и нашим войскам, радостными восклицаниями, грандиозной демонстрацией встретил их.

Рефет бей после того, как хорошенько вкусил этих торжеств, пришел во дворец к Его Величеству. Все женщины гарема стояли на ногах. Нам было интересно узнать, какую новость привез паша из Анкары, говоря об этом, все мы внимательно ждали. Ее Величество госпожа говорит: «Будьте спокойны, он точно сообщит о мире, а иначе, что может быть».

Прошло полчаса. Байла-ханум, следуя воле госпожи, взяла в руки одну книгу по истории, и, чтобы успокоить нас, читала покорение Стамбула. Как раз в это время открылись двери и Дильрубаханум, служанка, бегом вошла в салон и дрожащим голосом сказала:

– Госпожа, сообщение очень тревожное, Рефет паша сообщил, что Анкарский меджлис упразднил салтанат. Об этом передали Его Величеству.

Отвернувшись, стояли мы, даже не смотрели друг на друга. Ее Величество госпожа села в кресло, откуда только что воодушевленно поднялась, и вздохнула так глубоко, что разорвались на кусочки наши сердца. Находящаяся в комнате Шемсинурханум, с душераздирающей болью, сказала: «Мое сердце этого не выдержит», потеряла сознание и упала на том месте, где была.

После этого во дворце можно было видеть только плачущих, обморочных людей. По поводу потонувшей империи, я тоже пролила много слез, однако, что можно было сделать?

И опять госпожа, став мужественнее всех остальных, произнесла исторические слова:

– Салтанат мы потеряли, теперь надо спасти честь.

Похищение или измена?

На дворец обрушилось глубокое молчание. Когда на улице дул холодный ноябрьский ветер, мы, сидя у каминов, мерзли. Потому что сердца наши были разбиты, тела не чувствовали ничего. Те, которые разбили наши сердца, сейчас поздравляли друг друга с успехами, смеялись над старым строем. Его Величество был очень огорчен. Спокойствие господин искал у последней жены Невзадханум. Неварреханум очень рассердилась. Настолько она рассердилась, что, разбив вазы об пол, сказала:

– Почему он идет к этой несчастной? Мы что, не супруги его? Подойти к нам разве не более удобно? Не понимаю, что он находит у этой женщины, переданной ему, как трехдневная наложница?

Его Величество господин из квартиры Невзад-ханум ни на минуту не выходил на улицу. Никого он у себя не принял, и в течение 15 дней не отходил от последней жены.

15 ноября вечером, в 6 часов, казначей Мисли-еда-ханум, придя на квартиру госпожи, сообщила, что Его Величество приглашает ее к себе. Ее Величество госпожа очень удивилась, но, сразу же взяв с собой Шемсинур-ханум, пошла на квартиру господина.

Когда царица вернулась назад, то позвав к себе Рюмейсу, Шахинде, Шахесер, Байлу, Мелекнур и меня, нам сообщила очень важное:

– Господин на какое-то время поедет за пределы государства. В эту пятницу с некоторыми слугами, которым доверяет, он выйдет в путь. В связи с этим на каждую из нас падает большая ответственность. Пока вернется назад Его Величество, мы должны друг друга еще больше поддерживать, помогать друг другу. Ни в коем случае не передавать никому то, что вы от меня слышите, не то на наши головы падет беда. И госпожа, сидя в кресле, руками закрыла лицо и тихо-тихо стала плакать.

Его Величество о своем отъезде сообщил дочерям и всем остальным женам. Главной и второй учительницам-казначейм он раскрыл это. Бедняга Дженаниар-ханум была страшно огорчена. Она сразу же, бросившись в ноги Его Величества, начала рыдать:

– Господин, возьмите меня тоже с собой.

Однако Его Величество никого брать с собой из гарема не хотел, только по поводу последней жены Невзад-ханум были у него какие-то сообра-

жения, однако эти соображения он никак не осуществил.

Между тем, мы с нетерпением стали ждать пятницу, 17 ноября. Исторический день, наконец, подошел, стоял у порога. В ночь на 16 ноября в доме Ее Величества госпожи, т.е. во Дворце торжеств, в одном из салонов верхнего этажа находился шахзаде Ертугрул Ефенди, главный врач Решад паша, приятный собеседник Хайреддин ага. Вместе они ждали здесь утра. Государь, который отправляется в ссылку, интересно, как он себя чувствует? Какие муки, какие страдания он переживает? Пусть будет свидетелем Господь Великий, я в своей жизни не видела никого, кто был бы так привязан к своей земле и к своей нации, как османские падишахи. Мы, беспомощный народ, для наших правителей были более достойны, чем кровь, которая текла в их жилах. Однако, мы этого не поняли.

В салоне, где ждал утра Его Величество, с помощью Решада паши и Хайреддина аги очень важные документы и досье были уничтожены. Эти бумаги, которые сгорали в камине, были историческими документами, свидетельствовавшими о службе господина на всем протяжении салтаната.

Госпожа Ее Величество и мы, придворные дамы, очень уставшие и обессиленные, в большом салоне ждали конца этого события. Если бы Анкара услышала о том, что Его Величество должен уехать, упаси Боже, что тогда произошло бы? Всех бы нас казнили? После того, как журналист Али Кемал бей был казнен народом в Измите как преступник, от Анкары можно ждать, чего угодно.

Время – точно половина восьмого. Господин вышел из салона, в котором он находился, и в сопровождении Ертугрула Ефенди, Решада паши и Хайреддина аги спустился на нижний этаж. Там ждали некоторые из слуг, которым Его Величество доверял и выбрал, чтобы забрать их с собой. Они тут же поздоровались с падишахом, потом они все вместе покинули особняк. На улице лил дождь, как из ведра. Как будто Стамбул по поводу последнего османского государя надел траур. Глубоко было печально это событие.

Госпожа немногим раньше зашла в салон, который покидал Его Величество, и встала у окна, мы, придворные дамы, пошли за нашей сударыней, начали смотреть из окна. Пейзаж, который мы видели, выглядел так: падишах вместе со своей свитой шел прямо к воротам сада дворца. Однако из-за сильного дождя ничего этого мы не видели. Наконец, маленькая группа людей исчезла и ушла.

Из-за этого грустного расставания госпожа Ее Величество расплакалась.

– Душа моя, господин мой! Ваша наложница Назикедда пусть станет курбаном для вас, жертвой вместо вас. Вас нет, теперь что я буду делать? – С этими словами она начала стонать.

После ухода Его Величества во дворце возник ужас. Весь гаремный люд в плаче и стоне задыхался.

Через два часа после отъезда господина казначей Бедиа-ханум бегом подошла ко мне.

– Боже мой, Гюлефшан, успеть надо за прислугой. Рухсаре с ума сошла, что-то происходит с ней, – сказала она.

Вроде меня по голове ударили, тут же вместе мы побежали на квартиру Рухсаре. Войдя в комнату, я увидела, что несчастная Рухсаре лежит в конце стены, глаза открыты, как гадалые камни, постоянно смотрит в одну точку. Сразу я ее обняла за плечи, после небольшого вздрагивания, она посмотрела мне в глаза.

– Рухсаре, сестра моя, что с тобой? – спросила я.

Рухсаре каким-то измененным голосом:

– Летать хочу, летать, – сказала она и, встав на ноги, побежала к окну. Мы ее схватили сразу, насильно посадили на табуретку. Я обратилась к стоящим рядом:

– Быстро за доктором.

Рухсаре опять:

– Господин ушел, англичане его улетели, я тоже хочу улететь, оставьте меня, – кричала она изо всех сил.

Наконец врач пришел. Экстренно сделав ей успокоительный укол, он сказал:

– Надо положить ее в больницу, здесь она не может оставаться.

Вызвали повозку, Рухсаре в полуобморочном состоянии посадили в повозку. Несчастливая женщина. Ее сначала положили в больницу, но когда ее состояние не изменилось, поместили в психиатрическую лечебницу. (Не выздоровев, она умерла там в 1933 году).

Моему старшему брату и невестке я хотела написать письмо по поводу состояния Рухсаре. Но мой брат вместе со своей семьей переселился в наше имение, которое находилось в Сивасе. Поскольку я знала, что в связи с войной они не смогут поехать в

нашу сторону, а сообщение об этом страшном случае не доставит им ничего приятного, то сообщение не послала.

Другой мой старший брат Кемаледдин бей поехал в Белград к родственникам жены, а отец мой переселился в Софию в наше семейное поместье. Только моя старшая сестра Нурбану и младшая сестра Фериде остались в Стамбуле. И Фериде тоже настоятельно меня упрашивала взять ее к себе во дворец. Но я госпоже на этот счет ничего не могла сказать, ибо время было неподходящее. Случайно госпожа Ее Величество на четвертый день после ухода Его Величества мне говорит:

– Лейла, у вас была сестра, она еще не вышла замуж, до сих пор живет со старшей сестрой?

Я очень удивилась и сразу ответила:

– Да, госпожа, она до сих пор живет у старшей сестры.

– Если она желает, попросите, пусть она придет к вам. Что значит быть лишенным семейной радости, я хорошо понимаю, и вам тоже она здесь будет помощницей, – сказала госпожа.

Не могу объяснить, как я была рада. Сразу же Фериде я передала это сообщение. Моя красивая сестра стала работать во дворце вместо Дильрубы, посланной от службы на пенсию.

* * *

Хорошо. Но как был похищен султан Вахидеддин-хан? Как мы позже выяснили, все с самого начала происходило таким образом.

Его Величество с желанием не мешать новому государству, которое пусть даже медленно, но об-

разовалось в Анкаре, с надеждой, может быть, вернуться назад, обратился к англичанам с решением покинуть Родину. Англичане господина нашей прекрасной Родины в период после оккупации постоянно вынуждали отказаться от трона, а земли оставить им. Именно тот, которого звали Ллойд Георг в дьявольской одежде, и двуличный генерал Харрингтон, сбросили на наши головы все грехи ада. Этот Харрингтон, который приходил во дворец к нашему господину, угрожал:

– Позовите назад Мустафу Кемаля, не то он Стамбул сравниет с землей, и народ ваш мы оставим армянам и грекам...

Он думал и надеялся, что таким образом сможет поставить Его Величество на колени.

Однако наш господин с холодным видом отвечал:

– Мустафу Кемаля я не могу заставить, смотрите, он даже против империи выступает. Таким образом он заставлял молчать Харрингтона.

Под таким сильным прессом находящийся государь, что должен был делать? Если он вздумает перейти в Анатолию, враг уничтожит народ и разрушит Стамбул. Если в Анкаре принято решение о ликвидации салтаната, как это произошло в России, то предатели, требуя голову господина, могут и всю династию уничтожить. Т.е. другого выхода, кроме как уйти, не было, и он был вынужден обратиться с просьбой к англичанам.

Самое удивительное в этом страшно ужасном случае – это личность, которая носила письма между господином и Харрингтоном. Его Величество эту историческую миссию поручил самому безнравственному, самому неуважаемому, самому не-

почитаемому во всем дворце человеку. Будто бы во всем дворце не осталось людей, и дело было поручено этому двуличному, неблагодарному человеку.

Человек, который занимался доставкой переписки, был бывший шурин падишаха Зеки бей. Этот человек невообразимо ужасно был падок до женщин и денег. Жена его была очень преданная и несчастная женщина, в один день, когда Зеки бей с ней развелся, вместе с сыном Джунейтом она осталась на пустом месте.

Итак, падишах, который поручил этому невоспитанному человеку такую историческую миссию, был уверен, что англичане согласятся оказать ему помощь. Что бы ни случилось, теперь он вынужден был покинуть турецкие земли. Уходя вместе с собой забрать падишаха для англичан было как недостижимый сон. Просьбу государя о помощи они с удовольствием приняли. Однако враг, вместо того, чтобы попасть в историю как похититель, хотел быть в образе спасителя, получать поздравления как герой. Исходя из этого, падишаху сказали, чтобы он официально обратился к ним. Не имея другого выхода, государь, написав официальное письмо, опять же через Зеки бея послал его Харрингтону. Тот сразу же превратился в овечку.

Сразу назначили день отъезда, начались приготовления. После этого все известно. 17 ноября утром последний правитель Османского государства, выйдя из дворца, сел на военный корабль «Малая», который стоял напротив дворца Долмабахче, и уехал в ссылку.

Расставание с Илдызом

В связи с тем, что Его Величество покинул Родину, Анкара радостно воодушевилась, ибо самое большое препятствие, которое стояло перед ней, было преодолено, были открыты все дороги. Теперь Мустафа Кемаль и члены нового кабинета правительства могли делать все, что их душе было угодно. Османская империя стала предметом истории. Салтанат был ликвидирован, только осталось местонахождение Халифата. Во главе этого Халифата нужен был опытный человек, кто-то из преемников шаха. Анкара по этому поводу много не рассуждала, что бы ни было, был наследник престола Абдулмеджид Ефенди, и если бы его не избрали халифом, то в Стамбуле произошел бы ужас. В связи с этим, на второй день после отъезда падишаха, Анкара избрала Абдулмеджида Ефенди халифом, и ему присвоили титул Халифата муслима.

Абдулмеджид Ефенди жил во дворце Долмабахче после того, как стал халифом. Долмабахче, который был предназначен только для жительства, и напоминал времена периода султана Абдулгамид-хана II, снизу доверху украсили, оборудовали. Все комнаты, салоны опять стали блестеть как зеркало.

Первым историческим поступком, который смог сделать Его Величество халиф, это османскую династию пригласить во дворец Долмабахче на обед. Такой обед в османской истории был дан впервые и, к сожалению, он стал последним. Ее Величество госпожа тактично хотела отказаться, но по-

сле настояний была вынуждена пойти, как бы то ни было, они были родственниками с халифом. Таким образом, в один холодный декабрьский вечер Ее Величество госпожа, мы, придворные дамы – Мюведдет, Невваре, я и Невзад, сев в свои кареты, поехали во дворец Долмабахче. Как это бывало в прошлые времена, нас встретило много служанок и повели в большой зал гарема. Салон был как место столпотворения, все султаны, госпожи, жены шахзаде, женщины султаны были там.

Мужчины должны были ужинать в другом салоне. Наконец, впервые в своей жизни, я познакомилась со старшими, с некоторыми новыми известными султанами и господами. Из жен султана Мураида я была очарована госпожой Шаиян. Потому что Шаиян-ханум, несмотря на возраст, была красивая и умная женщина. Необыкновенно красиво разговаривала, к каждому она обращалась деликатно, до необъяснимого вежливо. С ней мы вели очень приятные беседы, потом госпожа меня пригласила во дворец, попросила нанести ей визит. Я, конечно, с удовольствием согласилась. После ужина мы вернулись назад во дворец Илдыз. Госпожа стояла немного печальная и скорбная. Когда мы оказались одни вместе в салоне, она мне объяснила причину этой грусти:

– Лучше было, если бы я не пошла, но я выполнила свою обязанность в отношении господина, – сказала она.

Бедная госпожа, потом она в расстроенном состоянии пошла спать.

А Анкара с 18 ноября по приказу Центрального командования и полиции теперь потребовала осво-

бождения Илдыз дворца. Опять произошел ужас. Что сейчас будет? Куда мы пойдем?

Всех нас охватила паника, между тем, госпожа Ее Величество вдруг заболела. Тяжелый холод простудил ее, впоследствии у нее заболели бронхи. Бедная госпожа оказалась в ситуации, когда она не могла подняться с постели. Не лучше было положение других сударынь и женщин. Другая женщина жаловалась на головную боль. Невваре-ханум жаловалась на боль в желудке. Гаремный доктор Ирфан бей приходит и уходит, дает лекарства, но женщины никак не поправлялись.

Сабиха султан в этот период встретилась с халифом, обговорила с ним то, как с нами быть. Халиф тоже на какой-то срок предложил нам переселиться во дворец Ферия. Ввиду того, что другого выхода не было, мы вынуждены были переселиться во дворец, предназначенный для нас. Анкара настаивает, приказывает официально нам уйти из Илдыз дворца.

Госпожа, до приведения в порядок квартиры, пошла во дворец в Нишанташи, принадлежащий Ульвие султан. Вместе с собой забрала Рюмейсу и Шахинде-ханум. Оставшиеся ушли в Ферия.

Не знаю, как я могу объяснить расставание с Илдызом, сколько мы плакали, сокрушались. Когда эти великолепные квартиры, салоны мы покидали, когда за нами закрывали тяжелые железные двери, и все наши сказочные воспоминания оставались позади, мы поняли, что начинаются тяжелые мучительные годы. Следующее за этим, требовало мужества.

Дворец Ферия

Кареты медленно остановились перед дворцом Ферия. Быстренько мы вышли из карет и встретились с четырьмя незнакомыми женщинами, с которыми тут же познакомились.

Полная женщина среднего возраста, которая стояла впереди всех, представила себя:

– Зовут меня Махмуре. Я управляющая дворцом Ферия. Его Величество халифом я назначена на эту должность. Не отвлекайтесь, сразу войдите, так как скоро ворота закроются.

Торопясь, мы взяли свои сумки, вошли внутрь, Махмуре-ханум, следуя за нами, повела нас на этаж выше. Первым долгом она показала нам квартиру госпожи. Когда мы вошли в комнату госпожи, то онемели от увиденного кошмара. Поскольку в комнате кроме одной кровати, одной табуретки больше никакой мебели не было.

Госпожа Мюведет спросила:

– А где остальная мебель?

Женщина, у которой спрашивали, с угрюмым видом ответила:

– Придет, имейте терпение.

Затем, быстренько выйдя из этой комнаты, показала другие.

Внутри огромного дворца не было даже ни одного шкафа. Разве только одного шкафа не доставало? В комнатах, которые были выделены для свиты, не было ни кровати, ни постели, где лечь. Как такое могло быть? Мы что, должны были ложиться на голый пол? Невваре-ханум начала нервничать.

– Вы что, хотите нас на пол уложить? Вы должны сразу принести сюда необходимую мебель, – сказала она.

Махмуре-ханум совершенно равнодушно ответила:

– Вы, по всей вероятности, забыли, что салтанат ликвидирован, что найдете, тем и обойдетесь.

Мы окоченели. Смотря друг на друга, думали о том, что сейчас могло произойти. Байла-ханум, сразу проходя вперед:

– Вероятно, вы знаете с кем разговариваете, напротив вас стоит супруга Его Величества. Сказав так, она попыталась защитит Невваре-ханум.

Махмуре-ханум даже бровью не повела, ответила сразу:

– Кто ты, служанка или кто, немного пошевели мозгами, здесь место, которое предназначено вам от государства, это вам не Илдыз дворец и никакая другая вилла. С этого времени это выделенное для вас помещение.

Этих слов было достаточно, чтобы понять наше положение. Мы были разбиты полученным ответом.

* * *

В квартире госпожи три смежных комнаты выделили для свиты. Ни для придворных дам, ни для прислуги не выделили ничего. Все мы вынуждены были вместе ложиться и вставать. Только главной учительнице-казначею дали маленькую комнату, хотя в этой комнате не было даже постели. В комнатах для госпож положили по одной постели, но для свиты пока даже табуретку не принесли.

Когда мы уходили из Илдыза, то с собой прихватили лишь одежду, драгоценности и некоторые личные вещи. Мы думали, что нужные вещи нам передадут туда, куда мы идем. Хотя это было горько осознавать, мы поняли, что ошиблись.

До вечера мы были на ногах. Наконец, принесли две постели, одну постель занесли в комнату главной учительнице-казначею, вторую положили в комнату Шемсинур-ханум. Сразу после того, как принесли постели Ульвие и Сабихе султанам, они пришли и посмотрели на наше жуткое положение.

Повстречавшись с Махмуре-ханум, они предложили ей закончить с этим положением, однако Махмуре спела свою прежнюю песню и никаких мер не предприняла.

Нам ничего не оставалось, как постелить на пол свои дорогие туалеты. Даже мое длинное платье с подолом, роскошный костюм, который я надевала в официальные дни, повесила на окна вместо занавесок, чтобы не смотрели на нас моряки, которые были на кораблях. Бедняга наша королева 28 декабря 1922 года поселилась во дворец Ферия. Чтобы не оставлять Ее Величество госпожу в пыльной грязной комнате, мы собственными руками ее убрали и почистили. После того, как ей показали эту комнату, госпожа со слезами высказала нам благодарность.

* * *

Начиная с первой ночи, боли, которые мы ощущали на теле и получили от лежания на полу, крепели с каждым днем. Сколько недель еще будет продолжаться такое положение?

Увидев наше положение, госпожа сказала:

– Если вы спите на полу, я тоже буду спать на полу.

Сколько мы ее ни уговаривали, она начала спать с нами на полу.

Поскольку государство не взяло на себя расходы на наше питание, мы боролись с голодом. Впервые в жизни я поняла, что значит остаться голодной в полном смысле этого слова. Как и я, многие дворцовые не знали этого чувства и впервые познали этот ужас. Из служанок Безминигар-ханум после двухдневного голодания упала в обморок, и четыре дня не могла прийти в себя. Было много женщин, которые не выдерживали голод. Очень тяжело проходящее для госпожи время ее вконец разбило, и у нее поседели волосы.

На протяжении первой недели, которую мы провели во дворце Ферия, питание так и не появилось. Как позже мы поняли, казна, в общем-то, взяла на себя кухонные расходы, но мы стали жертвой интриг Махмуре-ханум. Как только мы узнали, что происходит, положение срочно было исправлено. Вопреки всему этому, Махмуре-ханум со своей службой не распрощалась. Затем, если даже очень незначительно, но наше положение улучшилось. Половину постелей доставили через две недели. Дай Бог здоровья, теперь мы спаслись от жизни на полу. С помощью Анбер аги мы взяли с рынка ситец, сшили занавески и таким образом сняли свои вещи с окон. Поскольку наша зарплата прекратилась, то только на золото, которое мы раньше собрали, мы делали покупки. А где бы мы могли найти деньги?

Раньше мы не мерзли, потому что расходы на уголь, дрова несла казна, но выдержать нынешнюю тяжелую жизнь молодые служанки не смогли бы. Госпожа, которая думала над этим, решила всех, кому было меньше двадцати лет, отпустить на волю. Вообще, во дворце Ферия было 15 девочек, считавшихся маленькими служанками. Госпожа их собрала у себя и объяснила им положение. Ферахназ и Джешпан сразу приняли предложение об их возвращении к родителям домой, и в тот же день расстались с нами. Через несколько дней Мислиеда и Бедиа ушли. Вслед за ними наши любимые подружки Верджесте и Нермин покинули нас.

По поводу отлучавшихся от нас никто плохо не говорил, наоборот, думаю, что они теперь находят-ся в более спокойном состоянии, их вспоминали со слезами радости.

Из 60 человек в течение двух месяцев ушли 30. Оставшиеся женщины, не думая над тем, что может с ними случиться, продолжали свою службу. Я сегодня думаю, сколько мужественных людей было в те времена. Сейчас государство полно неблагодарными людьми.

Не дворец это, а тюрьма

Дворец Ферия трехэтажный. На первом этаже жила Махмуре-ханум со своей свитой. На втором этаже разместились госпожа и мы, придворные дамы. На последнем этаже госпожа Мюведдет и наложницы жили.

С первых же дней нашего прихода в Ферию, по приказу из Анкары, дворец оказался под контро-

лем полиции. Т.е. нам не разрешалось выходить на улицу, и с улицы никому не разрешалось заходить к нам. Даже запрещалось ступить ногой в сад дворца.

В прошлом мы в парке Илдыз совершали прогулки, которые длились часами, а сейчас были как птица, посаженная в клетку. Была прервана наша связь с внешним миром. На второй неделе февраля месяца стамбульским губернатором было прислано одно лицо по имени Шукру для охраны дворца Ферия. Однако, этот человек еще больше осложнил нашу жизнь. С его приходом нам запретили даже писать письма.

Мы не общались со своими семьями, и не разрешали нам написать им пару строчек, насколько это было нечеловечно. Даже в то время арестованным, заключенным в тюрьмах разрешали писать письма. 30 несчастным женщинам жизнь облегчить, пережить тоску, написать письмо запрещалось, что являлось и называлось только несправедливостью.

Шукру бей был неблагодарным хорватом. Говорили, что когда-то он был на службе у покойного султана Абдулгамид-хана II.

Махмуре-ханум была албанкой, ее охраняли все неблагодарные люди целого дворца Ферия. Естественно, от этих людей можно было ожидать всего. Ни госпоже Ее Величеству, ни остальным большим женщинам не оказывали уважения.

* * *

Однажды старая портниха Ее Величества мадам Фегара пришла в Ферие навестить нас, но Шукру бей несчастной женщине не дал пройти в здание и

велел прогнать ее. Когда королева узнала об этом, очень расстроилась, и в слезах обняла меня:

– Лейла, прошу тебя, напиши мадам Фегаре одно письмо и изложи ей мою печаль.

– Но госпожа моя, писать письма запрещено, тем более, как отправим? – удивленно спросила я.

В это время госпожа из секретного ящика письменного стола достала ручку, бумагу и передала мне. Теперь я совсем потеряла голову.

– Моя дорогая, милая, но это письмо как я отправлю? – спросила я.

Ее Величество госпожа и для этого случая нашла решение, она крепко сжала мою руку:

– Сегодня придет моя любимая доченька, передадим ей, и она, спрятав под одежды, вынесет.

Это была хорошая мысль. Я сразу села и, как мне указывала госпожа, написала письмо и передала Сабихе-султан. И она, спрятав это письмо под свою одежду, вынесла из Ферие. По прошествии 4-х дней придворная дама Сабиха-султан мадам Бурдукова принесла ответное секретное письмо от мадам Фегара Ее Величеству госпоже.

Только таким образом мы могли наладить связь с улицей. Боже упаси, в какой ситуации мы оказались. Естественно, мы не забывали благодарить судьбу, ибо как бы ни случилось, всегда есть что-нибудь похуже.

* * *

С каждым днем жизнь наша упрощалась. Потихоньку забывались старые традиции, дворцовой знати становилось меньше. Исходя из того, что кроме квартиры Ее Величества госпожи больше не-

куда было нам ходить, мы были вынуждены продолжать жизнь в этой квартире. Наше положение придворных дам особо не отличалось от других, все мы вместе ложились и поднимались. В связи с тем, что постелей было мало, по два, иногда по три человека ложились в одну постель. Я делила свою постель с сестрой Фериде.

Дворец Ферия теперь уже для нас стал домом траурной скорби. С утра до вечера мы плакали, стонали. Письма, которые получали от Его Величества, Ульвие и Сабиха султаны секретно приносили госпоже и читали ей. Когда мы узнавали о том, что жив и здоров Его Величество, мы становились веселыми, радость охватывала нас. Эти письма приносили нам немного спокойствия и надежду. В последних письмах Его Величество писал о том, что в Сан-Ремо, считающемся райским уголком Италии, он снял виллу, и в ближайшее удобное время нас тоже заберет. В одно время мы надеялись, что Его Величество господин вернется назад. А теперь Его Величество приглашал нас к себе. Это что означало? Значит, надежда на возвращение полностью исчезла, ворота надежды полностью закрылись. Всем нашим грезам наносился удар, все наши мечты еще раз разрушились. Этот случай был одним из самых горьких, даже и сегодня он разрывает мое сердце.

Последняя молитва Шемсинур-ханум

Шемсинур-ханум, самая взрослая дама из прислуги, родилась в 1850 году в Абхазии, в очень маленьком возрасте она была передана во дворец.

Шемсинур, которая воспитывалась и выросла у Джамиле султан, однажды поручили взять во дворец молодых Назикеду и ее сестру, обучить их османскому этикету. С того периода, как опытная наставница, она постоянно находилась около госпожи. Она стала свидетельницей очень многих исторических событий. Познавшая хорошие и плохие стороны жизни, эта опытная женщина теперь была в преклонном возрасте и в весьма разбитом положении.

Речи и мысли были крепки, пока она ангелам не отдала последние свои вздохи. Все, что происходило, до подробностей она знала, никогда ни одно имя не забывала. Однако в последнее время, в связи с тяжелыми событиями, с которыми мы столкнулись, не смирившись с оскорблениями в Ферие, она заболела и слегла. Ее Величество очень обеспокоена была. Она часто приходила и спрашивала, волнуясь, о состоянии здоровья Шемсинур. Доктор Ирфан бей лечил и смотрел всех женщин дворца, он очень хорошо относился и к Шемсинур. В ночь на 21 июля он сообщил, что хочет увидеться со мной.

Глубоко вздохнув, в очень взволнованном состоянии я приняла Ирфан бея.

Войдя в салон, Ирфан бей коротко поздоровался со мной.

– Госпожа, состояние ханум учительницы очень тяжелое, теперь ко всему нужно быть готовыми, сейчас надежда только на Бога. Пожалуйста, передайте мои слова госпоже, – сказал он и вышел из салона.

У взволнованного Ирфана в глазах я заметила слезы.

Потом я пошла на квартиру госпожи, не откладывая, все, что мне рассказал господин доктор, передала ей.

Бедная, добросердечная госпожа королева опечалилась, начала плакать. Стоявшая рядом принцесса Дильназ-ханум Лоу присоединилась к ней и тоже стала плакать.

В скорбном настроении я пошла в комнату Шемсинур-ханум. Там до самого утра, сидя на скамейке, я провела ночь у ног больной. В 9 часов утра госпожа позвала к себе Махмуре-ханум. Госпожа:

– Махмуре-ханум, у нас есть тяжело больная женщина, мы обеспокоены, что она может уже отдать Богу душу. Прошу вас организовать похороны, объясните людям, пусть все приготовят, – сказала она.

Махмуре-ханум немного растерялась, по всей вероятности ей в голову не приходило, что она может столкнуться с такой ситуацией.

– Все будет готово, госпожа, – сказала она и, не добавляя ничего, вышла из салона.

Значит у каждого человека, пусть он будет хорошим или плохим, когда кто-то умирает, сердце наполняется верой и становится справедливым. Пусть будет Бог милостив к Махмуре-ханум в этом чувстве.

В тот же день резко стало Шемсинур хуже. Когда мы, придворные дамы, вместе с Ее Величеством госпожой в салоне молились Богу за нашу больную, Налезен-ханум вошла в комнату, в которой мы находились, и взволнованно сказала:

– Госпожа, идите скорее, Шемсинур совсем плохо.

Мы сразу побежали в комнату больной. Несчастная Шемсинур-ханум лежала вся в поту. Открыв

глаза, она взяла крепко за руки госпожу, которая стоя у ее головы, плакала.

– Пусть Бог, вас, госпожа, и вашу свиту спасет от несчастья и греков, слава Богу очень скоро закончится это мытарство, вы присоединитесь к светлым мира сего, справедливость не оставит вас

После этих слов она закрыла глаза и отдала Богу душу, Незакет-ханум, обливаясь слезами, продолжала читать Коран.

Госпожа со стонами и криками опустилась на покойницу. Некоторые упали в обморок. С верхнего этажа первой в комнату прибежала Невваре.

– Ушла наша учительница, – говорила она, наклонившись над кроватью, и плакала.

Затем Мюведдет-ханум и Невзад-ханум пришли. Каждая из них плакала, стонала, горькое чувство о том, что потеряли мы нашего дорогого старшего друга, мы остро переживали.

На второй день, рано утром, после похоронных стонов, выкупали покойницу. Ее похоронили на кладбище Иахиа Ефенди. Царство ей Небесное.

(Шемсинур-ханум из абхазской аристократической семьи по фамилии Эшба).

Объявление Республики

В Анкаре 12 октября 1923 г. создали меджлис, получивший название Великое национальное собрание. Находящийся среди степей этот маленький город объявили «главным городом» и довели его до высшей степени успеха. Таким образом, слав-

ный великий Стамбул очутился в ситуации, когда его лишили всех регалий.

Республика провозгласилась. Вообще было ясно, что так должно быть. Сколько месяцев уже не идет зарплата госпоже. Кто знает, в чьих карманах она оседала. Не было никакой инстанции, куда можно обращаться, тем более, наша связь с внешним миром была полностью прекращена. В одно время наше положение я объяснила Филиз-ханум – помощнице Махмуре-ханум. Может она окажет нам помощь, подумала я, но как глубоко я обманулась. Женщина грубо, нагло мне ответила:

– У вас достаточно золота, драгоценностей было, как быстро все это съели?

Я застыла вся. Жалко, слова, которые она произносила без стеснения, сама не понимала. Что с нее возьмешь? Вечером того же дня Ее Величество госпожа всех нас собрала в большом салоне. Посидев немного, поговорили, потом Байла-ханум нам книгу почитала. В связи с тем, что у нее был изумительный голос, она хорошо книжки читала.

Когда мы Байлу-ханум слушали, вдруг со стороны улицы раздались какие-то выкрики. Сразу подбежав к окну, мы стали смотреть и увидели удручающую картину.

Солдаты группами стояли на улице, они славили совсем недавно провозглашенную Республику. «Да здравствует Республика! Да здравствует Мустафа Кемаль паша!» – выкрикивали они.

Как раз в это время Дильфирит-ханум упала в обморок.

Кто-то из евнухов побежал оказывать ей помощь.

Госпожа предложила нам отойти от окон. Сразу мы вернулись на свои места, сидели молча, от огорчения мы даже друг другу в лицо не смотрели.

Ее Величество госпожа, повернувшись к Байлаханум:

– Пожалуйста, читайте.

И Байлаханум начала читать. Бедняжка целых два часа читала, не останавливаясь. Потом мы молча пошли и легли.

Во время провозглашения Республики мы были заняты приготовлением ко второму бракосочетанию Ульвие-ханум. Бедняжка госпожа султан очень была расстроена. За один день до бракосочетания она пришла во дворец Ферия, еще не встретившись с госпожой Ее Величеством, она встрети-лась со мной.

Не успели мы войти в пустую комнату, как Ульвие начала плакать. Я хотела успокоить ее, но успеха не имела.

– Госпожа, прошу вас, не плачьте, – сказала я.

Ульвие султан, похоже, немного пришла в себя.

– Боже мой, Лейлаханум, завтра мое бракосочетание, и тут случилось это событие – объявление Республики. Если завтра будут торжества? Что делать? Что скажет госпожа? Мое сердце все это не выдержит.

Она была права: салтанат был ликвидирован, Его Величество за границей находится, провозглашена Республика. Естественно, в такой ситуации устраивать торжество при бракосочетании очень неуместно. Однако время назначено, сердца объединились. Перенести дату такого бракосочетания будет нехорошо, подумала я.

– Моя султан, вы определили срок бракосочетания до этих событий, переносить время и для вас, и для зятя нехорошо. И все-таки вы на эту тему поговорите с госпожой, не то я что-нибудь неправильно скажу, и вы согласитесь со словами этой невежественной прислуги, – сказала я, и став на колени, поцеловала ей руку.

Султан, подняв меня на ноги, обняла.

– Ягненоч мой, Лейлочка, вы образованная, аристократка. Будьте здоровы, вы подарили мне надежду. Пусть будет милостив Бог и к вам. Сказала она это и пошла встретиться с Ее Величеством госпожой.

Госпожа моя тоже была аналогичного мнения. Состоялось бракосочетание Ульвие султан с Али Хайдаром беем 1 ноября 1923 года во дворце Нишанташи.

Свадьба Ульвие султан

Приложив тысячу усилий, мы оказались во дворце Нишанташи. На это свадебное торжество никто из нас не надел свои великолепные костюмы, мы оделись в простые одежды. И, вообще, никаких показательных торжеств не было устроено, лишь только несколько женщин, самые близкие – Ее Величество, Рюмейса, Шахинде, Шахесер, Байла и я были готовы к торжеству.

Самой упомогающей стороной свадьбы был свидетель Ульвие султан. Потому что это был Рефет паша – тот самый человек, который ровно год тому назад сообщил нашей госпоже во дворце

Илдыз о том, что салтанат ликвидирован. Когда мы увидели этого человека, Шахинде-ханум сказала:

– А... а Это разве не предатель Рефет? Боже мой.

Однако паша, не смущаясь совсем, ушел, пройдя мимо нас. Байла-ханум потихонечку наклонилась к моим ушам:

– Почему его избрали свидетелем, интересно? – спросила она.

– Не знаю, – сказала я, и растерянная пошла посмотреть, что происходит.

Наконец, бракосочетание закончилось, после проведения небольшого торжества, мы вернулись в Ферие.

Огорченные и изнуренные мы пошли отдыхать. Махмуре-ханум как раз в этот момент сказала госпоже:

– Когда ваш господин находится за границей, как же вы делаете свадьбу, поражает меня, хотя от вас всего можно ожидать.

От этих слов насколько Ее Величество госпожа расстроилась, я поняла по ее глазам. Однако госпожа, не сказав ни слова в ответ, перешла в свою комнату. Тогда, Шахесер-ханум не смогла сдержать себя.

– Пусть вы будете прокляты Богом, – сказала она и быстренько ушла.

В один миг дыхание остановилось у Махмуре. И она, тоже больше не сказав ни слова, ушла к себе в комнату. Я и Рюмейса-ханум пошли успокаивать госпожу, но госпожа нам:

– Я не расстроилась, мне жалко эту несчастную женщину, за ее поступки ее должна мучить совесть, ее надо жалеть.

Рюмейса-ханум:

– Боже мой, госпожа, пусть мучает ее совесть, она это заслужила.

Госпожа:

– Так не говорите, она тоже бессильная личность этого государства. Поэтому я молюсь за нее. Пусть Бог спасет ее и весь османский народ, – сказав еще раз так, она доказала, что является настоящей королевой.

Трагедия Шахесер-ханум

Как раз прошло две недели со свадьбы Ульвие-ханум. В Ферие опять произошел ужас.

Одна из придворных дам госпожи, княжна Шахесер Гечба решила покончить с собой и сделала это. Несчастная, она простилась с жизнью, будучи в молодом возрасте.

Вечером 14 ноября, после того, как написала письмо, она выбросилась из окна, которое выходило в сторону сада. Поскольку Шахесер была ограничена в материальной помощи, то внушила себе, что становится обузой для госпожи и, не сумев примириться с тяжелым положением в Ферие, решила покончить с собой.

Когда это случилось, Ее Величество диктовала письмо госпоже Дильназ-ханум Лоу, я и Хатырне-ваз-ханум читали книгу. Мгновенно мы услышали крик, сразу побежали к окну и посмотрели. Княжна лежала в крови на земле. Побежали в сад вместе с госпожой. Шукру бей постарался нам оказать сопротивление, но толкнув его в сторону, мы по-

бежали на улицу. Наконец, подошли мы к месту, где упала Шахесер-ханум. Госпожа с плачем бросилась на свою придворную даму.

– Зовите доктора, пусть быстренько придет, она умирает, – начала она кричать.

Все мы плакали. Шукру бей вместо того, чтобы оказать помощь, стоял как вкопанный и глупо смотрел. Человек, как будто впервые в жизни видел раненого, а говорили еще, что он воевал на фронте. Мелекнур-ханум тут же схватила за ворот Шукру:

– Зови врача, не слышишь ты, зови на помощь, – крикнула ему.

Наконец человек пришел в себя, и доктора Ирфана позвал. К сожалению, до прихода Ирфана бея Шахесер-ханум сделала последнее дыхание в жизни. Преданная придворная дама Шахесер-ханум, с ее божественной красоты сияющим лицом. Сейчас все было в крови, золотистого цвета волосы теперь стали с проседью. Карие глаза свои, которыми поэты посвящали сотни стихов, она открыла в последний раз. Последнее слово, которое слетело с ее дрожащих губ, были слова прощания с королевой госпожой Назикедой:

– Госпожа, если можете, простите меня, но не выдержала я, меня простите, – сказала и последний раз вздохнула.

Солдаты занесли покойную внутрь. Ее Величество госпожа до самого утра просидела у тела покойной. Она ни с кем не разговаривала, и, вообще, была не в состоянии говорить. Крепче всех нас была Байла-ханум.

– Муллу надо позвать, несчастную так хоронить нельзя, – сказала она.

Она была права, но какой мулла выполнил бы обряд намаза у тела, покончившей с собой? Но Шахесер-ханум, по-моему, стала жертвой несправедливости. Наконец, настало время выкупать тело покойной. Среди нас это дело знала только Мелекнур-ханум. Мелекнур-ханум в молодом возрасте купала тела очень многих султанш и шахских детей. Бедная женщина, еле на ногах стояла, но вопреки всему она пришла, выкупала труп и обтянула саваном. Потом положили тело в гроб и повезли в мечеть Ортакей. Там благородный один мулла ефенди выполнил обряд намаза и Шахесер-ханум похоронили.

Самоубийство Шахесер-ханум было лишь началом беды. Настоящая беда нас ждала впереди.

Роспуск свиты

Однажды, думаю, что это было 3 декабря, Махмуре-ханум пришла к Ее Величеству госпоже и сказала ей, что некоторые женщины должны немедленно покинуть дворец Ферие. В связи с тем, что в стране финансовый кризис на содержание этих женщин денег не осталось. Госпожа строго возразила.

– Нельзя, столько женщин, куда они пойдут? Их семьи в свое время отдали их на наше попечение, смотреть за ними, покровительствовать им – это наш святой долг, никого никуда не пошлю, не освобожу, – сказала она.

Махмуре-ханум с каким-то мрачным видом ответила:

– Эти проблемы меня не интересуют, для того, чтобы наполнять их желудки, денег не осталось, они вынуждены уйти.

Опять они поступили так, как и говорили, 10 человек служанок выставили за ворота на улицу. Вот, что мы пережили в период создания Республики. Естественно, некоторые из нас, закрыв глаза, прошли, ничего этого не видя. Но в один день все эти горькие события выйдут наружу. Добрая Ульвие султан успела помочь несчастным, взяла к себе во дворец девочек до тех пор, пока не пришли родители забирать их, несколько дней спокойной жизни им обеспечила.

Горький день настал, когда девочек выводили из дворца Ферие. Часы показывали десять утра. Все, кто должен был уходить, собрались в большом салоне, ждали, когда повозки придут и их заберут. Все они плакали. Больше всех маленькая Либас была сокрушена судьбой. Стоящая рядом с ней Терджен-ханум, чтобы успокоить девочку, уговаривала ее, но в такой ситуации кто и кого мог успокоить? Высказанные слова были бессмысленными.

Махмуре-ханум быстрыми шагами вошла в салон, сообщила, что повозки пришли. Только она это сказала, разразился необъяснимый вопль, плач. Женщины целовали руку стоящей в одном углу плачущей госпоже Ее Величеству и уходили. Когда подошло время Либас, она обняла ноги госпожи:

– Госпожа, не оставляйте меня, не оставляйте, – начала она кричать.

Махмуре-ханум подбежала и девочку, взяв за руки, потянула на улицу. Никто ничего не мог ска-

зять. Эта несчастная девочка, ее умоляющий протест до сих пор звенит в моих ушах!

(Либас-ханум. Она была самой молодой придворной дамой в последнем Османском дворце. Родилась в 1908 году, из семьи абхазских аристократов по фамилии Суокум. Умерла в Даридже в семье отца в 1940 г.).

Этот случай очень сильно расстроил госпожу, и она заболела. Это горькое утро я никогда не забуду в жизни.

Маджиде бегом пришла ко мне в комнату. С криком:

– Торопитесь, с госпожой что-то случилось, – она припала к моим ногам. Из-за ее плача чуть мое сердце не остановилось.

Сразу я побежала в комнату сударыни и обнаружила ее сидящей перед столом. В одном углу комнаты Рюмейса и Байла-ханумы молча плакали. Но почему они плачут? Ее Величество, увидев меня, улыбнулась из-под очков.

– Приходите и посмотрите мое состояние, – сказала она.

Затем, стянув с головы темную шаль, показала горькую истину. Эти красивые, блестящие каштанового цвета волосы, сейчас стали совершенно белыми, за одну ночь волосы госпожи поседели. Плача, подошла я к ней и стала перед ней на колени. Госпожа погладила руками мне голову и сказала слова, которые никогда не изгладятся из моей памяти:

– Пусть поседеют мои волосы, сокрушится мое тело, я хочу, чтобы сохранились вы и государство,

а со всем остальным я согласна. Все, что случится, все идет от Бога, все это идет от Бога.

Сразу после этого случая сестру свою Фериде я отправила к отцу в Софию. И вообще, бедняжка девочка не смогла привыкнуть к этой тяжелой жизни, с каждым днем она все больше сокрушалась. Также все это не выдерживало и мое сердце. Ее Величество госпожа тоже не была согласна с тем, что Фериде находилась с нами. В общем, Фериде совсем не хотела отлучаться от госпожи, даже она просила у госпожи об этом, но я госпожу склонила отправить ее. Бедную сестру свою спасла я от этой тюремной жизни.

10 декабря 1923 года Фериде поездом покинула Стамбул. После этого я никаких сведений от девочки не получала. За пределами границы, особенно в государствах, которые образовались в Румелии, получить какие-нибудь известия было делом безнадёжным.

Изгнание

3 марта 1924 года, издав очень важный и серьезный закон, Анкара приняла решение выслать, изгнать всю османскую династию. Насколько печально это событие! Прежде всего, 4 марта утром, секретно, халиф Абдулмеджид Ефенди вместе со своей семьей был посажен на поезд и отправлен за границу. Естественно, у нас не было никаких известий об этом. Наконец, утром, в 8 часов, с помощью Шукру, Махмуре-ханум, весь дворец подняли на ноги. Госпожа очень удивилась.

– Дай Бог, все будет хорошо. Но, Шукру бей, что такое случилось, – обратилась она к нему.

Он тоже в полном неведении.

– Не знаю, госпожа, – сказал и тряхнул своими плечами.

В этот момент весь народ дворца собрался в большом салоне. Как только госпожа зашла в салон, Махмуре-ханум начала:

– Великий Национальный меджлис вчера принял решение и сделал заявление о том, что всю османскую династию подвергает выселению. Дети шахов, султаны, женщины султаны, дети султанов и зятя, все живые женщины и госпожи обязаны покинуть турецкие земли. Мужчинам дается 24 часа на сборы, женщинам – 10 дней отсрочки. Если кто-то не уедет в течение указанного времени, силой будет выдворен за кордон.

Как будто весь мир свалился в тот миг на наши головы. Госпожа Мюведдет, услышав это сообщение, потеряла сознание и упала там, где стояла. Невваре-ханум начала плакать. Невзад-ханум стала как белое полотно. Ее Величество госпожа не хотела верить тому, что слышала. Она Махмуре-ханум сказала:

– Это невозможно, мы не предатели государства, как они могут так поступить? Махмуре-ханум очень повеселела.

– Вы что, живете в мире грез? Известно было, что судьба ваша так сложится, если вы будете гнаться за другими надеждами, и это будет виной вам, – сказала она и вышла из салона.

Госпожа, показывая на меня рукой:

– Боже мой, держите меня, – сказала она и обняла меня, но, потеряв равновесие, упала на пол. Мы

стали сразу поднимать госпожу, Хуснюавер пошла принести стакан воды. Выпив глоток воды, госпожа потихоньку поднялась на ноги и в сопровождении остальных придворных дам прошла в свою комнату, ее уложили в постель. Ей необходимо было немного отдохнуть.

В 4 часа Сабиха султан, вся разбитая, пришла во дворец Ферие. Бегом пошла в квартиру матери и бросилась в объятия Ее Величества госпожи. Бедняжка султан и плакала, и объясняла, что Его Величество халифа отправили за границу:

– Пришли ночью и забрали халифа, всех их послали за границу.

Госпожа ничего абсолютно не сказала, только расплакалась. Боже мой, в каком тяжелом положении мы оказались. Что теперь будет с нами?

Вечером и Ульвие султан тоже пришла в Ферие. Она рассказывала страшные вещи.

– В полдень пришли два человека, на руках у них были некоторые документы. Один из них сказал: «Вам надо подписать это». Я, конечно, спросила: «Зачем?». Когда мне подали бумагу, я не поверила тому, что увидела. Документ сообщал о том, что нам необходимо покинуть территорию Турецкой республики, что этот акт утвержден законом и меджлисом. В этот момент я чуть не лишилась рассудка, уму непостижимо это.

Закончив свой сказ, Ульвие султан начала плакать, успокоить ее ни для кого не имело успеха. Дочь ее, Хумейру ханум султан, я взяла к себе и решила не показывать ей состояние матери. Бедное дитя, она ни о чем не знала, но для ее возраста, она была очень яркого ума, на редкость сообразительная.

– Гюлефшан, куда нас сейчас отправят? – спросила она, и меня это очень удивило.

Ее невинный взгляд как стрела врезался в мое сердце. Глаза мои наполнились слезами.

– Боже упаси, мое дитя, никто никого никуда не отправляет, – сказала я.

Однако маленькая султанша заподозрила все-таки, что я от нее что-то скрываю. На этот раз она так сказала:

– Я видела, сегодня пришли и сказали нам, чтобы мы уходили, а сейчас скажи мне, куда мы должны уходить?

Желая, чтобы бедное дитя не огорчалось, я сказала:

– Едем к нашему господину.

Не могу объяснить, как обрадовалась девочка.

– Когда поедem? – спросила она.

– Не знаю, скоро, – глаза мои наполнились слезами.

Сколько месяцев, постоянно продавая вещи, мы копили деньги, но теперь ничего у нас не осталось, чтобы продавать. За исключением некоторых драгоценностей, все уже мы продали, иначе в таком многолюдном обществе, на протяжении целого года, как могли мы жить?

На второй день, утром 5 марта, опять от какого-то шума мы рано проснулись. Сразу одевшись, побежали к окошку. Боже мой, что мы видим!

Народ грабил дом сына шаха Мехмед Сеифеддин Ефенди, который был смежным с дворцом. Со всех сторон столпотворение. И этот грабeж, помимо всего, происходил под руководством полиции.

Госпожа тут же распорядилась:

– Драгоценности спрячьте хорошо, если нужно положите под одежду.

Служанки сразу же стали прятать когда-то им подаренные дорогие кольца, колье, значки и т.д. Рюмейса-ханум оставшиеся драгоценности стала прятать в волосах – прическа была похожа на башню. А некоторые девушки – в секретные карманы шалей, которыми были перевязаны бедра.

И у меня тоже было несколько драгоценностей, но все это брать с собой было невозможно. Очень дорогие для меня вещи я спрятала под своей одеждой. Например, подаренный Его Величеством мне орден времен султана.

Прямо к вечеру народ стал набрасываться и на наши квартиры. На нижнем этаже Шукру бей, собственными руками открыв ворота дворца, впустил народ внутрь. Люди, как голодные волки, стали рыскать по всему дворцу. Мы очень перепугались, закрылись в большом салоне. Госпожа Ее Величество храбрым голосом сказала:

– Не бойтесь, сюда они не смеют зайти, если даже войдут, ничего нам не смогут сделать.

Как раз в этот момент шум до верхнего этажа стал доходить, стук сапог преступников мы уже близко слышали. Двери салона, в котором мы находились, открылись силой и внутрь вошли люди. В этот момент мне в голову пришел один случай, происходивший в Илдыз дворце. Это было, когда закончили с покойным ханом Абдулгамидом ханом султаном II, преступники пришли захватить дворец. Повторение этого, значит судьба наша такая.

Те, кто были впереди, сказали:

– Здесь все заполнено женщинами, давайте идите, посмотрим другие комнаты. Но другие сказали:

– Постойте, может быть, у них есть драгоценности, – и не захотели уходить, вопреки нашим просьбам. Тогда Ее Величество госпожа, не приняв во внимание наши просьбы, немножко выйдя вперед, сказала, показав на дверь:

– Сейчас же уходите отсюда.

Кто-то, с длинной бородой, подошел к госпоже.

– Замолчи, ты, женщина, тебе что, надоело жить, – сказав это, он из-под пояса вытащил нож.

Госпожа, совершенно изменившись в лице:

– Если вы используете этот нож, вы окажетесь убийцей супруги государя, вы можете расплатиться за это? – спросила она. У людей скривились лица, рты. Госпожа на этот раз громким голосом:

– Сейчас же, немедленно уходите отсюда, – и рукой указала на дверь.

Разбойники, потихоньку отступая назад, все вместе покинули салон. Тогда мы глубоко вздохнули. Сейчас, по прошествии годов, я понимаю, что все жены падишаха не только своими титулами, но и своей смелостью написали не одну страницу истории.

В этот вечер все, что находилось в Ферие – шкафы, табуретки, столы, покрывала, скатерти, даже занавески, сняли и унесли. Потом дошли до наших личных вещей. Хохоча громко, перед нашими глазами, начиная с нашей обуви и одежды, они все засунули в свои сумки. Содеянное народом против государынь и их свиты как «последнее благородство» нашло свой конец в этой форме!

На второй день пришли Ульвие и Сабиха султань, они застали совершенно пустое жилище. Очень

расстроенная, Ее Величество госпожа сидела на единственной табуретке, которая сохранилась стараниями Мелекнур-ханум, глубоко задумавшись. Неустанно следовавшая за ней Байла-ханум, не знала, как успокоить госпожу, плачет сама. Сабиха султан, увидев в таком состоянии дворец Ферие, стала чувствовать себя так, как будто ее ударили по голове.

– О, Боже мой, – говорила она и больше ничего не могла сказать.

Наконец, Ульвие султан стала напротив госпожи Ее Величества:

– Мама моя, вы и остальные женщины, если поедете на пароходе, будет лучше. Для вас нужно сегодня взять билеты, потом вам нужно будет пройти паспортные формальности, вы это делать не будете, самое лучшее, поручите все это тому, кому вы доверяете, – говорит она.

Госпожа не дала ответа, Рюмейса-ханум, обняв руки Ульвие султан:

– Боже, моя сладкая, что же будет с нами, мы не поедим? – спросила она.

Глаза Ульвие султан повлажнели, что касается Сабихи султан то она, отвернувшись, вытирала слезы платком, который достала из кармана.

Ульвие султан:

– Госпожа пожелала только самых близких повезти с собой.

Ее Величество госпожа после глубокого вздоха:

– Я не полагала, что эта беда так увеличится, но против воли Бога не пойдешь, если судьбой нам предписано стать изгнанниками, мы должны согнуть головы.

Сабиха султан:

– Маменька, когда вы определитесь, кого будете брать с собой, подготовьте по одной фотокарточке, вечером я кого-то пришлю, – сказала она.

Госпожа сильным голосом:

– Прекрасно, вы сейчас идите. – И пошла к окну, начала смотреть на Босфор.

После того, как ушли султанши, госпожа повернулась к тем, кто оставался в комнате, но ничего не сказала. Глазами она рассмотрела каждую из нас отдельно. Тогда мы все поняли, какое решение она приняла, и что мы не подадим голоса возражения, мы своими взглядами поклялись, что не возразим. И вообще, иному поступку традиции дворца не давали права. Мы по одному являлись слугами османской династии, смирились с судьбой, со всем, что могло быть, были согласны.

Ее Величество госпожа, прежде всего держа руку Рюмейсы-ханум:

– Вы дочка моего дяди по матери, вы идете со мной, – сказала она.

Рюмейса-ханум, услышав это, сразу поцеловала руку госпожи, и глаза ее наполнились слезами. Потом госпожа Шахинде-ханум погладила щеки.

– Милая моя племянница, ты дочь моего старшего брата, если ты пойдешь со мной, там пропадешь, – сказав, опять погладила ее щеки.

Шахинде-ханум начала плакать, но ничего не сказала. На этот раз госпожа Байлу-ханум, держа за руки:

– Вас еще с детства знаю, но если вас тоже заберу с собой, вы тоже пропадете, – сказала и вернулась ко мне:

– Лейла милая, вы моя самая последняя и самая верная из придворных дам, вы пойдете со мной, – сказала.

В этот миг будто весь мир стал моим, сразу бросилась к ней и стала целовать руки.

Потом госпожа, подойдя к Хуснюавер и Маджиде, которые стояли в углу комнаты, обеих взяв за руки, сказала:

– Вы пока очень молоды, если я вас заберу с собой к себе, буду сожалеть.

Потом Байле-ханум велела:

– Собери весь дворец в большом салоне.

Затем все мы пошли в большой салон, там молодые и пожилые все вместе собрались, ждали Ее Величество госпожу, с большим интересом ждали, что она скажет. Госпожа громким голосом:

– Вы знаете, что изгнание теперь для нас стало святым долгом, с собой я заберу только Рюмейсу и Лейлу, лишних людей забирать, к сожалению, невозможно.

Дворец как будто всколыхнулся, но после некоторого времени обстановка успокоилась, появились плачущие и произносящие молитву. Потом все в один голос:

– Бог осчастливит ваш путь, госпожа, пусть Аллах осчастливит ваш обратный путь, госпожа.

Глаза Ее Величества наполнились слезами, быстро выйдя из салона, она перешла к себе в комнату. Потом Мюведдет с верхнего этажа спустившись вниз, повидалась с госпожой.

Мюведдет госпоже сказала:

– Наконец я встречусь со своим дитя, – и заплакала.

Невзад-ханум:

– Я с вами не поеду, хочу вернуться назад к своей семье.

Госпожа совсем не удивилась, в спокойной манере:

– Это зависит от вашего решения. В таком случае вы напишите господину письмо, объясните ваше положение, – сказала.

Невзад-ханум:

– Бог благословит вашу дорогу, – сказав это, вышла из комнаты.

Невваре-ханум настолько была огорчена, что не разговаривала.

Плача:

– Конечно, я тоже поеду.

Госпожа попросила от спутниц для паспортов по одному фото. От Рюмейсы-ханум, от меня тоже взяла фото. Они были отданы человеку, который был прислан Сабихой султан.

Однако вечером опять в Ферие произошел ужас. Невваре-ханум от огорчения так сильно заболела, что ее вынуждены были положить в больницу. В такой ситуации она не могла идти в ссылку. Поэтому ей не выписали паспорт, решили, что после некоторого улучшения, она поедет. Невваре-ханум вечером 6 марта отец ее Чихба Мустафа бей и мать Хафизе-ханум забрали из дворца Ферие к себе.

Невзад-ханум и еще две госпожи 7 марта утром, одевшись в одежду служанок, ушли из Ферие, другим образом не было возможности уйти, не дали бы разрешения.

Мы должны были 10 марта из Стамбула на пароходе уехать в Сан-Ремо. Ульвие и Сабиха султаны тоже в тот же день должны были выехать за границу, но они должны были поехать поездом.

Разлука

Календарь показывал 10 марта, вторник. Чемоданы были приготовлены, одежда была одета, прощальные расставания уже начались. Вместе со стонами вся свита нам высказывала добрые пожелания.

– Да сохранил вас Бог, осчастливит Аллах ваш путь.

Было ровно 9 часов. С нижнего этажа Шукру бей: – Кареты готовы, поторопитесь немного.

Наконец потихоньку начали спускаться с лестницы вниз. Впереди была Ее Величество госпожа и дама Мюведдет, а мы, придворные дамы, шли за ними. Интересно, какова будет судьба стольких женщин, которых мы оставляем после себя?

Несколько дней я нормально не спала. Руки у меня дрожат, голова болит очень сильно. И вот мы оказались за внешними дверями.

В саду Ферие выстроились солдаты, они приветствовали нас. Посмотрите на иронию судьбы! Эти люди, которые в течение двух годов подвергали нашу жизнь мучениям, сейчас женам ханов и их свите в почетном строю отдают последний свой долг.

Перед нами стояли две кареты. В первую должны были сесть госпожа Ее Величество и Мюведдет-ханум. Во вторую учительница-казначей, Рюмейсаханум и я. Вдруг у меня закружилась голова, сразу я схватила за руки Рюмейсу-ханум, которая подбежала ко мне:

– Держите меня, мне плохо, – только успела я сказать, и упала, где стояла, потеряла сознание.

Все остальное после этого не очень осталось в памяти. Когда я открыла глаза снова, то лежала на диване в одной из комнат дворца Ферие. У головы моей Мелекнур-ханум, а у ног Меджиде-ханум стояли. Я сразу выпрямилась:

– Что со мной случилось? – спросила.

Мелекнур-ханум:

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо мне, – сказала я, и взволнованно: «Боже мой, госпожа меня ждет внизу в карете, мне надо спуститься вниз», и побежала к дверям.

Меджиде схватила меня за руки:

– Пойдите, пойдите, они давно уже уехали, пароходы два часа назад отошли от пристани.

Глаза мои раскрылись, как гадальные камни, я не хотела верить тому, что слышала:

– Но как это можно, совсем недавно мы стояли перед воротами, должны были сесть в кареты.

Мелекнур, вытирая слезы:

– Ах, бедняжка Лейла, уже 5 часов, как вы здесь лежите в бессознательном состоянии.

Я не поняла, что со мной случилось, начала плакать.

– Как, почему меня не подождали? – спросила я.

Мелекнур-ханум:

– Подождали, госпожа велела завести вас в комнату, пока вы не пришли в сознание. Шукру стал настаивать, госпожу и других посадил в кареты и отправил на причал.

Как я тогда рыдала, сокрушалась, не в силах ничего объяснить. Обморок, мгновение и меня навсегда отлучили от госпожи.

* * *

После пяти дней со дня отъезда госпожи дворец Ферие опустел. Служанки, которые имели дома, ушли в свои дома, кто имел родственников и близких, пошли к ним. Оставшиеся одни некоторые пожилые женщины приютились во дворце Ченгелкёй. Дворец Ченгелкёй султанам удалось спасти от Анкары, не то, как и другие виллы династии, он перешел бы в руки государства. Наконец, 15 марта, в воскресный день, ранним утром Шукру бей пришел в дом, где мы жили, и встал у дверей.

– Поторопитесь, дворец освобождается, соберите свои вещи и уходите теперь, – кричал он во весь голос.

Бедняга Налезен-ханум, как она перепугалась! Вообще, в целом дворце нас осталось 11 человек, и нас тоже уже выставляли за дверь. Пейрев-ханум с места, где мы находились, обратилась к Шукру бею:

– Хорошо, мы приготовимся, вы нас внизу подождите, подождите, пожалуйста.

Но человек упрям до невозможности:

– Нет, вам полчаса срока, если за это время не выйдете, я сломаю двери и зайду, – кричал он.

Мы сразу оделись, вообще, после ограбления у нас ничего такого не оставалось. Все наше состояние составляли несколько маленьких драгоценностей и одежда, которая была на нас. Наконец, мы приготовились и под наблюдением Шукру спустились вниз, оттуда, тоже не оглядываясь назад, вышли на улицу. После проведения двух лет жизни в этой тюрьме, мы опять присоединились к дневному свету. Мелекнур-ханум:

– Слава Богу, наконец мы освободились от этого человека с лицом дьявола.

И мы тоже, сказав «Аминь», присоединились к молитве. Но теперь, куда мы могли пойти? У меня в Лалели был маленький домик, подаренный мне отцом. Как никак, это место, которое могло принять 10 человек.

– У меня в Лалели есть один маленький домик, пойдем туда, – говорю я.

Бедняги с радостью согласились. Сразу вышли в дорогу, конечно, должны были идти пешком. Мы шагов на 100 приблизительно отдалились от Ферие, как перед нами возник один человек, быстро двинулся в нашу сторону, бросился на Шахинде-ханум, и, также, как и пришел, бегом скрылся. Шахинде-ханум с перепуга упала спиной на землю. Все это так быстро случилось, мы даже не поняли, что происходит. Сразу подняли Шахинде-ханум на ноги, почистили ее от грязи, пыли и потом стали спрашивать:

– Боже мой, с вами ничего не случилось, ничего не болит у вас?

Шахинде-ханум с улыбкой:

– Будьте здоровы, нет, ничего со мной не случилось. Но что этот человек от меня хотел?

Пейрев-ханум, взяла Шахинде под руки:

– Не знаю, но нужно быть осторожной, вокруг стало так опасно.

Дилназ-ханум, идя позади, спросила:

– Хотите немного посидим, отдохните.

Но Шахинде-ханум очень вежливо отказалась, и мы продолжили дорогу. Прошли только около 50 метров, как у Шахинде-ханум лицо вдруг стало тускнеть, она побагровела, стала потеть.

Мелекнур-ханум:

– Нет-нет, с вами что-то случилось, посмотрите, как вы вспотели, моя Шахинде.

Шахинде в ответ:

– Да, как-то мне становится плохо.

И сразу упала на землю.

Я взяла ее под руки:

– Боже мой, придите в себя и, оглядываясь вокруг, стала искать помощи.

Мелекнур, взяв Шахинде за другую руку, сказала, нервничая:

– Надо повести ее срочно в больницу, смотрите, как она меняется в лице.

Как раз в этот момент остановилась одна карета. Двери открылись, и, Боже мой, что мы видим. Из кареты выходит Незакет-ханум, недавно освобожденная Ее Величеством госпожой служанка.

Пейрев-ханум:

– Ах, Незакет, вас Бог прислал, смотрите, что случилось с Шахинде.

С помощью Незакет-ханум мы Шахинде посадили в карету и направились в больницу. Мелекнур и я остались с Шахинде, остальные пошли ко мне домой. Пока мы доехали до больницы, Шахинде-ханум полностью потеряла сознание. Незакет-ханум взволнованно:

– Откроем грудь, может тогда она придет в сознание.

Сразу мы открыли ей грудь. Боже мой, что мы видим! Прямо выше правой груди маленькая дыра. Я взволнованно крикнула:

– Боже мой, посмотрите, Шахинде тот незнакомец нанес рану.

Посмотрев внимательно, Незакет и Мелекнур-ханумы тоже пришли к этому мнению. Мелекнур-ханум сразу стало плакать: «ах, ах, несчастная стала жертвой преступления».

Наконец, мы оказались в больнице. Мелекнур-ханум побежала и вернулась вместе с двумя докторами. Они Шахинде-ханум взяли в палату, но для всего этого уже было поздно. Доктора только сумели подтвердить смерть. Я в это время стала кричать:

– Не может быть, Боже мой, ее убили.

И прильнув к рукам врачей, закричала:

– Этого зверя арестовать нужно, похоронить нужно его в тюрьме, прошу вас, помогите, в полицию, армию сообщите.

Один из врачей:

– В таком случае, вы сами идите в полицию, – сказал и, отвернувшись, ушел.

Из одного несчастья мы попали в другое. Я не знала, что мне делать.

Незакет, держа меня за руки, говорит:

– От них пользы не будет, Лейла, давай мы займемся снаряжением Шахинде.

Она была права, от старого порядка ничего не осталось. Сколько бы я ни кричала, опять меня бы никто не послушал. Понутив головы, в таком жалком положении, мы занялись снаряжением покойной Шахинде-ханум. Все расходы взяла на себя Незакет-ханум. Вечером того же дня Шахинде похоронили на кладбище Ейуп-султан.

Таким образом, Шахинде-ханум – племянница Ее Величества Назикеды госпожи и дочь князя Абдулкадыра бея Маршаниа стала жертвой престу-

пления. Ни один служащий этот случай и не расследовал, и не преследовал.

(Емине Назикедэ – Маршан (1867–1941), главная госпожа. До 1926 года оставалась в Сан-Ремо с султаном Вахидеддином ханом, потом жила во Франции. С 1929 г. жила в Каире. Не вернулась в Турцию. 4 апреля 1941 года она умерла. С Лейлой Ачба они больше не встречались и не переписывались).

Вечером, в девять часов, Мелекнур и я, измученные и расстроенные, пришли к моему дому, который находился в Лалели, и встретились с остальными своими подругами. Несчастные, сколько времени они ждали у дверей. Удивленно я спросила:

– Почему вы не вошли в дом? И тут узнала, что дом конфискован Анкарой. Как могло быть так? Как могли у меня отобрать дом, подаренный мне моим отцом. Какая совесть это могла сделать? Сколько уже лет от Анкары только и слышишь: право, закон. Но никак обещанный порядок и права не реализуются. Наоборот, все, что было хорошее и красивое, сокрушили, добро народа, имущество у него отобрали. Если одно правительство одной дворцовой служанке не дает теплый приют, это разве не показывает, что создававшаяся система ошибочна?

Без места, без дома остались на улице 11 служанок. Куда мы могли пойти? У кого мы могли просить помощи? Теперь у нас не было ни падишаха, ни шахзаде, ни султана, ни госпожей наших. К кому мы могли обратиться за помощью?

Дай руку Анатолия

С 15 марта остались мы бездомными и покинутыми, никому не принадлежащими. Дом мой отобрали у меня. Во дворце Ченгелкёй вообще жили несколько ветеранов, прийти и втиснуться туда было невозможно. В Стамбуле у меня никого не осталось. Старшая моя сестра была сослана за границу, старший брат жил в Сивасе, второй старший брат жил в Белграде. Отец мой и младшая сестра жили в Софии, но туда поехать уже было невозможно, так как болгары нас не пускали в свою страну. Старший мой дядя Сами бей давно уже ушел на тот свет, другие мои родственники, близкие все были за границей. Единственный выход – ехать в Сивас к старшему брату Ахмету бею и тете Хюррем-ханум.

Среди тех, кто в один день ушел из Ферие, была Мелекнур-ханум, у которой был один родственник по имени Мансур. Он жил в Измите. Чтобы больше ни для кого не быть обузой, она решила пойти к этому человеку. Пейрев-ханум и Налезен-ханум предпочли пойти к своим соотечественникам в Адапазары и приютиться там.

Дильназ-ханум, сказав, что в Дюздже у нее есть один родственник, поехала в ту сторону. Байла-ханум переселилась к двоюродной сестре в Едирне, Дильфири-ханум предпочла уехать в Венгрию. Бог знает почему? Остались Хюснюавер, Меджиде и я. Хюснюавер была не абхазкой, она была красивой грузинкой из Артвина. Меджиде родом из фамилии Черкес Хасан бей имела родственников в Силивре, даже отец ее был жив, но пойти к

ним ей гордость не позволяла, предпочла остаться со мной.

– После госпожи, кого я могу принять как госпожу, только вас, после этого я никогда не разлучусь с вами, – сказала она.

Хюснюавер тоже предпочла пойти со мной, так как думала, что больше не сможет привыкнуть к жизни в Артвине.

Таким образом, две молодые девочки и я, которая получила самые тяжелые удары морально и физически, разбитая женщина, отправились в путь, в Сивас.

Последняя станция Сивас

Когда на вокзале Хаидарпаша сев в поезд, мы потихоньку стали оставлять Стамбул позади, в глубине души моей я слышала голос, который говорил мне, что я Стамбул больше не увижу.

Таким образом, город, в котором я родилась, и который мои предки после Абхазии приняли как вторую родину, я покидала, покидала эти дорогие мне земли. Мы вышли в неизвестную дорогу. Куда?

Ровно 15 часов путешествия по железной дороге. Мы доехали до Анкары и оттуда на карете через два дня прибыли в Сивас. Начали искать дом моей тети Хюррем-ханум. Наконец на улице Сюннетчи мы нашли его. Тетя, которая жила в очень красивом и приятном доме, увидев меня перед собой, чуть не потеряла дар речи. Плача:

– Лейла, Лейла моя, ах, моя красивая девочка, – так обхватила, так обняла меня, что в тот же миг

я забыла все горечи, почувствовала такую радость, будто после долгого времени опять прикоснулась к материнской нежности.

Сразу же взяв нас в дом, тетя приготовила обед. Стала спрашивать про жизнь. Тетя моя Хюрремханум была одинокой женщиной. Муж ее князь Ариф бей Гечба давно уже умер. Тетя прежде жила в Стамбуле. После смерти мужа, единственный сын Бедреддин бей пригласил ее в Америку к себе, но она не приняла это приглашение, приехала в Сивас и предпочла спокойную жизнь здесь, так как семья мужа находилась в Сивасе. Затем я узнала, что жизнь она проводила, работая иногда переводчицей с французского языка в муниципалитете Сиваса. Кроме того она в каждый субботний вечер развлекала женщин Сиваса, играя на пианино. В связи с этим тете дали прозвище «французская мадам».

Дом был из пяти комнат, широкий, с большой прихожей, с очень приятной обстановкой. Я спросила у тети:

– Тетушка, как ты здесь живешь?

Тетя, смеясь:

– А что особенного здесь может быть, дочка моя, это тихое спокойное место, а еще смотри, сколько лет мы находились в Стамбуле, и что из этого вышло.

Потом тетя погладила лица Хюсюавер и Меджиде.

– Посмотри на этих бедняжек детей, жалко девочек в таком возрасте, во что их превратил Стамбул, – пожалела она их.

Я, тоже расстроившись, сказала:

– Их в это состояние привел не Стамбул, а пережитые ими ужасы, – и начала плакать.

После этих моих слов и тетя расплакалась.

– Не плачь, Лейла, Бог велик, Аллах с теми, кто терпелив, дитя мое, – сказала она и успокоила меня.

Я спросила, где находится дом моего старшего брата Ахмета бея, тетя сказала, что он живет не в Сивасе, а в Карахисаре, работает учителем сельских детей.

Вот так мы пришли в Сивас. Наша жизнь была занята тем, что мы помогали тете и думали о нашей госпоже. Госпожу свою я ни в коем случае не вычеркнула из сердца. Интересно, что она сейчас делает, как она проводит время, с мыслями об этом годы как воды протекли, ушли.

После двух лет пребывания в Сивасе я узнала из газет, что наш правитель султан Вахидеддин хан умер. Тогда разбилось мое сердце на кусочки. Какая злосчастная судьба была у этого человека. Ах, преданный наш Его Величество сейчас уже в вечном мире. А сударыня наша, добрая, умная, с приятным голосом, великодушная госпожа, самую горькую печаль, я уверена, она пережила в связи со смертью Его Величества господина.

После этого горького случая, через год, моя невестка Есмехан-ханум – из-за несчастных Рухсареханум и Шахесер-ханум она была в трауре, заболела раком. Стало необходимо ампутировать правую ногу, сделали ей операцию. После ампутации ноги, спустя три месяца, несчастная женщина скончалась.

Тетя моя Хюррем-ханум тоже в 1928 г. умерла. Вслед за тетей скончалась в очень молодом возрас-

те Меджиде, как роза в моих пальцах она погасла. Смерть этой молодой девочки я не вынесла, ее смерть меня проглотила полностью.

Абдулкадыр бей убийство своей дочери и сестры госпожи Назикеды тоже не вынес и умер.

Все они, оставив меня одну, с большими горестями ушли из брэнного мира.

Хюснюавер влюбилась в сына моего соседа. После короткого времени мы сыграли свадьбу этим двум людям, которые очень любили друг друга. Они переселились в Стамбул. Сейчас я одна единственная в этом огромном и холодном доме целыми днями сижу и вспоминаю прошедшие дни.

Есть одна девочка, которая в последнее время меня постоянно навещает. Это Зехра. Очень приятная, добросердечная, еще совсем ребенок. В этом мучительном мире, после моего Аллаха, это единственное создание, которое освещает мне путь.

Насколько жизнь ко мне отнеслась несправедливо и превратно. Может быть, великий Аллах этими событиями, явлениями только испытать меня хотел?

Выдержала ли я этот экзамен? Не знаю.

*Супруга султана Абдугамид хана
Наиме султан Шадие Чихба*

*Вторая супруга султана Абдугамид
хана Пейвесте ханум Елхаа*

*Дворец Шахзаде
Юсуфа Изеддин Ефенди*

*Сын султана Абдулмеджид хана
Бурханеддин Ефенди*

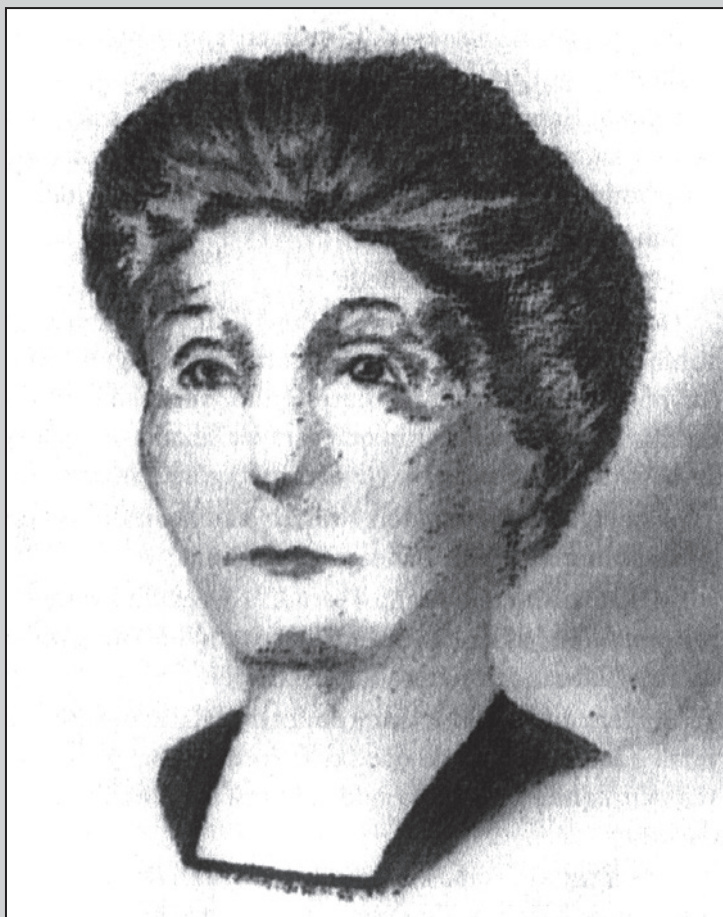
*Супруга султана Абдулгамид хана II
Бехидче султан Маан*

*Отец Бехиче ханум,
князь Албуз бей Маан*

*Сын султана Абдугамида хана II
Нуреддин Ефенди*

Княжна Назикедa Маршaн

Емине Назикедә Маршан

*Емине Назикедә.
В саду дворца Ченгелкёй*

*Третья супруга султана Вахидеддина
княжна Мюведдет Чихба*

*Четвертая жена султана
Вахидеддина Неваре Чихба*

Дворец Невваре Чихба

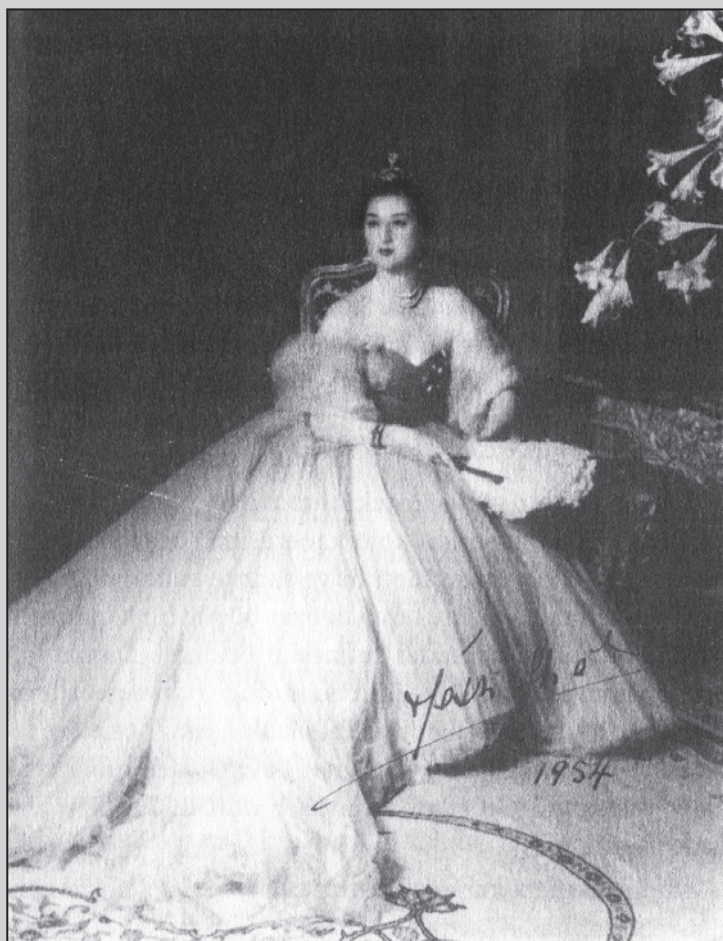
*Казначей Абдулгамид хана
Фиристаде*

*В середине снимка Сабиха султан.
Слева: дочь Неслишах султан и ее
супруг-принц Мухаммед Абдель Монием*

*Сын Халифа Абдулмеджид Ефенди
Фарук в детстве*

Неслишах султан

Вахидеддин в детстве

Султан Вахиде́ддин хан в юности

Невзад ханум Барғу

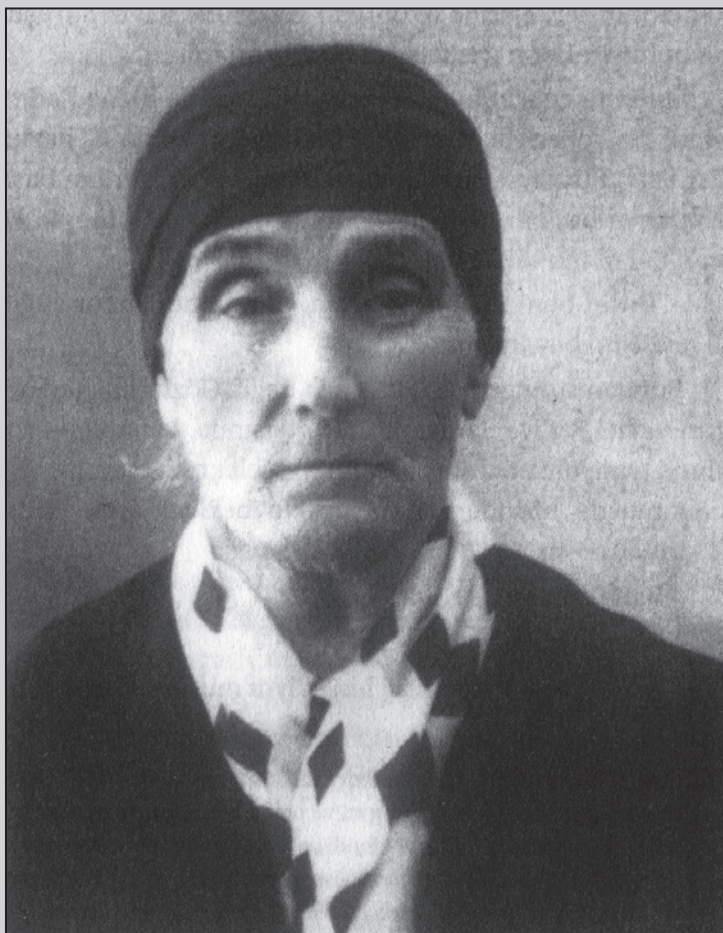
*Последний
Халиф Абдулмеджид Ефенди*

Княжна Шахсер Гечба

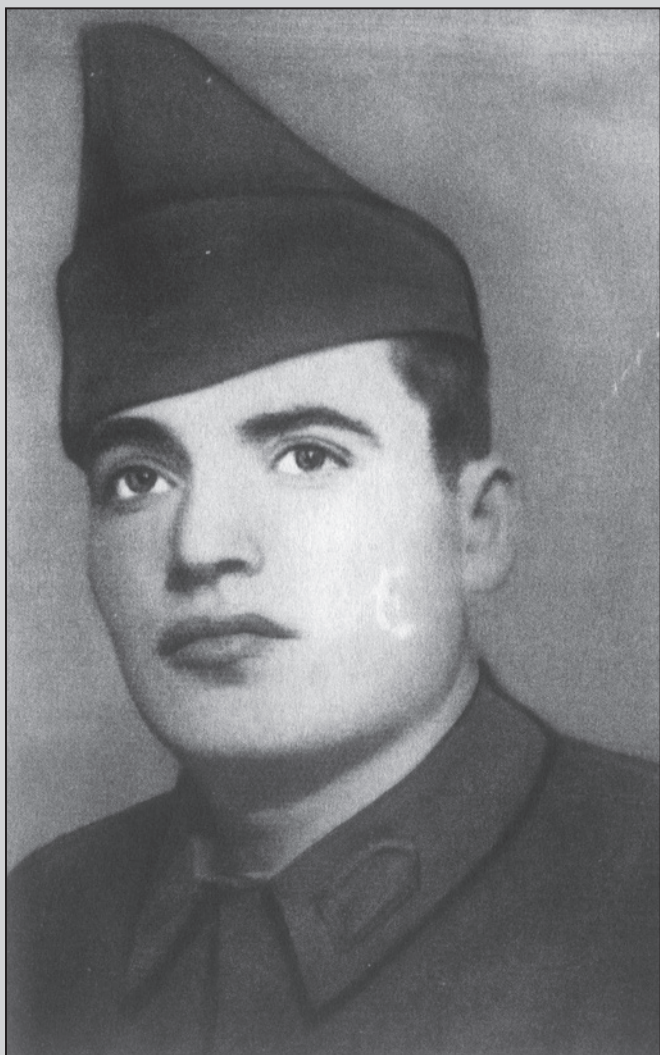
*Дочь султана
Вахидеддин хана Хюмеира султан*

*Назикеда Агба. Снимок сделан в
Каире во время ссылки*

Князь Мехмед Рефик бей Ачба

Князь Абубекир Ачба

Емине Назикедә Маршан

Княжна Рюмеиса Аредба

*Халиф Абдулмеджид Ефенди
и его сестра Назиме султан*

*Шахзаде Фарук Ефенди и его вторая
жена Мухришах султан в Каире*

Шахзаде Омар Фарук Ефенди

*Шахзаде Тевфик Ефенди и его супруга
Февзие ханум*

Лейла Ачба

Воспоминания черкесской принцессы

(перевод с турецкого Авидзба В. Д.)

Редактор – Л. М. Яковлева
Корректор – Л. М. Яковлева
Верстка – Н. Г. Гунба

Формат 60х90 $\frac{1}{16}$. Тираж 1000. Усл. печ. л. 12,5. + 2 ил.